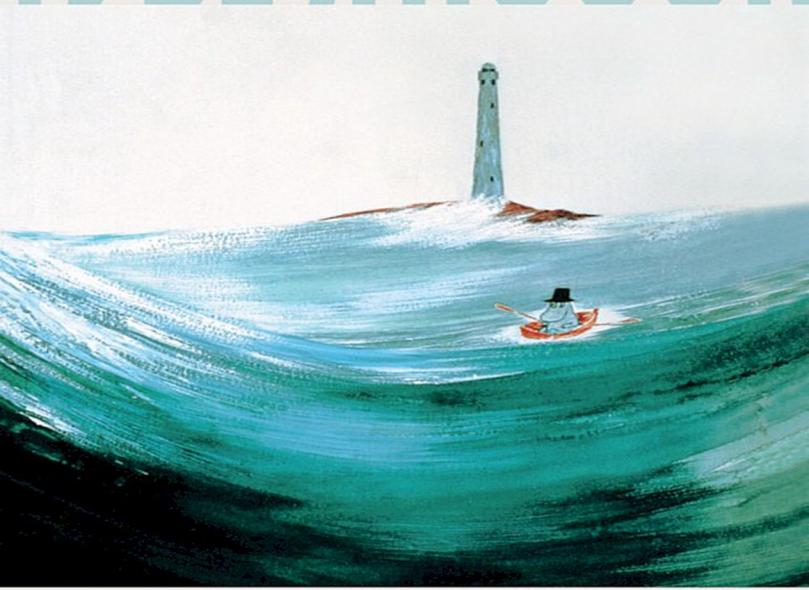
ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson



ПАПА И МОРЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Папа и море

Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Папа и море
Глава первая. Семья в стеклянном шаре
Глава вторая. Маяк
Глава третья. Западный ветер
Глава четвёртая. Норд-ост
Глава пятая. Туман
Глава шестая. Убывающая луна
Глава седьмая. Зюйд-вест
Глава восьмая. Смотритель маяка

Аннотация

Муми-троллям уже доводилось переезжать, а Муми-папа — тот вообще великий путешественник. Вот и сейчас, к концу лета, Муми-папа решил, что размеренная жизнь в долине не для его мятежной души. Его призвание — жить на острове с маяком, средь бушующего моря, и указывать путь кораблям. Семейство отправляется в путь. Маяк на первый взгляд кажется довольно скучным и неуютным местом. Но это только на первый взгляд. Ведь Муми-мама сумеет сделать уютным даже голый утёс, а тайн, опасностей и бушующего моря семейству хватит надолго!

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
Папа и море

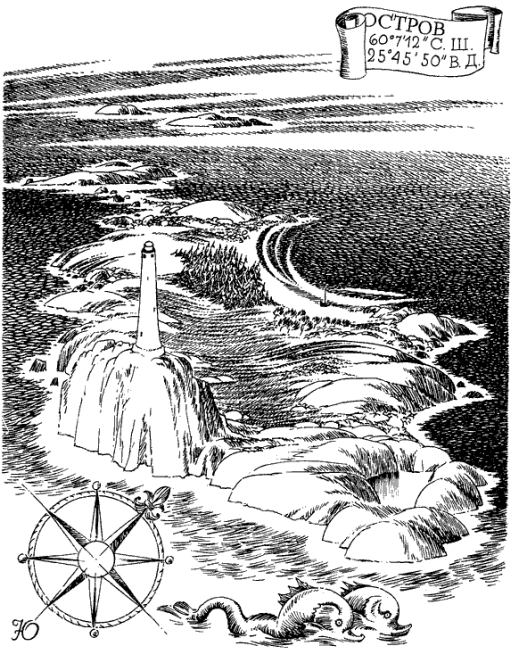
Tove Jansson
PAPPAN OCH HAVET
Copyright © Tove Jansson 1965 Moomin Characters ™

All rights reserved

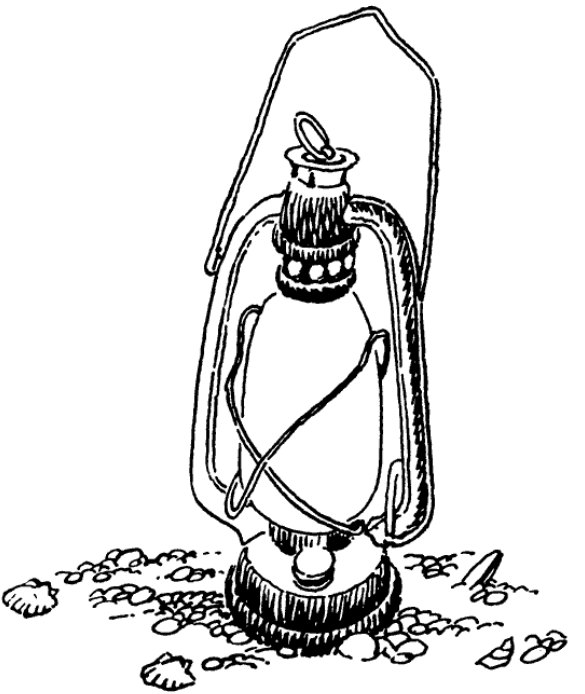
Серийное оформление *Татьяны Павловой*
Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янссон*
Перевод со шведского *Евгении Тиновицкой* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*

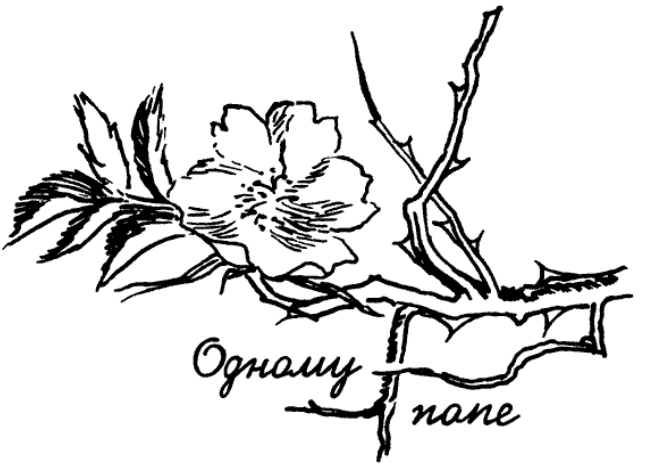
© Е. Тиновицкая, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *



ФИНСКИЙ ЗАЛИВ




Одному
папе

Глава первая
Семья в стеклянном шаре



Вечером в конце августа один папа бродил по саду, ощущая полную свою бесполезность. Он не знал, чем себя занять, — за что ни возьмись, дело или уже было сделано, или его делал кто-то другой.

Папа бесцельно кружил по саду, а за ним по иссохшей земле печально тащился его хвост. В долине стояла удушливая жара, всё кругом было тихим, неподвижным и слегка припылённым. Это был тревожный месяц, месяц больших пожаров.

Папа неоднократно предупреждал всю семью. Он объяснял, чем опасен август. Он в красках

изображал, как пылает долина, бушует пламя, тлеют стволы и расползаются подо мхом торфяные пожары. Столбы пламени, взмывающие к небу! Волны огня, которые подкатывают к самой долине, убегают к морю…

— …и с шипением бросаются в него, — мрачно и торжественно заключал папа. — Всё черным-черно, всё покрыто пеплом. Какая огромная ответственность лежит на каждом из нас, до самого последнего кнютта, на каждом, кому могут попасть в лапы спички!

Остальные отвлекались на секунду, чтобы сказать:

— Точно-точно. Именно так, — и возвращались к своим занятиям.

Они всё время были чем-то заняты. Тихо, увлечённо, непрерывно возились они с мелкими делами, которым нет конца. Их отдельный, собственный мир был чётко очерчен, в него нечего было добавить. Как карта, на которой не осталось белых пятен: всё уже открыто и заселено. И они говорили друг другу:

— В августе папа всегда заводит речь о пожарах.

Папа поднялся по ступенькам. Когда он шёл к плетёному креслу, лапы привычно липли к

покрытому лаком полу веранды и с чпоканьем отлипали. Хвост тоже прилипал, и казалось, будто кто-то за него дёргает.

Папа уселся и закрыл глаза. Пол надо бы перелакировать, из-за жары он стал липким. Хороший лак не должен так плавиться. Видно, в прошлый раз попался какой-то не такой. Сколько уже лет этой веранде? Да, пора. Но сначала придётся зачистить пол наждачной бумагой — муторная работа, которой никто не оценит. То ли дело водить широкой, блестящей от лака кистью по новеньким белым половицам! Чтобы не мешать, все будут ходить через чёрный ход, пока не пустишь их внутрь и не скажешь: «Вот вам новая веранда!» Какая всё-таки жарища. Отправиться бы куда-нибудь под парусом. Выбраться в море, в открытое море…

Папа почувствовал, как сон прокрадывается к нему в лапы, дёрнул плечами и зажёг трубку. Спичка в пепельнице ещё не погасла, и он с интересом наблюдал за ней. Не давая ей догореть, он оторвал несколько клочков газеты и подложил в огонь. Получился славный маленький костерок, еле заметный в солнечном свете, но очень красивый. Папа внимательно следил за ним.

— Сейчас погаснет, — заметила малышка

Мю. — Подложи ещё бумаги.

Оказывается, она сидела в тени перил.

— А, опять ты здесь. — Папа тщательно потряс пепельницу, гася остатки. — Я изучаю, как ведёт себя огонь, это очень важно.

Мю засмеялась, бесцеремонно его разглядывая. Папа надвинул шляпу на глаза и погрузился в сон.

— Папа! — позвал Муми-тролль. — Проснись. Мы потушили пожар!

Обе папины лапы прилипли к полу. Папа рывком оторвал их, чувствуя, что его постигла чудовищная несправедливость.

— Что ты несёшь? — осведомился он.

— Правда, настоящий маленький пожар, — заверил его Муми-тролль. — За табачной грядкой. Там загорелся мох, мама сказала, что, наверное, залетела искра из трубки…

Папа выпрыгнул из кресла, внезапно охваченный жаждой деятельности. Шляпа упала и скатилась по ступенькам.

— Мы его уже потушили, — крикнул ему вслед Муми-тролль. — Потушили сразу же, не волнуйся!

Папа резко остановился, от жары вдруг стало трудно дышать.

— Потушили? Без меня? Почему же никто меня не позвал? Оставили меня спать в полном неведении!

— Дорогой, — откликнулась из кухонного окна мама, — ну никакого смысла не было тебя будить. Совсем маленький пожарчик, только мох чуть-чуть задымился. А я как раз шла мимо с ведром и плеснула на него…

— Шла мимо! — вскричал папа. — Плеснула! Плеснула, надо ж такое сказать! И оставила источник огня без присмотра! Где он? Покажите!

Мама бросила свои дела и поспешила впереди папы к табачной грядке. Муми-тролль остался наблюдать с веранды. На мху чернело крошечное пятнышко.

— Кто-то, кажется, думает, — медленно заговорил папа, — что это пятнышко совершенно безобидно. Как бы не так. Пламя, понимаешь ли, может распространяться подо мхом. Под землёй. Целыми часами, а то и днями, а потом вдруг — пуфф! — огонь вылетает из-под земли совсем в другом месте. Понимаешь?

— Да, дорогой, — ответила мама.

— И поэтому я остаюсь здесь, — сказал папа, с недовольным видом поковыряв мох. — Буду стеречь его. Всю ночь, если понадобится.

— Ты правда собираешься… — начала было мама, но вовремя спохватилась: — Конечно, спасибо тебе огромное. С этими мхами никогда не знаешь наверняка.

Папа караулил чёрное пятнышко целый вечер. Повыдёргивал вокруг него весь мох. Он не согласился даже идти ужинать. Ему хотелось пообижаться.

— Как думаешь, он и на ночь там останется? — спросил Муми-тролль.

— Всё может быть, — кивнула мама.

— Злиться так злиться, — заметила малышка Мю, сдирая зубами мундир с картофелины. — Иногда это полезно, и у каждой маленькой малявки есть на это право. Но Муми-папа злится неправильно — держит всё в себе и ничего не выпускает наружу!

— Деточка, — проговорила мама, — папа сам всё понимает.

— Не думаю, — честно сказала малышка Мю. — Ничего он не понимает. А вы?

— Да и мы, — призналась мама.

Папа сунул морду в мох и почуял горьковатый запах дыма. Земля уже даже остыла. Папа вытряхнул трубку и раздул искры. Они померцали секунду и погасли. Папа попрыгал обеими

лапами на нехорошем месте и поплёлся в сад — заглянуть в стеклянный шар.

Темнота, по обыкновению своему, вырастала из-под земли и сгущалась под деревьями. Вокруг стеклянного шара было посветлее. Он покоился на постаменте из морской пенки, и в нём отражался весь сад. Это был папин, неоспоримо папин шар, его собственный, волшебный, сверкающе-синий — центр сада, долины, а то, пожалуй, и всей Земли.

Папа не сразу заглянул в него. Он сперва осмотрел свои закопчённые лапы и попытался припомнить все неясные и ускользающие горести. И когда сердце исполнилось такой тяжести, что дальше некуда, он посмотрел на шар, ища утешения. Шар всегда утешал его. Этим долгим, тёплым, бесконечно красивым и печальным летом папа приходил к нему каждый вечер.



Шар был прохладный, а его синева — глубже

и яснее морской, и весь мир становился в нём прохладным, чужим и далёким. В центре мира папа видел себя, собственную растянутую морду, а вокруг отражался изменённый, как во сне, пейзаж. Синяя земная твердь была далеко-далеко внизу и в глубине шара, и там, в недостижимой дали, папа стал искать своё семейство. Они всегда приходили, если он ждал. Стеклянный шар всякий раз отражал их.

Они, конечно, продолжали суетиться и в сумерках. Они же всё время чем-то заняты. Вот Муми-мама выбежала из кухни в погреб за колбасой или маслом к вечернему чаю. А может, проведать картофельную грядку. Или принести дров. И всякий раз у неё был такой вид, будто она идёт по совсем новой и ужасно интересной дороге. Хотя поди знай. Может, на самом деле она и направляется за какой-нибудь тайной приятностью. Или просто играет сама с собой и бродит туда-сюда, чтобы ощутить себя живой.

Она возникала там всякий раз, похожая на шустрый белый шарик, откуда-то сзади, из самой синей глубины. Там бродил, погружённый в собственные мысли, Муми-тролль, там пробегала вверх по склону малышка Мю, точнее, глаз различал только движение, а Мю почти не

было видно — только тень кого-то смелого, решительного и такого независимого, что ему нет нужды выставляться и показываться другим на глаза. Но там, в отражении, все они становились неправдоподобно крошечными, а их движения — растерянными и беспорядочными.

Муми-папа любил смотреть на них. Это была его ежевечерняя игра. Он представлял, что они нуждаются в защите, что они погружаются в глубокое море, о котором знает только он.

Уже почти стемнело. И вдруг внутри шара снова что-то произошло — он ярко засветился. Муми-мама зажгла на веранде лампу — она не делала этого всё лето. Лампа загорелась, и вся безопасность оказалась вдруг сосредоточена в одном месте, на веранде и нигде больше, и мама сидела там же и ждала своих к вечернему чаю.

Шар погас, синий пейзаж потемнел, не было видно ничего, кроме лампы.

Папа постоял мгновение, думая сам не зная о чём, потом повернулся и пошёл домой.

— Ну что ж, — сказал папа, — думаю, теперь мы можем спать спокойно. На этот раз опасность миновала. Но я на всякий случай встану на заре и проверю ещё раз.

— Ха! — сказала малышка Мю.

— Папа! — воскликнул Муми-тролль. — Ты ничего не замечаешь? Мы зажгли лампу!

— Да, я подумала, что уже настало время для лампы — вечера стали такими длинными, — сказала мама. — Сегодня я это прямо ощутила.

— Но ты положила конец лету, — сказал папа. — Ведь лампу зажигают, когда лето кончается.

— Зато теперь начнётся осень, — примирительно сказала мама.

Лампа горела и посвистывала. От неё всё делалось надёжным и близким — тесный круг семьи с его чувствами и чаяниями, а по другую сторону круга лежало всё чуждое и непрочное, всё, что наращивало тьму ввысь и вширь, до самого края света.

— В некоторых семьях спрашивают у отца, прежде чем зажигать лампу, — пробормотал папа в чашку.

Муми-тролль выстроил бутерброды в обычном порядке: первый с сыром, потом два с колбасой, а после них холодная картошка с сардинами и джем. Он был совершенно счастлив. Мю, чувствуя, что вечер сегодня необычный, ела только сардины. Она задумчиво таращилась в темноту, и глаза её, пока она ела и думала, становились всё темнее и темнее.

Свет лампы ложился на траву и кусты сирени и, уже слабея, подбирался к тени, где пряталась в одиночестве Морра.

Морра сидела там так долго, что лужайка под ней успела заледенеть. Когда она встала и потянулась поближе к свету, трава захрустела, как стекло. Шёпот ужаса пробежал по листве, несколько кленовых листьев свернулись и, трепеща, слетели Морре на плечи. Астры отклонялись от неё, как только могли. Сверчки умолкли.

— Почему ты не ешь? — спросила мама.

— Сам не знаю, — ответил Муми-тролль. — А у нас есть плотные шторы?

— Они на чердаке, — ответила мама. — Мы достаём их, когда начинаем готовиться к зимнему сну.

Она повернулась к папе:

— Дорогой, ты не хочешь, пока горит лампа, заняться своим маяком?

— Пф, — ответил папа. — Детские забавы. Он меня больше не интересует.

Морра придвинулась ещё ближе. Она таращилась на лампу и покачивала большой тяжёлой головой. Холодная белая дымка вилась вокруг её ног. Морра медленно заскользила к лампе, огромная серая тень одиночества. Стёкла тихонь-

ко зазвенели, как от далёкого грома, сад затаил дыхание. Морра была уже возле крыльца, она остановилась в темноте, там, куда не попадал очерченный на земле квадрат света.

И тут она быстро шагнула к окну, так что свет ударил ей в лицо. С веранды немедленно послышались вскрики, там всплёскивали руками, роняли стулья, лампу унесли прочь, и в мгновение ока стало темно. Все спрятались в дом, куда-то в самую его сердцевину. Вместе с лампой.



Морра постояла немного, надышала инея на опустевшее окно и слилась с темнотой, заскользила прочь. Трава со звоном ломалась от её шагов, звук становился всё дальше, всё тише. Сад вздрогнул, роняя листья, и снова задышал: Морры больше не было, Морра снова была далеко.

— Это совершенно лишнее — баррикадироваться и не спать всю ночь, — сказала мама. — Морра, конечно, опять что-нибудь испортила в саду. Но она не опасна. Ты же знаешь, что она не опасна, несмотря на то что она такая отвратительная.

— Ещё как опасна! — закричал папа. — Ты сама испугалась! Перепугалась до ужаса, а бояться нечего, ведь я здесь, с тобой…

— Дорогой, — сказала мама. — Морру боятся, потому что она ледяная насквозь и никого не любит. Но большой беды от неё не будет. Я так думаю, что теперь можно пойти спать.

— Прекрасно! — сказал папа и поставил кочергу обратно в угол. — Прекрасно! Раз никакой опасности нет, значит можно вас не защищать. Замечательно! — Он выбежал на крыльцо, прихватив по пути сыру и колбасы, и растворился во тьме.

— Ого, — восхитилась малышка Мю. — Злится и выпускает злость! Теперь он будет до утра ка-

раулить мох.

Мама ничего не сказала. Она сновала туда-сюда, как обычно перед сном, она копалась в своей сумочке, она прикрутила лампу, и тишина сразу стала иной. Наконец она принялась рассеянно стирать пыль с папиного маяка, стоявшего на комоде в углу.

— Мама! — позвал Муми-тролль.

Но мама не слышала. Она подошла к большой настенной карте с Муми-долиной, побережьем и прибрежными островами, забралась на стул, чтобы дотянуться до открытого моря, и поднесла морду к одинокой точке посреди белой пустоты.

— Вот он, — пробормотала мама. — Наш будущий дом. Там будет трудно и весело…

— Ты о чём? — не понял Муми-тролль.

— Здесь будет наш дом, — повторила мама. — Это папин остров. Папа позаботится о нас. Мы переберёмся туда, и будем там жить до конца наших дней, и начнём всё сначала.

— А я всегда думала, что это муха насидела, — заметила малышка Мю.

Мама слезла со стула.

— Иногда нужно время, — проговорила она. — Нужно невероятно много времени, чтобы что-то понять.

И ушла в сад.

— Я лучше помолчу по поводу мам и пап, — сказала малышка Мю, потягиваясь. — Ты же всё равно скажешь, что мама с папой глупыми не бывают. Они начали какую-то игру, но накорми меня птичьим помётом, если я понимаю, во что они играют!

— А ты и не должна, — с жаром проговорил Муми-тролль. — Им лучше знать, почему они так странно себя ведут. А то некоторые считают, что если их удочерили, значит они самые умные.

— Именно так! — отпарировала малышка Мю. — Самые-пресамые!

Муми-тролль не сводил глаз с одинокой точки посреди моря. «Папа хочет там жить, — думал он. — Его тянет туда. Значит, это они всерьёз. Эта игра — по-настоящему». И вдруг Муми-тролль увидел белый прибой вокруг острова, пустынное море вспенилось, остров зазеленел, покрылся красными скалами, стал настоящим одиноким таинственным островом из детских книжек, островом кораблекрушений, островом в Южном море. Горло у Муми-тролля перехватило, и он прошептал:

— Мю! Это же потрясающе!

— Да всё на свете потрясающе, — проговори-

ла малышка Мю. — Что-то более, что-то менее. Сильнее всего мы потрясёмся, если соберём свои манатки, приплывём туда и обнаружим, что весь этот остров — просто-напросто мушиная какашка.

Не позже половины шестого утра Муми-тролль отправился по следу Морры через сад. Земля уже оттаяла, но там, где сидела Морра, на лужайке осталось коричневое пятно. Муми-тролль знал, что если Морра посидит где-нибудь дольше часа, там уже никогда ничего не вырастет. Земля умирает от ужаса. В саду было уже много таких проплешин, самая досадная — посреди клумбы с тюльпанами.

Цепочка сухих листьев вела к крыльцу. Вот, значит, где она сидела — прямо рядом с полосой света. Сидела, смотрела на лампу. Потом не выдержала и подошла слишком близко, и тогда всё погасло. Всё как обычно. Всё, к чему она прикасается, гаснет.

Муми-тролль представил, что он — Морра. Вот он, сгорбленный, плетётся в окружении мёртвых листьев и тихо ждёт, выдыхая иней, и тоскливо смотрит в окно. Самое одинокое существо в мире.

Но без лампы полностью вжиться в образ не

удавалось. Вместо этого в голове закружились весёлые мысли — про остров и большие перемены. Муми-тролль забыл про Морру и начал играть с длинными утренними тенями в канатоходца: можно наступать только на солнечную полосу, всё остальное — морская пучина, бездонная и опасная. Конечно, для тех, кто не умеет плавать.

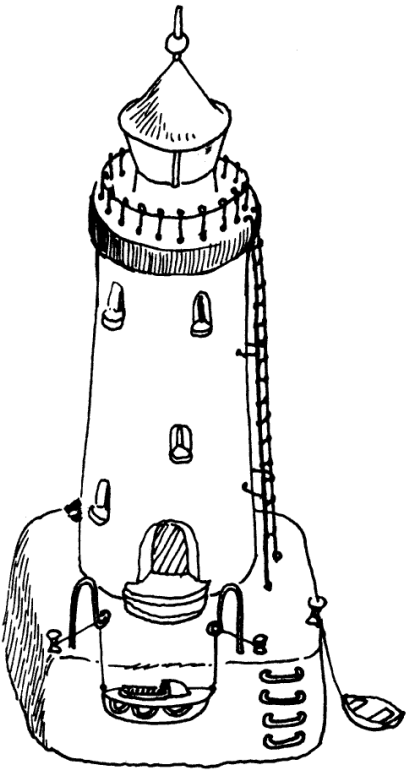
Из дровяного сарая послышался свист. Муми-тролль заглянул внутрь. Утреннее солнце блестело на жёлтых стружках у окна, в сарае пахло льняным маслом и канифолью. Папа старательно вставлял в стену маяка маленькую дубовую дверцу.

— Взгляни на эту лестницу в скале, — сказал папа. — По ней можно подняться на маяк. В плохую погоду надо быть очень осторожным. Смотри, лодка на гребне волны, она движется к скале — выпрыгиваешь на землю, хватаешься, бросаешься наверх — в это время лодку относит… Когда подкатывает следующая волна, ты уже в безопасности. Борешься с ветром — вот тут, видишь, поручни, — открываешь дверь — она тяжёлая. Вот уже и снова захлопнулась. И ты внутри маяка. Через толстые стены морской грохот слышится как будто издали. Снаружи воет ветер, лодка уже далеко.

— А мы там есть, в маяке? — спросил Муми-тролль.

— Конечно, — ответил папа. — Вы вот тут, в башне. Обрати внимание, все окошки — из настоящего стекла. А на самом верху — маяк, он красно-зелёно-белый и всю ночь подаёт сигнал, чтобы корабли знали, куда им плыть.

— А он будет гореть? — спросил Муми-тролль. — Можно приделать снизу батарейки и придумать что-нибудь, чтобы лампочки мигали.



— Можно, наверное, — ответил папа, выстругивая ступеньку перед дверцей, — но я уже не успею. Это ведь просто игрушка, такое развлечение, понимаешь?

Папа смущённо усмехнулся и уткнулся в ящик с инструментами.

— Здо́рово, — сказал Муми-тролль. — Ну пока.

— Пока, — сказал папа.

Тени стали короче. Начинался новый день, такой же жаркий, такой же прекрасный. Мама сидела на ступеньках без всякого дела — это было что-то новое.

— В какую рань все сегодня встали, — заметил Муми-тролль. Он уселся на солнышке рядом с мамой и закрыл глаза.

— Ты знаешь, что у папы на острове есть маяк? — спросил он.

— Знаю, конечно, — ответила мама. — Он же всё лето про это говорил. Там мы и будем жить.

Нужно было так много сказать, что всё осталось несказанным. Ступенька была тёплой. Всё было как надо. Папа насвистывал теперь «Вальс морского орла» — это у него отлично получалось.

— Я сейчас сварю кофе, — сказала мама. — Сейчас, вот только посижу немножко, подышу утром.

Глава вторая
Маяк



Этим великим и знаменательным вечером ветер стал медленно поворачивать к востоку. Он задул ещё в полдень, но отплытие было назначено на закатный час. Море было тёплым и синим-пресиним, как стеклянный шар, а весь причал был завален вещами до самой купальни, где покачивалась лодка с ещё не поднятым парусом и горящим фонарём на мачте. Муми-тролль

перетаскивал рыбные садки и сети через линию прилива. На берегу уже темнело.

— Конечно, есть опасность, что к ночи ветер стихнет, — сказал папа. — Можно было бы отправиться сразу после завтрака. Но, понимаешь, сейчас нам просто необходимо дождаться заката. Отплытие — это как первые страницы в книге. Они решают всё. — Папа сел рядом с мамой на песок. — Взгляни на лодку, — продолжал он. — В ночи она особенно хороша. Взгляни на наше «Приключение». Именно так надо начинать новую жизнь: фонарь на мачте, береговая линия исчезает во тьме, весь мир погружён в сон. Нет ничего лучше, чем путешествовать по ночам.

— Ты прав, дорогой, — сказала мама. — День — это для туристов, а ночь — для настоящих путешественников.

Мама очень устала от сборов — она всё время боялась забыть что-нибудь важное. На причале груда вещей выглядела внушительно, но мама знала, как мало этого окажется, когда прибудешь на место и всё распакуешь. Даже на один день, чтобы провести его в своё удовольствие, большому семейству нужно ужасно много вещей.

Но теперь, конечно, всё будет по-другому. Теперь жизнь начинается с нуля, и папа будет

заботиться о них, добывать всё необходимое и защищать. Похоже, они стали жить чересчур хорошо. «Вот удивительно, — с беспокойством думала мама. — Удивительно, что от чересчур хорошей жизни можно загрустить и даже разозлиться. Но что поделаешь, если так оно и есть? Значит, самое верное теперь — начать заново с другого конца».

— Тебе не кажется, что уже пора? — спросила она. — Твой фонарь так красиво смотрится на фоне закатного неба. Может, отправимся в путь?

— Погоди минутку. Мне надо настроиться, — сказал папа. Он расстелил на песке карту и со всей серьёзностью вгляделся в одинокий остров посреди моря. Он долго нюхал воздух, пытаясь оживить своё топографическое чутьё, впавшее в спячку за ненадобностью. Предки муми-троллей всегда определяли стороны света, не задумываясь, это получалось само собой. Но увы, со временем инстинкты ослабевают.

Вскоре папа разобрался с направлением, и можно было плыть. Он поправил шляпу и проговорил:

— Отправляемся. Но даже не думай ничего нести! Всю тяжёлую работу мы сделаем сами. Просто садись в лодку.

Мама кивнула и с трудом поднялась. Море сделалось фиолетовым, а кромка леса — сгустком тьмы. Маме очень хотелось спать, и ей вдруг показалось, что реальность сдвинулась, сместилась. Всё было лишь сном, и свет был таинственный, как во сне, и всё замедленное, и тяжёлый песок мешал двигаться.

Пожитки утрамбовали в лодку. Фонарь покачивался, очертания причала и купальни на фоне вечернего неба напоминали длинного шипастого дракона, малышка Мю смеялась, издалека доносились крики разбуженных ночных птиц.

— Красиво, — сказала мама сама себе. — Красиво и странно. Если вдуматься и вчувствоваться, всё это выглядит просто чудесно. Но интересно, он не обидится, если я в лодке немного посплю?

После захода солнца Морра снова прокралась через сад, но в этот вечер лампа на веранде не горела. Шторы были опущены, бочка для воды перевёрнута вверх дном. Ключ висел на гвоздике возле двери.

Морра привыкла к пустым домам и сразу поняла, что теперь здесь не скоро зажгут свет. Она медленно потащилась обратно по склону в горы. Стеклянный шар на миг отразил её и снова затянулся таинственной синевой. Морра вошла в лес,

и он испуганно вдохнул, подо мхом засуетились, ветви испуганно затрепетали, маленькие блестящие глазки, горевшие отовсюду, погасли. Морра привыкла и к этому. Она, не останавливаясь, взбиралась вверх по южному склону и смотрела на море, которое к ночи делалось всё темнее.

Штормовой фонарь на мачте «Приключения» был виден издалека — одинокая звёздочка, огибающая дальние острова и упрямо стремящаяся в открытое море. Морра долго смотрела на него — спешить ей было некуда. Её время было бесконечно, тягуче и неопределённо и делилось на отрезки лишь редкими случайными огнями, которые зажигаются осенью.

Она двигалась по ущелью к берегу. След её на песке был широким и бесформенным, как от большого тюленя. Волны погружались обратно в море и беспомощно останавливались, вода рядом со складками Морриной чёрной юбки сделалась тише, и заблестела, и начала застывать.

Морра ждала долго, окружённая клуба́ми холодного тумана. Время от времени она поднимала то одну, то другую ногу, лёд похрустывал и крепчал. Морра сооружала свой собственный ледяной остров, чтобы добраться до далёкого мигающего огонька. Блестящая точка уже исчезла за острова-

ми, но Морра знала, что точка всё равно светится. И даже если свет погаснет раньше, чем она его догонит, — ничего страшного. Рано или поздно он зажжётся снова. Так происходит всегда.

Муми-папа правил лодкой. Он крепко держался за руль, исполненный с ним тайного взаимного понимания, и пребывал в мире и согласии с самим собой.

Семья его была маленькой и беспомощной, точь-в-точь как в стеклянном шаре, и он со всей осторожностью вёз её через огромное море, сквозь безмолвную синюю ночь. Фонарь на мачте отмечал их путь, будто папа решительно провёл через карту светящуюся черту, сказав: «Отсюда — туда. Там будет наш дом. Там стоит мой маяк, вокруг которого вертится земля. Он стоит прямой и гордый, в самом центре всех морских опасностей».

— Не холодно вам? — весело спросил папа. — Ты укрылась пледом? Видите, вот и последний остров остался позади. Ночь скоро взойдёт в самую тёмную свою точку. Ночью довольно опасно ходить под парусом, надо всё время быть начеку.

— Да, дорогой, — сказала мама. Она лежала, свернувшись клубочком, на дне лодки. — Это очень волнительно.

Плед немножко промок, и мама осторожно передвинулась к подветренной стороне. Уши её всё время задевали за шпангоуты.

Мю сидела на носу лодки и монотонно напевала.

— Мама, — прошептал Муми-тролль, — из-за чего она стала такая ужасная?

— Кто?

— Морра. Кто-то её обидел?

— Кто знает, — проговорила мама, вытаскивая хвост из кильватера. — Скорей всего, никому просто не было до неё дела. Не то чтобы она это запомнила или специально ходит и об этом думает. Она — как дождь или тьма, как камень, который надо отодвинуть, чтобы пройти. Хочешь кофе? Термос в белой корзинке.

— Пока не хочу, — сказал Муми-тролль. — У неё маленькие жёлтые глазки, застывшие, как у рыбы. Она умеет говорить?

Мама вздохнула:

— Не стоит разговаривать с Моррой. Ни с ней, ни о ней, не то она вырастает и приходит следом. И не переживай из-за неё. Ты думаешь, что она тоскует по свету, а на самом деле она просто хочет сесть на него и погасить навсегда. А теперь я надеюсь немного поспать.

На небе проступили бледные осенние звёзды. Муми-тролль лежал на спине и смотрел на фонарь, а думал о Морре. Тот, с кем и о ком никогда не разговаривают, со временем, наверное, совсем исчезает. У него просто не остаётся решимости больше быть. Может, ему помогло бы зеркало? А если поставить много зеркал, то можно увидеть сколько угодно себя, и спереди, и сзади. Может, отражения даже разговаривали бы между собой…

Руль тихонько поскрипывал в тишине. Все уснули, и папа остался наедине со своим семейством. Он чувствовал себя бодрым и живым — живее, чем когда-либо.

Под утро Морра на далёком берегу собралась в путь. Остров под ней стал чёрным и прозрачным, и острый его ледяной бушприт указывал прямо на юг. Песчаное дно скоро пропало из виду. Морра подобрала тёмные юбки, свисавшие по бокам, словно лепестки увядшей розы, — они с хлопаньем расправились, распахнулись, и Морра начала своё неспешное морское путешествие.



Юбки взлетали вверх и опускались в стороны в ледяном воздухе, как руки пловца. Вода разбегалась испуганными волнами, и Морра двигалась вперёд в рассветных лучах, оставляя за собой облачко холодного тумана. С берега она была похожа на большую покачивающуюся летучую мышь, она двигалась медленно и тяжело, но всё же не стояла на месте. Время у неё было. У неё не было ничего, кроме времени.

Семейство шло под парусом до утра и весь следующий день, потом снова наступила ночь, а папа всё сидел у руля, ожидая, когда покажется маяк. Однако ночь по-прежнему оставалась

ровно-синей, без всякого следа подмигивающих огоньков маяка на горизонте.

— Курс правильный, — размышлял папа. — Я точно знаю, что мы идём в нужном направлении. При таком ветре к полуночи прибудем на место. Маяк уже должен быть виден.

— Что, если какой-нибудь мерзавец его выключил? — предположила малышка Мю.

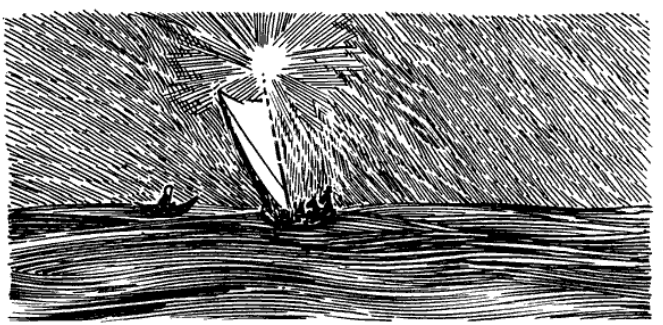
— Ты думаешь, маяк можно просто взять и выключить? — усмехнулся папа. — В чём в чём, а в том, что маяк горит, нет никаких сомнений. Всё-таки в мире есть надёжные вещи: морские течения, смена времён года, солнце, которое всходит по утрам… И маяки.

— Наверное, скоро покажется, — проговорила мама. В голове её теснились, никак не находя себе места, обрывки мыслей. «Пусть уже появится этот маяк, — думала она. — Папа так радуется… И пусть это действительно будет остров, а не мушиный след — ведь сейчас никак нельзя уже вернуться домой… После такого красивого отплытия… Бывают большие розовые ракушки, но белые тоже красиво смотрятся на чёрной земле. Посмотрим, как там приживётся роза…»

— Тсс! Я слышу какие-то звуки, — проговорила с носа лодки малышка Мю. — Помолчите, тут

что-то происходит.

Все подняли морды и вгляделись в ночь. Тихий плеск вёсел слышался всё яснее. Незнакомая лодка медленно приближалась, вот она уже вынырнула из тьмы. Лодочка была маленькая, серая, гребец бросил грести и смотрел на них без всякого удивления. Он был очень замурзанный и очень спокойный. Свет отражался в его больших синих глазах, прозрачных, как вода. На носу лодки была удочка.



— Как клюёт ночью? — поинтересовался папа.

Рыбак пожал одним плечом и отвёл взгляд. Он не хотел говорить.

— Тут где-то должен быть остров с большим маяком, — продолжал папа. — Почему маяк не горит? Ему давно уже пора показаться.

Лодка рыбака прошла мимо. Когда он наконец ответил, слова едва можно было разобрать:

— Никто не знает… Возвращайтесь домой. Вы слишком далеко забрались…

Рыбак скрылся позади. Они ещё вслушивались, надеясь различить плеск вёсел, но в ночи не было слышно ни звука.

— Он был какой-то странный, верно? — с сомнением протянул папа.

— Он был очень странный. — У малышки Мю никаких сомнений не было. — Псих какой-то.

Мама вздохнула и попыталась вытянуть лапы.

— У нас все знакомые такие, — заметила она. — Кто побольше, кто поменьше.

Ветер стих. Папа сидел у руля, выпрямив спину и подняв нос.

— Вот, — проговорил он. — Похоже, прибыли. Мы подошли к острову с подветренной стороны. Ума не приложу, почему маяк не горит.

В тёплом воздухе пахло вереском. Вокруг

было тихо. И вдруг из тьмы проступила величественная тень, остров наклонился над ними и внимательно вгляделся в них. Они почувствовали его горячее дыхание, когда лодка ткнулась в песок и остановилась, почувствовали, что к ним присматриваются, и покрепче прижались друг к другу, не решаясь шевельнуться.

— Мама, слышишь? — шепнул Муми-тролль.

Лёгкие лапки пронеслись к берегу — послышался слабый плеск, и снова стало тихо.

— Это Мю спрыгнула на берег, — сказала мама. Она стряхнула с себя тишину, принялась рыться в корзинках, попыталась переставить на берег горшок с розой.

— Спокойствие, только спокойствие! — воскликнул папа. — Я обо всём позабочусь. Надо с самого начала правильно всё устроить. Первым делом — лодка. Это самое важное… Оставайтесь на своих местах и спокойно ждите.

Мама послушно села обратно и уклонялась от спускаемого паруса и качавшейся туда-сюда реи, пока папа бегал по лодке и всё устраивал. Фонарь на мачте выхватывал из кромешной тьмы лишь круглое пятно: белый песок и чёрную воду. Папа и Муми-тролль вытащили на землю матрас с насквозь промокшим углом. Лодка накренилась,

розу в горшке прижало к борту синим сундуком.

Мама сидела, уткнув нос в ладони, и ждала. Похоже, всё идёт как надо. Наверное, со временем она привыкнет к тому, что о ней заботятся, и ей даже понравится. Похоже, она задремала.

…Оказалось, что папа стоит рядом и держит в лапах фонарь.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь можешь спать спокойно. Я буду на страже всю ночь, так что тревожиться не о чем. А следующей ночью будем уже ночевать на моём маяке. Как только рассветёт, я выясню, что с маяком, и мы переберёмся туда. Понять бы, почему он не горит… Не холодно в палатке?

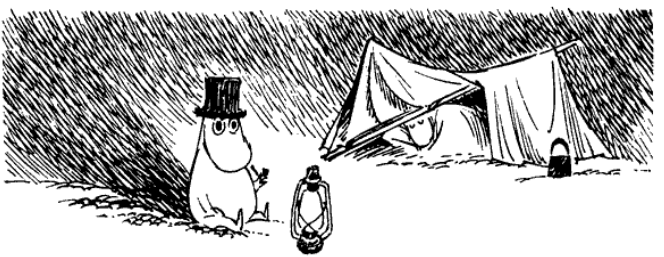
— Тут прекрасно, — ответила мама, заползая под поставленный палаткой парус.

Малышка Мю, как обычно, уже бегала где-то сама по себе, но это тоже было в порядке вещей — уж кто-кто, а Мю не пропадёт. Значит, всё хорошо?

Муми-тролль видел, как мама поворочалась на влажном матрасе, укладываясь поудобнее, вздохнула и заснула. Это было самым необычным за сегодняшнюю ночь: мама заснула на новом месте, не распаковав сумки, не постелив остальным и не раздав всем карамельки. Даже сумка

её валялась на песке. Это беспокоило и будило любопытство: значит, всё это не просто приключение, а настоящие перемены.

Муми-тролль приподнял морду и выглянул из-под паруса. Папа сидел снаружи с фонарём в лапе. Длинная тень его была внушительной, да и весь папа выглядел внушительнее обычного. Муми-тролль свернулся поплотнее и подтянул лапы к тёплому животу. И погрузился в сон, и сны покачивались и были синими, как ночное море.



Понемногу наступало утро. Папа остался наедине со своим островом и с каждым часом

ощущал его всё более своим. Небо светлело, скалы высились перед папой, испещрённые уступами, по которым можно вскарабкаться наверх, и на самом верху он увидел наконец маяк, чёрный на сером. Он оказался больше, чем папа представлял, и это был тот самый ночной час, когда тому, кто бодрствует в одиночестве, всё начинает видеться безнадёжным и опасным.

Папа погасил фонарь, и берег погрузился во тьму. Он ещё не был готов встретиться с маяком лицом к лицу. С моря дул утренний ветер, было холодно. Где-то за островом кричали морские птицы.

Папа смотрел на маяк с берега, и тот казался всё выше и выше. Он походил на модель маяка — ту, папину, так и не законченную. Теперь папа видел, что крыша не такая островерхая, как он представлял, и на верхней площадке нет перил.

Папа долго вглядывался в тёмный заброшенный маяк, и постепенно тот начал уменьшаться и умещаться в прежние мысли и представления о нём.

«Всё равно он мой, — подумал папа и зажёг трубку. — У меня есть собственный маяк. Я приведу в него свою семью и скажу: „Здесь мы будем жить“. Как только мы попадём внутрь, ничего

плохого с нами случиться уже не сможет».

Мю сидела на ступеньках маяка и смотрела, как наступает утро. Остров проступал внизу из сумрака, он был похож на большую серую кошку, которая потягивается и выпускает когти. Лапы вытягивались в море, а хвостом был длинный узкий мыс далеко позади. Кошка топорщила шерсть, но глаза её были закрыты.

— Ха! — сказала малышка Мю. — Это не простой остров. Он уходит в море не как они обычно уходят. Тут ещё такое начнётся, попомните мои слова!

Она свернулась поудобнее и стала ждать. Из моря выкатывался солнечный диск. Остров обрёл тени и цвета, втянул когти, очертания сделались чёткими. Всё засияло, и белые морские птицы закружили над мысом. Кошка пропала. Но тень маяка пролегла через остров до самого берега широкой тёмной лентой.

Они появились снизу, как крошечные муравьи, — папа с Муми-троллем тащили всё, что смогли утащить, они пробрались сквозь ольховые заросли в тень маяка и оттуда показались ещё меньше. Три белые точки остановились, подняли морды и вгляделись ввысь.

— Какой же он большой! — с дрожью прогово-

рила мама.

— Большой? — переспросил папа. — Да он просто гигантский! Это, наверное, самый огромный маяк на всём свете. И подумать только, это последний остров архипелага, за нами уже никого, только открытое море. Мы остались с морем один на один, все остальные населённые острова — далеко позади. Разве это не прекрасно?

— Да, папа! — воскликнул Муми-тролль.

— Можно я немножко понесу корзину? — спросила мама.

— Нет-нет-нет, — запротестовал папа. — Ты ничего не понесёшь. Ты просто войдёшь в свой новый дом — подожди, тебе полагаются цветы, так положено, подожди немного… — Он нырнул в осиновую рощицу и принялся собирать их.

Мама огляделась. Какая скудная земля! И сколько камней, повсюду огромные валуны. Ох, нелегко будет разбить здесь сад.

— Что это за ужасный звук? — шёпотом спросил Муми-тролль.

Мама прислушалась.

— И правда, пугающий звук, — согласилась она. — Но это просто осиновые листья, они всегда так шелестят.

Меж камней росли тонкие осинки, их трепал

морской ветер, и листья их непрерывно хлопали. По осинкам то и дело пробегала дрожь.

Днём остров стал другим, равнодушно отвернулся от них. Он больше не вглядывался в них так, как тёплой ночью, он устремил свой взгляд далеко в море.

— Вот, держи, — сказал маме папа. — Они, правда, крошечные, но распустятся, когда поставишь их на солнце… Пойдёмте. Понемногу здесь протопчется приличная тропа к берегу. А на берегу построим причал. Сколько дел! Подумать только, теперь можно всю жизнь обустраивать остров, доводить его до ума, пока он не достигнет совершенства, вот чудо-то… — Он подхватил корзины и заспешил сквозь вереск к маяку.

Перед ними высились обрывистые древние скалы, они карабкались вверх уступ за уступом, серые, испещрённые расщелинами.

«Какое здесь всё большое, — подумала мама. — Или просто я такая маленькая…»

Лишь тропинка была такой же маленькой и неуверенной, как она сама. Они вместе пробирались меж скалами и вместе пришли наконец к вершине, где ждал, стоя на тяжёлом бетонном постаменте, маяк.

— Добро пожаловать домой, — сказал папа.

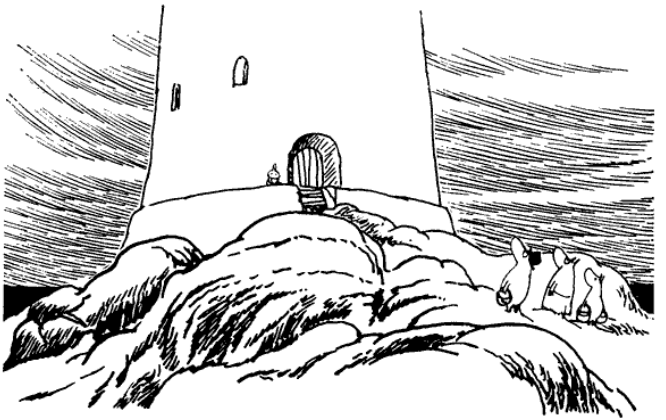
Взгляд скользил всё выше и выше; маяк — белый, гигантский, уходящий в бесконечность — просто не умещался в сознании. Над его вершиной вилось и кружило целое облако испуганных ласточек.

— Что-то мне нехорошо, — слабым голосом проговорила мама.

Муми-тролль взглянул на папу. Тот торжественно поднялся по ступеням маяка и протянул лапу к двери.

— Закрыта на замок, — сообщила за его спиной малышка Мю.

Папа повернулся и в недоумении взглянул на неё.



— Закрыта на замок, — повторила Мю. — И ключа нет.

Папа дёргал дверь. Он угрожал и уговаривал. Он стучал, пинал и в конце концов отступил на шаг и оглянулся.

— Вот гвоздик, — сказал он. — Он совершенно точно предназначен для ключа. Вы тоже его видите! Как же можно закрыть дверь и не повесить

ключ на гвоздь? Особенно когда ты смотритель маяка!

— Может, под лестницей? — предположил Муми-тролль.

Под лестницей тоже не было.

— Помолчите, — сказал папа. — Помолчите все. Я должен подумать.

Он взобрался на скалу и уселся лицом к морю.

Остров обдувало спокойным юго-западным ветром. Потеплело, день был прекрасный, идеальный день для того, чтобы вступить во владение маяком. От досады папе вдруг захотелось есть, и он никак не мог собраться с мыслями. Ключ должен был быть на гвоздике или под лестницей. Рядом ни одного выступа — ни дверных косяков, ни оконных карнизов, всё гладко.

Папа устал думать, к тому же он всё время помнил, что семейство молча стоит за спиной и ждёт. В конце концов он прокричал через плечо:

— Мне надо вздремнуть!

Когда ищешь ответ на какой-нибудь вопрос, всегда полезно поспать. Во время отдыха голова лучше работает. Папа свернулся в клубочек на скале и надвинул на глаза шляпу. И с облегчением погрузился в темноту и сон.

Муми-тролль заглянул под лестницу.

— Здесь только мёртвая птица, — сказал он.

Муми-тролль положил хрупкий белый скелетик на ступеньки, ветер подхватил его и сдул вниз.

— Я много видела таких там, в вереске, — оживилась малышка Мю. — Напоминает «Месть Забытых Костей». Потрясающая история.

Они помолчали.

— И что теперь? — спросил Муми-тролль.

— Я думаю о том рыбаке, которого мы встретили ночью, — сказала мама. — Он, наверное, живёт где-нибудь здесь, на острове. Вдруг он что-то знает.

Она открыла чемодан с постельным бельём и вытянула оттуда красный плед.

— Набрось на папу, — попросила она. — Нехорошо спать на голом камне. И можешь погулять по острову и поискать рыбака. А на обратном пути, будь добр, принеси морской воды, в лодке есть медный чайник. И картошки.

Было приятно отправиться куда-то, пусть даже по делу. Муми-тролль оставил за спиной огромный запертый маяк и отправился бродить по острову. Под горой было по-летнему тихо, на склонах красными неподвижными волнами цвёл вереск. Земля была горячей и твёрдой, воздух

ароматным, но по-другому, чем дома, в саду.

Только теперь, оставшись один, Муми-тролль смог как следует осмотреть и обнюхать остров, прикоснуться к нему лапами, поводить ушами и прислушаться. На окружённом ровным морским гулом острове было тише, чем в родной долине, — это был очень старый остров, на нём царила идеальная тишина.

«Сюда непросто попасть, — подумал Муми-тролль. — Этот остров оберегает свою тишину».

Заросли вереска спускались к зелёным зарослям мха в самом сердце острова, снова тянулись вверх и терялись в невысоком елово-берёзовом леске. Странно жить там, где нет ни единого большого дерева. Вся растительность была низкой, вилась по поверхности земли, ощупью взбиралась по скалам — и Муми-троллю самому захотелось опуститься на четвереньки, стать маленьким, прижаться к земле. Он побежал к мысу.

На самом краю западного мыса стоял домик, сложенный из камня на цементном растворе. Он крепился к скале железными крючьями, был круглый, как тюлень, и смотрел в море сквозь окошко с крепким стеклом. Домик был такой маленький, что втиснуться в него можно было с

трудом, да и то только если ты был подходящего размера. Рыбак построил его для себя. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел на медленно плывущее облако.

— Доброе утро, — поздоровался Муми-тролль. — Вы здесь живёте?

— Только во время бури, — отстранённо ответил рыбак.

Муми-тролль серьёзно покивал. Действительно, именно в таком месте надо селиться, если любишь волны. Можно сидеть в самом центре пенных брызг и смотреть, как подступает огромная водяная гора, и слышать, как шумит над крышей море. Муми-тролль даже попросился бы приходить сюда иногда посмотреть на волны — но домик был явно предназначен для одного жильца.

— Мама передавала вам привет и спрашивала про ключ, — сказал Муми-тролль.

Рыбак молчал.

— Папа не может попасть внутрь, — с тревогой пояснил Муми-тролль. — Мы подумали, что, может, смотритель маяка…

Молчание. На небо набежали новые облака.

— Ведь был здесь смотритель маяка? — уточнил Муми-тролль.

Рыбак наконец повернул голову и посмотрел на Муми-тролля синими, как вода, глазами:

— Я ничего не знаю про ключ, — проговорил он.

— Он что, погасил фонарь и уехал? — спросил Муми-тролль. Он не привык к тому, чтобы на вопросы не отвечали, это беспокоило и расстраивало.

— Не помню, — ответил рыбак. — Я совсем его позабыл…

Он поднялся на ноги и начал взбираться по скале — серый, помятый, лёгкий, как осенний листок. Он был очень маленький и совершенно не хотел говорить.

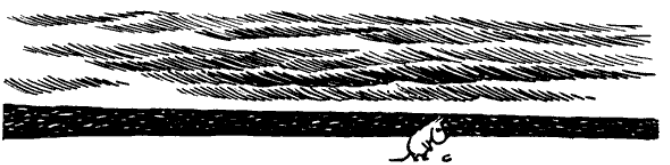
Муми-тролль смотрел ему вслед. Потом повернулся и побрёл по мысу обратно. Свернул к лодке за чайником. Надо приготовить завтрак. Мама разведёт между камнями костёр и накроет стол на ступеньках маяка. И всё как-то наладится.

Песок на берегу был белый, мелкий, берег узким полумесяцем обнимал бухточку, лежавшую между мысами. В бухту прибивало всё, что морские ветры сметали с острова. В зарослях ольхи, там, куда доходила во время прилива вода, валялись брёвна, но ниже песок был чистым и гладким, как половицы. По нему приятно было

ходить. Если идти по кромке прибоя, на песке оставались ямки, которые тут же наполнялись водой. Муми-тролль поискал для мамы ракушек, но нашёл только сломанные; видимо, их разбивало волнами.

Потом он увидел что-то блестящее — но это оказалась не ракушка, а крошечная серебряная подкова. Следы от неё уходили по песку прямо в открытое море.

«Лошадка ускакала в море и потеряла подкову, — понял Муми-тролль. — Совсем малюсенькая лошадка. Интересно, она специально посеребрила себе подковы или они с самого начала были серебряные?» Он подобрал подкову, чтобы отнести маме.



Чуть подальше следы тянулись из моря на сушу. Значит, это была морская лошадка — Муми-тролль никогда таких не видел. Они водились далеко, в открытом море, на сумасшедшей глубине. «Надеюсь, у неё дома есть запасная подкова», — подумал Муми-тролль.

Лодка лежала на боку со спущенными парусами, точно никогда больше не собиралась сходить на воду. Её отнесли так далеко от воды, что она потеряла всякую связь с морем. Муми-тролль постоял молча, глядя на «Приключение», жалея его, — но, может быть, лодка просто спала. И когда-нибудь вечером они, наверное, пойдут на ней забрасывать сети.

Над островом начали собираться облака, спокойные, серо-синие, они выстраивались в ряд до самого горизонта. Берег показался вдруг пустынным, и Муми-тролль подумал: «Пойду домой». «Домой» теперь означало на ступеньки маяка, родная долина ведь осталась слишком далеко. К тому же он нашёл серебряную подкову — это как-то оправдывало весь поход.

— Но как он мог всё забыть? — недоумевал папа. — Он ведь был знаком со смотрителем маяка. Они жили на одном острове. Может, даже дружили!

— Он ничего не помнит, — повторил Муми-тролль.

Малышка Мю втянула носом воздух и выпустила обратно сквозь сжатые зубы.

— Ваш рыбак с приветом, у него водоросли вместо мозгов, — заявила она. — Я это сразу заметила. А если два таких сумасшедших живут на одном острове, они или знают друг о друге всё, или не хотят знать ничего. Тут, похоже, и то и другое вместе. Они не хотят знать, потому что уже знают. Уж поверьте, у меня-то мозги на месте!

— Только бы дождь не пошёл, — озабоченно пробормотала мама.

Остальные собрались вокруг Муми-тролля и смотрели на него. Солнце село, стало довольно прохладно. Всем было немного не по себе, и Муми-тролль решил пока не рассказывать про домик, который построил рыбак, чтобы смотреть на волны. И уж совсем невозможным казалось отдать маме подкову сейчас, когда все не сводят с него глаз. Он решил сделать это попозже, когда они останутся вдвоём.

— Только бы дождь не пошёл, — повторила мама. Она отнесла чайник к костру и поставила папины маргаритки в воду. — А если он всё-таки пойдёт, надо вычистить как следует какую-ни-

будь ямку в камне, и пусть туда собирается вода. Если тут есть подходящие ямки…

— С этим я разберусь! — жалобно вскричал папа. — Дайте мне немного времени, всё должно идти по порядку. Сначала — главное. А еда, дождь — это всё мелочи и может подождать. Я не могу всем этим заниматься, пока не найду ключ!

— Ха! — сказала малышка Мю. — Этот рыбак попросту утопил смотрителя маяка вместе с ключом, уж поверьте! Здесь творятся кошмарные дела, и самое ужасное ещё впереди!

Папа вздохнул. Он отошёл за маяк, на скалу, чтобы никто его не видел. Временами семейство начинало его утомлять, оно не успевало за ходом его мыслей. Интересно, у других пап тоже так бывает?

Итак, раз ни найти, ни наспать ключ не удалось, значит его надо искать чутьём. Надо испробовать способ, которым пользовался в своё время тесть. Тёща всю жизнь разбрасывала свои вещи где ни попадя, а что не разбрасывала, то забывала. И тогда тесть соединял какие-то проводки у себя в голове. Включал — и тут же находил искомое. И говорил добродушно: «Ах ты, старая авоська».

Папа попробовал. Он бродил туда-сюда среди скал и пытался по-новому соединить проводки у

себя в мозгу. В конце концов ему стало казаться, что все детали у него в голове перепутались и скачут, как горошины в стручке. Вот и всё, чего он добился.

Лапы набрели на протоптанную тропу, которая вилась по низкой, выжженной солнцем траве среди валунов. Идя по ней и пытаясь связать мысли заново, папа вдруг подумал, что эту тропу, наверное, протоптал смотритель маяка. Ему ведь приходилось много ходить одним и тем же путём. Когда-то давно. Он ходил к утёсу точь-в-точь как папа сейчас. Тропинка кончилась, впереди было только пустынное море.

Папа подошёл к обрыву и посмотрел вниз. Скала в этом месте игриво перепрыгивала от одной кручи к другой — танцующие изгибы и красиво обрывающиеся линии до самого низа. У подножия утёса вскипали брызги, вода тяжело поднималась и опускалась, билась о скалу и отступала, как гигантское, пробирающееся ощупью существо. На воду падала тень, и она казалась очень тёмной.

У папы задрожали лапы и закружилась голова. Он быстро присел. Но не смотреть вниз не мог: там было огромное море, глубокое-преглубокое, совсем не похожее на игривые волны вокруг

причала на его родном берегу. Папа отодвинулся подальше и заметил под самым обрывом небольшой выступ. Сам не зная почему, он начал двигаться к этому гладкому выступу, торчащему из скалы, круглому и чуть-чуть вогнутому, будто стул. Спустя мгновение папа оказался в тайном месте, отрезанный от всего мира — вокруг только небо и море.



Здесь, наверно, сидел смотритель маяка. Часто сидел. Папа прикрыл глаза, вокруг всё было головокружительно большим, горошины отчаянно загремели в голове. Смотритель маяка приходил сюда, когда поднимались особенно большие волны. Он глядел, как парит в штормовом небе чайка, а пенные брызги клубились под ним и перед ним, как снежное облако. Круглые капли-жемчужины долетали до него и застывали на миг в воздухе, прежде чем исчезнуть в чёрном грохоте…

Папа открыл глаза и вздрогнул. Он прижался спиной и лапами к камню, в трещинах росли маленькие белые цветочки — подумать только, цветочки! А в самой широкой трещине поблёскивало что-то рыжее, ржавое. Ключ, тяжёлый железный ключ.



И тут у папы в голове наконец что-то щёлкнуло. Конечно, это же ясно как день! Смотритель маяка приходил сюда, чтобы побыть в одиночестве,

подумать и поразмышлять. Именно здесь он и оставил свой ключ, чтобы папа нашёл его и вступил во владение маяком. Торжественно и не без помощи магических сил папа был назначен владельцем и хранителем маяка.

— Ты его нашёл, как хорошо! — воскликнула мама.

— А где он был? — воскликнул Муми-тролль.

— Трудно сказать, — таинственно ответил папа. — Мир полон чудес для того, кто готов открыть им своё сердце. Что, если ключ принесла мне большая белая чайка…

— Ха! — сказала малышка Мю. — На шёлковом шнурке под звуки оркестра, да?

Папа поднялся по ступенькам и вставил ключ в замок. Медленно, со скрипом массивная дверь открылась, и за ней была только чернота. Малышка Мю молниеносно вскочила, но папа успел ухватить её за собранные в пучок волосы:

— Нет уж, на этот раз первым буду я! Я теперь хранитель маяка и должен всё осмотреть.

И он растворился во тьме, а следом за ним и Мю.

Мама медленно подошла поближе и осторожно заглянула внутрь. Маяк был пустым, как прогнивший ствол, и нутро его снизу доверху

заполняла большая и ветхая витая лестница. Ступеньки трудно взбирались вверх, карабкались вдоль стены сужающейся спиралью, скрипели и попискивали под лапами Муми-папы, он был уже едва различим. В толстых стенах виднелись небольшие окошки, сквозь которые просачивался дневной свет. Каждое прикрывала большая и неподвижная птичья тень. Птицы глядели на незваных гостей.

— Просто сейчас облачно, — шепнул Муми-тролль. — Когда нет солнца, всё всегда кажется мрачным.

— Да, конечно, — согласилась мама. Она шагнула через порог и остановилась. Внутри было сыро и очень холодно. Земля между лужами влажно чернела, перед порогом лежало несколько досок. Мама поёжилась.

— У меня есть для тебя сюрприз, — сказал Муми-тролль.

Мама взяла серебряную подковку и долго смотрела на неё.

— Какая красота, — проговорила она. — Замечательный подарок. Подумать только, бывают такие маленькие лошадки…

— Пойдём внутрь, мама! — радостно вскричал Муми-тролль. — Пойдём и поднимемся до самой

башни!

Наверху в дверном проёме стоял папа в незнакомой шляпе с мягкими висячими полями и помятой тульёй.

— Как вам нравится? — спросил он. — Нашёл на гвозде за дверью. Это, должно быть, шляпа смотрителя маяка. Заходите же, заходите! Здесь всё в точности как я и представлял.

Круглая комната была большой, с низким потолком и четырьмя окнами. Посередине стоял некрашеный стол, дальше несколько пустых ящиков, возле печи — узкая кровать и маленький комод. Железная приставная лестница вела к люку в потолке.

— Там светильник маяка, — объяснил папа. — Вечером я его зажгу. Правда, белые стены — это красиво? Столько места, и так свободно и просторно. И если выглянуть из окна — тоже простор и воля! Верно?

Он посмотрел на маму, и она засмеялась:

— Ты прав, дорогой. Здесь просто невероятно просторно и вольно!

— Кто-то здесь буянил, — заметила малышка Мю. Пол был усыпан осколками стекла, над ними на белой стене красовалось жёлтое масляное пятно — масло натекло на пол и застыло там

лужицей.

— Кто же разбил свой фонарь? — мама с удивлением подняла с пола медное донце фонаря, закатившееся под стол. — Ему ведь потом пришлось сидеть в темноте…

Она погладила стол. Поверхность его была испещрена сотнями, если не тысячами мелких насечек, всегда по шесть в ряду, а седьмая поверх и поперёк. Седьмая? Это ведь, наверное, неделя. Много-много одинаковых недель. Кроме одной. В ней было всего пять насечек. Мама пошла дальше, прикасаясь к кастрюлям и кружкам, читая на пустых ящиках: «изюм из Малаги», «шотландский виски», «хлеб финский обычный»; приподняла одеяло и увидела под ним простыни. Комод она не открывала.

Остальные с интересом наблюдали за ней. Наконец папа спросил:

— Ну?

— Ему было очень одиноко, — сказала мама.

— Может быть… Но тебе-то здесь нравится?

— По-моему, здесь уютно, — ответила мама. — В этой комнате можно жить всем вместе.

— Именно! — подхватил папа. — Я насобираю на берегу досок и сколочу нам всем кровати. Я смастерю дорогу и причал, о, сколько же здесь

дел!.. Но сначала нам надо поднять наверх вещи, похоже, пойдёт дождь. Нет-нет, ты ничего не понесёшь! Ты останешься здесь спокойно обживаться.



У дверей малышка Мю повернулась и сообщила:

— Я буду спать на улице. Без кровати. Кровати — это глупости.

— Спи, — согласилась мама. — Можешь зайти внутрь, если пойдёт дождь.

Оставшись одна, мама повесила подкову на гвоздик над дверью. Потом подошла к окну и выглянула наружу. Она переходила от окна к окну, и отовсюду виднелось только море, море и крикливые ласточки. Земли видно не было.

В последнем оконном проёме нашлись химический карандаш, несколько мотков верёвки и нож. Мама покрутила карандаш, рассеянно нарисовала на подоконнике цветочек и красиво заштриховала листья, ни о чём особо не думая.

Папа стоял возле печки, сунув голову в трубу.

— Тут гнездо! — крикнул он из трубы. — Поэтому и не разгорается.

— А в гнезде кто живёт? — спросила мама.

Папа высунул чёрную от сажи голову.

— Какая-то бестолковая лысуха, — сказал он. — Но её нет дома — наверное, улетела на юг.

— Но она же вернётся весной! — воскликнул Муми-тролль. — К её возвращению гнездо должно быть на месте. А еду мы можем готовить на

улице!

— Всю жизнь? — поинтересовалась Мю.

— Ну можно хотя бы не сразу убирать гнездо, а так, потихоньку… — пробормотал Муми-тролль.

— Ха! Очень в твоём духе, — отозвалась Мю. — Ты думаешь, эта курица поймёт, в каком темпе его убирали? Ты это придумал просто для очистки совести.

— Так что, мы действительно всю жизнь будем есть на улице? — недоумённо переспросил папа.

Все посмотрели на маму.

— Сними его оттуда, дорогой, — сказала она. — Повесим за окном. Иногда муми-тролли важнее лысух.

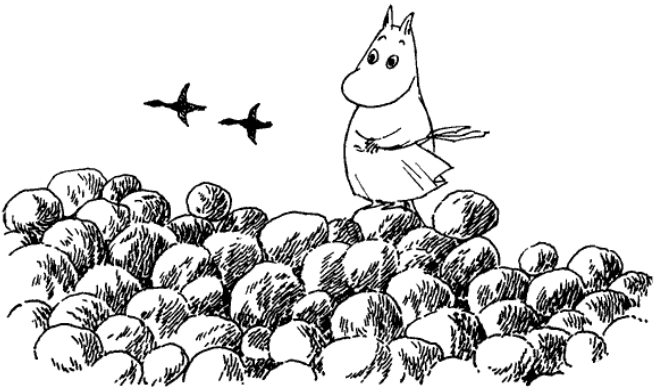
Мама засунула немытую посуду под кровать, чтобы в комнате стало поуютнее, и пошла на улицу поискать хорошей земли. Это был очень важный для неё поход.

Она остановилась у ступеней маяка и слегка полила морской водой розу. Та всё ещё ждала в ящике из-под сахара, в земле, привезённой из дома. Сад надо разбить на подветренной стороне. Надо найти красивое место поближе к маяку, где большую часть дня светит солнце. И там должна быть глубокая и жирная земля.

Мама искала долго. Она обошла скалу, на ко-

торой стоял маяк, дошла по вереску до мхов, покрутилась между кустарников и осин, она бродила по присыпанным песком торфяным почвам, но подходящей земли не находила нигде.

Мама никогда раньше не видела так много камней. Весь пейзаж за осиновой рощицей был сплошные камни — целое поле, заросшее серыми валунами. Кто-то любопытный вырыл посреди него большую яму. Мама подошла поближе. В яме не было ничего, кроме камней, точно таких же серых голышей. Интересно, что смотритель маяка здесь искал? Может, и ничего не искал, просто хотел немножко развлечься. Вынимал из ямы камень за камнем, а они укатывались обратно, и в конце концов он устал и ушёл.



Мама всё шла по направлению к песчаному берегу. И там она наконец-то нашла подходящую землю. Сразу за береговой линией под осинами шла глубокая полоса отличного чёрного-пречёрного грунта. Крепкая поросль меж камней пестрела яркими пятнами, жёлтыми и фиолетовыми — неожиданные буйные джунгли.

Мама запустила лапу в землю и почувствовала, как переплетаются там миллионы растущих и

жаждущих корней, которые нельзя тревожить. Но это ничего. В любом случае здесь есть земля. Значит, острову можно верить.

Мама бросилась к папе, который выбирал из водорослей обломки досок. Передник хлопал на ветру.

— Я нашла землю!

Папа поднял голову.

— Привет, — сказал он. — Так что ты думаешь о моём острове?

— Другого такого в целом свете нет! — весело заверила мама. — И даже земля — на берегу, вместо того чтобы быть где-нибудь посередине острова.

— Я могу объяснить тебе это явление, — сказал папа. — Всегда спрашивай у меня, если чего-то не понимаешь. Про то, что имеет отношение к морю, я знаю всё. Смотри, волнами к берегу прибивает водоросли. Они постепенно разлагаются и превращаются в землю. То-то же! Ты ведь не знала?

Папа засмеялся и широко взмахнул лапой, точно преподнося маме в дар все водоросли мира.

И мама принялась их собирать. Она целый день таскала их на скалу, туда, где собиралась разбить сад. Водоросли того же глубокого тёплого коричневого цвета, что и земля в Муми-долине, имели и

собственные оттенки: пурпурные и оранжевые.



Маме было спокойно и весело. Она грезила о морковке, картошке и редиске, как они будут расти и округляться в тепле. Она представляла, как пробиваются первые зелёные ростки, как они густеют и крепнут, как на фоне синего моря стебли гнутся на ветру под тяжестью помидоров, гороха и бобов. Теперь у семьи будет еда. Правда, всё это произойдёт только следующей весной, ну да не страшно. Теперь маме было о чём мечтать. А самой тайной и заветной её мечтой была яблоня.

День клонился к вечеру. Удары молотка, доносившиеся сверху, давно смолкли, ласточки успокоились. Мама, посвистывая, возвращалась домой через вереск с охапкой принесённых морем обломков. Папа установил на скале вдоль тропинки, ведущей к маяку, перила, чтобы маме удобнее было подниматься, перед дверью стояли две готовые деревянные кровати и маленький бочонок, папа нашёл его у моря — совсем целый. Похоже, когда-то он был зелёным.

Витая лестница теперь отчего-то пугала гораздо меньше. Главное, не смотреть вниз и думать о чём-нибудь приятном. Муми-тролль сидел за столом и раскладывал на нём маленькие круглые камушки.

— Привет, — сказала мама. — А где папа?

— Наверху, пытается зажечь маяк, — ответил Муми-тролль. — Меня с собой не взял. Он там ужас как давно.

На комоде лежало пустое птичье гнездо. Засовывая дрова в печь, мама всё ещё насвистывала. Ветер стих, солнце светило сквозь западное окно, постелило алое пятно света на полу и на белой стене.

Когда в печи затрещал огонь, малышка Мю проскользнула в комнату и кошкой взлетела на

подоконник. Она прижала к стеклу нос и скорчила ужаснейшую рожу ласточкам.

Люк в потолке распахнулся, и Муми-папа сбежал по приставной лестнице.

— Хорошо горит? — поинтересовалась мама. — Ты сделал нам отличные кровати! А в бочонке можно будет солить рыбу. Просто жаль использовать его для воды…

Папа отошёл к южному окну и выглянул наружу. Мама взглянула на его хвост — так и есть: хвост был неподвижен, только кисточка возмущённо подрагивала. Мама подложила в печь дров и открыла банку селёдки. Папа молча отхлебнул чаю. Расставив тарелки для ужина, мама водрузила на стол фонарь и сказала:

— Я слышала, что на таких маяках используют газ. Если газ закончился, маяк не зажечь.

— Там, в башне, полно газовых баллонов, — мрачно ответил папа. — Но они никак не устанавливаются!

— Наверное, потерялся какой-то винт, — предположила мама. — Честно сказать, я никогда не питала доверия к газу, он опасный и неприятный. Может, бросишь эту затею, пока мы, чего доброго, не взлетели на воздух?

Папа выскочил из-за стола и закричал:

— Ты что, не понимаешь, что я теперь хранитель маяка? Маяк должен гореть! В этом весь смысл! Как жить в маяке, который не горит? А ты подумала про корабли, которые пойдут по морю в темноте и могут напороться на мель и утонуть у нас на глазах?..

— Точно, — подхватила малышка Мю. — А наутро весь берег будет завален утопленниками — филифьонками, мюмлами и хомсами, бледными и зелёными от водорослей…

— Не говори глупостей, — сказала мама, потом повернулась к папе — Что не получилось сегодня, то получится завтра. А если не завтра, значит в какой-нибудь другой день. А если маяк совсем не удастся зажечь, мы повесим в окне фонарь на случай бури. Тот, кто увидит его, сразу поймёт, что в этих водах может случиться беда, если двигаться дальше. И кстати, не пора ли нам, пока не стемнело, поднять наверх кровати? Не доверяю я этой шаткой лестнице.

— Я сам их притащу, — сказал папа, снимая с гвоздя шляпу.

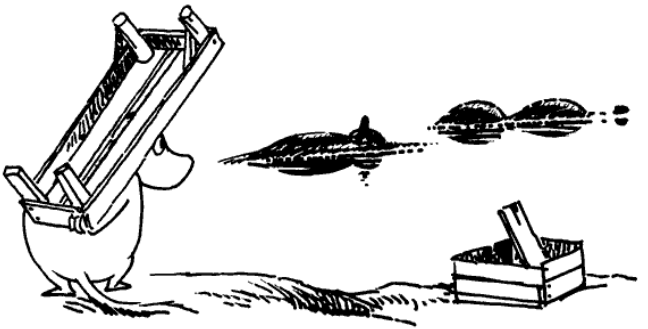
Снаружи уже почти стемнело. Папа стоял тихонько, глядя на море, и думал: «Сейчас мама зажжёт в комнате фонарь. Она выкрутит побольше фитиля и постоит несколько секунд,

глядя на него, как всегда… Керосина у нас целая канистра».

Птицы улеглись спать. Западные рифы там, где зашло солнце, казались чёрными на фоне неба. На одном рифе кто-то построил каменный тур — а может, это была просто груда камней. Папа приподнял одну из кроватей, замер и прислушался.

Издалека послышался слабый жалобный вой, странный одинокий звук — ничего похожего папа раньше не слышал. Он разносился над водой, словно из бескрайней пустоты. На миг папе показалось, что скала задрожала под его лапами. Потом снова стало тихо.

Папа решил, что это кричала какая-то птица: у них ведь бывают такие чудны́е голоса. Он взвалил кровать на спину. Это была хорошая, крепкая кровать, без всяких изъянов — но всё-таки сам он будет спать там, на самом верху, на ложе смотрителя маяка, и не уступит это ложе никому другому.



Папе снилось, что он поднимается по бесконечной лестнице. Темнота вокруг полнилась хлопаньем крыльев, тихими прячущимися птицами, ступени скрипели и гнулись под его шагами, они громко жаловались, а он спешил, очень спешил. Ему надо было зажечь маяк, пока не поздно, очень-очень важно было его зажечь. Ступеньки становились всё у́же, под лапами загудел металл — папа поднялся на верхнюю площадку, там его ждала лампа под стеклянным

колпаком. Сон замедлился, папа ощупью пробирался вдоль стены, искал спички. Большие разноцветные изогнутые стеклянные пластины преграждали ему путь и отражали море снаружи: красное стекло окрасило волны в огненно-красный, в зелёном море стало холодным и далёким, словно изумруд, — это было, наверное, лунное море, а может, воображаемое. Папа очень спешил, но всё только замедлялось ещё сильнее. Он спотыкался о газовые баллоны, катавшиеся по полу, их становилось больше, они накатывали, как волны, и птицы вернулись и забили крыльями о стекло, а он всё не мог зажечь маяк. Он закричал от ужаса, и разноцветные стёкла вокруг него разбились на тысячу сверкающих осколков, и море перехлёстывало через верх маяка, а он падал всё глубже, глубже — и наконец проснулся на полу, укрытый пледом.

— Что с тобой? — спросила Муми-мама.

Комната была спокойной и синей, в каждом из четырёх окон виднелся кусочек ночи.

— Мне приснился кошмар, — выговорил папа.

Мама встала и подбросила несколько сухих палочек в печь. Они вспыхнули, и тёплый жёлтый свет заплескался в темноте.

— Я сделаю тебе бутерброд, — сказала мама. —

На новом месте часто плохо спится.

Папа сидел на краю кровати, ел бутерброд и понемногу успокаивался.

— Место ни при чём, — сказал он. — Это всё кровать, на ней снятся кошмары. Я завтра сколочу новую.

— Так и сделай, — согласилась мама. — А ты заметил, чего здесь не хватает? Не слышно, как шумит лес.

Папа прислушался. Вокруг острова шумело море, и они вспомнили, как в родной долине по ночам шелестели деревья.

— Но слушать море тоже приятно, — сказала мама, с головой накрываясь одеялом. — Просто оно другое. Надеюсь, теперь ты заснёшь спокойно и без всяких кошмаров.

— Скорей всего, — ответил папа. — После бутерброда всегда хорошо спится.



Глава третья
Западный ветер



Муми-тролль и малышка Мю лежали на солнцепёке животами на песке и вглядывались в лесную чащу. Это был низкорослый перепутанный лесок, с маленькими колючими ёлками и ещё более мелкими берёзками, которые весь свой век сражались с ветром. Теперь они сбились потеснее, чтобы защищать друг друга, они больше не тянулись вверх, зато вгрызались ветвями в землю, где только могли.

— Какие упрямые, — с уважением проговорила Мю.

Муми-тролль заглянул под ветки: стволы упрямых деревьев изгибались и переплетались там, будто змеи. Он увидел ковёр из ползущих по зем-

ле еловых ветвей и коричневой хвои, а над ним — заполненные тьмой пещеры и гроты.

— Смотри, — сказал Муми-тролль, — ель обнимает берёзку, чтобы её спасти.

— Это ты так думаешь, — мрачно заметила Мю. — А я думаю, что она не выпускает берёзу из своих лап. Это такой специальный лес, в который если попадёшь, так уж не вырвешься. Не удивлюсь, если там в глубине кого-то удерживают силой — вот так!

Она схватила Муми-тролля за загривок и крепко сжала.

— Пусти! — крикнул Муми-тролль, выворачиваясь. — Ты правда так думаешь? Что там кто-то есть?..

— Вот ты и струсил, — язвительно заметила Мю.

— Не струсил! — воскликнул Муми-тролль. — Но я уже вижу кого-то, кто томится там в зарослях! Всё сразу становится таким настоящим, и я не могу понять, правду мне говорят или просто дразнят. Так ты говорила правду? Там кто-то есть?

Мю засмеялась и вскочила на ноги.

— Не глупи. Пока, я пошла на мыс, поищу там этого психа. Он интересный.

Когда Мю исчезла из виду, Муми-тролль под-

полз поближе к лесу и с колотящимся сердцем вгляделся в темноту. Море спокойно шумело, солнце пригревало спину.

«Ясное дело, никого там нет, — с досадой подумал Муми-тролль. — Мю всё выдумала. Знаю, что она вечно всё выдумывает, и всё равно верю. В следующий раз скажу ей: „Не глупи!“ Так вот и брошу, небрежно, через плечо. Этот лес не опасный, он просто боится. Все деревья отклоняются назад, будто хотят вырвать свои корни из земли и убежать. Это сразу в глаза бросается».

И, всё ещё досадуя, Муми-тролль полез в чащу.

Солнце пропало, стало холодно. Ветки задевали за уши, еловые иглы покалывали, сучки хрустели под лапами, пахло погребом и прелыми растениями. Было тихо, совсем тихо, шум моря смолк. Муми-троллю казалось, что он слышит поблизости чьё-то дыхание, от страха во рту появился чернильный привкус, он чувствовал, что попал в западню, что он теперь пленник ветвей, ему захотелось немедленно, сейчас же выбраться на солнце, но он подумал: «Нет. Если я сейчас повернусь назад, я уже никогда не решусь сюда войти. Всю жизнь буду обходить этот лес стороной, смотреть на него и думать, что струсил. Это Мю меня напугала. А я приду к ней и скажу: „На самом деле

там в чаще никого нет, а ты просто врушка“».

Муми-тролль фыркнул и пополз дальше между цепкими ветвями. Время от времени слышался треск, и какой-нибудь ствол рассыпáлся в мягкую, бархатно-бурую труху. Упругая и шелковистая земля была покрыта миллионами еловых иголок.

Муми-тролль пробирался всё глубже и постепенно переставал ощущать себя пленником. В прохладной темноте не было места опасности, он был маленьким зверьком, спрятавшимся, чтобы его не тревожили. Но вдруг он снова услышал голос моря, и тёплое ослепительное солнце вышло ему навстречу — Муми-тролль выбрался из зарослей на открытое место.

Полянка была маленькая, примерно как две сдвинутые кровати. Было тепло, над цветами жужжали пчёлы, со всех сторон стоял в карауле густой лес. Над полянкой шелестели берёзы — воздушная крыша, сквозь которую смотрело небо. Ничего лучше нельзя и желать. Муми-тролль нашёл идеальное место, где никто не бывал до него. Его собственное.

Он осторожно сел на траву и закрыл глаза. Надёжные и укромные места были его особой страстью, он всегда искал их и нашёл за свою

жизнь немало. Но это — лучше всех. Укромное и в то же время открытое. Видеть его могли только птицы, земля была тёплой, полный опасностей лес защищал со всех сторон. Муми-тролль вздохнул.

И тут кто-то больно укусил его за хвост. Муми-тролль подскочил и сразу понял — кто. Рыжие мирмики. Мелкие мстительные муравьи кишмя кишели в траве, наползали отовсюду, один цапнул его ещё и за лапу. Муми-тролль попятился, в глазах вскипали слёзы, он был уязвлён до глубины души. Конечно, они поселились здесь раньше него. Но если ты живёшь под землёй, ты всё равно не видишь того, что творится сверху. Рыжие мирмики понятия не имеют ни о птицах, ни об облаках, они не понимают красоты и важности того, что могли бы оценить другие — к примеру, муми-тролли.

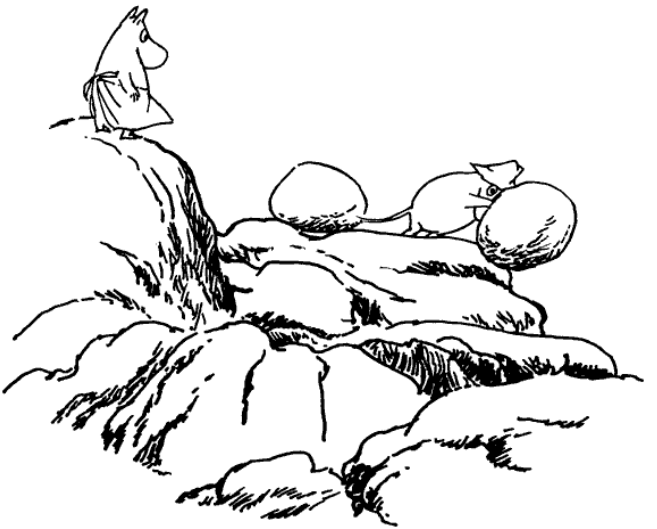
Справедливость бывает разная. С какой-то точки зрения — конечно, не самой очевидной, но и не сказать чтобы совершенно ошибочной, — полянка принадлежала ему, а не муравьям. Но как им это объяснить? Они прекрасно могли бы поселиться где-нибудь в другом месте. Чуть-чуть подальше, всего на несколько метров. Интересно, можно с ними как-то договориться? Или в край-

нем случае разделить спорную территорию.

Муравьи снова наступали, они нашли его и готовились к нападению. И Муми-тролль бежал. Постыдно бежал из своего рая, приняв, однако, отчаянное и категорическое решение вернуться. Это место ждало его всю жизнь, возможно, многие сотни лет! Оно принадлежит ему, потому что он полюбил его сильнее, чем кто угодно другой. И даже одновременная любовь целого миллиона мирмиков не сравнится с его любовью. Так он считает.

— Папа, ты слышишь? — позвал Муми-тролль.

Но папа не слышал, потому что как раз в этот момент удачно ухватил каменный валун и тот с грохотом покатился вниз по скале, высек две отчётливые искры и оставил за собой слабый и манящий запах пороха. Валун лёг на морское дно — именно в то место, куда и должен. Было так приятно стронуть огромный камень, собрать все силы, от ушей до кончика хвоста, почувствовать, как валун потихоньку, понемногу приходит в движение, ещё чуть-чуть — и вот уже камень-исполин, стуча и гремя, катится в море. А ты стоишь сверху и смотришь на него, дрожа от напряжения и гордости.



— Папа! — крикнул Муми-тролль.

Папа повернулся и помахал:

— Лёг как миленький! Здесь будет причал, сделаем волнорез, понимаешь?

Он по самые уши погрузился в море и начал, по-

кряхтывая, катить по дну ещё больший камень. Под водой катать и тащить было намного легче, и папа задумался почему. Но самое главное — он чувствовал себя невероятно сильным…

— Я хочу у тебя кое-что спросить! — крикнул Муми-тролль. — Про муравьёв! Это очень важно!

Папа приподнял над водой мокрую морду в знак того, что слушает.

— Про муравьёв, — повторил Муми-тролль. — Ты не знаешь, как с ними разговаривают? Как ты думаешь, они поймут, если написать для них объявление? Они умеют читать?

— Муравьи? — с удивлением переспросил папа. — Нет, они ничего не понимают. Мне надо теперь найти треугольный камень, который встанет между этими двумя. Волнорез должен быть крепким — тот, кто его строит, обязан чувствовать море. — И папа снова побрёл, опустив морду в воду.

Муми-тролль поднялся по скале повыше и некоторое время наблюдал за мамой, которая вскапывала свой будущий сад. Она разбрасывала водоросли, лапы и передник перепачкались коричневым, мама светилась счастливой сосредоточенностью.

Муми-тролль подошёл к ней и спросил:

— Мама, вот скажи, если кто-то нашёл очень красивое и уютное местечко и решил, что оно будет его собственное, а потом оказалось, что там живёт ещё много всяких других, которые не хотят оттуда уезжать, — скажи, имеют право там оставаться эти другие, которые даже не понимают, какое это место прекрасное и замечательное?

— Имеют, — ответила мама и уселась на водоросли.

— Но если они прекрасно могли бы жить в другом месте — хоть даже на какой-нибудь помойке! — вскричал её сын.

— Тогда надо попробовать с ними договориться, — предположила мама. — И помочь им с переездом. Переезд — хлопотное дело, когда долго живёшь на одном месте.

— Пфф, — сказал Муми-тролль. — А где Мю?

— Около маяка, строит там какой-то лифт, — ответила мама.

Малышка Мю с риском для жизни и полным презрением к опасности свешивалась из северного окна. Она прибивала блок к оконной раме. На полу валялась куча какого-то серого мусора, потолочный люк был открыт.

— Забыла, что говорил папа? — спросил Муми-тролль. — Наверх лазить нельзя, это его личная

территория.

— Над его личной территорией имеется чердак, — парировала Мю. — Отличный чердачок, где чего только нет. Подай вон тот гвоздь. Мне надоело лазить по лестнице каждый раз, когда пора обедать, и я решила построить лифт. Будете втаскивать меня наверх в корзине или спускать мне еду — спускать даже лучше.

«Как ей это удаётся? — подумал Муми-тролль. — Она всегда делает что хочет, и никто не может ей помешать. Просто делает, и всё».

— И кстати, там в чаще никого не было, — заметил Муми-тролль. — Вообще никого. Ну разве что муравьи.

— А, — сказала Мю, — так я и думала.

Вот так всегда. Мю вбила большой гвоздь в дерево по самую шляпку и засвистела сквозь зубы.

— Ты бы лучше убрала весь этот мусор до прихода папы, — прокричал Муми-тролль между ударами молотка, понимая, что это не произведёт ни малейшего впечатления. Он печально попинал кучу старых бумаг, банок, рваных сетей, тёплых тапочек и клочков тюленьих шкур — и обнаружил календарь. Большой настенный календарь с невероятно красивой картинкой: морская лошадка, скачущая в лунном свете по

волнам. Луна опустила свою ногу в ночное море, у лошадки была длинная жёлтая грива и светлые непроницаемые глаза. Умеет же кто-то так красиво рисовать! Муми-тролль положил календарь на комод и долго рассматривал.

— Пятилетней давности, — заметила малышка Мю, спрыгивая на пол. — Сейчас все дни по-другому, а там ещё и страницы кто-то повырывал. Держи верёвку, я пойду вниз, проверю, как работает лифт.

— Подожди, — попросил Муми-тролль. — Я хочу кое-что спросить. Ты не знаешь, как избавиться от муравьёв?

— Отравить, понятное дело, — ответила Мю.

— Нет, не так! — воскликнул Муми-тролль. — Я просто хочу, чтобы они ушли!

Мю внимательно вгляделась него и сказала:

— Всё понятно. Ты нашёл в лесу место, которое тебе понравилось, но там полно муравьёв. Если я тебя от них избавлю, что мне за это будет?

Муми-тролль почувствовал, что краснеет.

— Я всё устрою, — невозмутимо проговорила Мю. — Через несколько дней можешь пойти посмотреть. А за это ты будешь таскать мой лифт. Ну я пошла.

Муми-тролль остался стоять с неприятным

чувством. Тайна выплеснулась из него. Укромная полянка стала обычным местом. Он быстро взглянул на календарь и встретился взглядом с морской лошадкой. «Мы одной крови, — с жаром подумал Муми-тролль, — мы понимаем друг друга, мы оба любим только красивое. У меня будет моя полянка, а всё остальное не важно. И сейчас я больше не хочу об этом думать».

Мю снизу подёргала верёвку.

— Тащи меня! — крикнула она. — Только не упусти! Не забывай про своих муравьёв.

Лифт работал безотказно. Мю в этом и не сомневалась.

Усталый и довольный, папа возвращался домой через вереск. Где-то глубоко внутри у него сидела мысль, что он должен бы попробовать с новыми силами взяться за маяк, но до темноты было ещё далеко. К тому же он только что катал камни — огромные, просто гигантские. И всякий раз, когда камень плюхался в воду, Муми-мама поднимала голову от своего будущего сада, чтобы посмотреть… И папа решил пока прогуляться до восточного мыса.

С подветренной стороны острова медленно табанил мимо рыбак с удочкой на носу лодки. Папа никогда не слышал, чтобы рыба клевала в это

время года. Рыбу обычно ловят в июле. Но этот рыбак был не такой, как все. Наверное, ему просто нравилось кататься на лодке в одиночестве. Папа приподнял было лапу, чтобы помахать, но передумал — всё равно ответа не получишь.

Он поднялся на скалу и пошёл против ветра. Скалы здесь выгибались арками и были похожи на спины огромных животных, бок о бок бредущих к морю. Озеро папа заметил, только когда оказался с ним совсем рядом. Далеко внизу поблёскивала спокойная тёмная поверхность воды, почти ровный овал. Будто огромный глаз. Папа пришёл в восторг. Настоящее озеро, редчайшая, таинственная чёрная впадина! Море время от времени нагоняло волну, она перелетала через перемычку, отделяющую море от озера, и на миг возмущала водную гладь, но спустя мгновение озеро снова спокойно смотрело чёрным блестящим глазом в небо.

«Глубокое, — подумал папа, — ох, какое глубокое! Мой остров — это целый мир, в котором есть всё, что нужно, и при этом он подходящей величины. Как же я счастлив! Как будто держу целый мир в своих лапах!»

Папа быстро зашагал к маяку — он хотел поделиться своей находкой, пока озеро случайно не

нашёл кто-нибудь ещё.

— Жаль, что вода в нём не дождевая, — сказала мама.

— Ну что ты, — замахал лапами папа, — оно же сделано морем. Мощные шторма перехлёстывали через остров, и намыли озеро, и катали по дну камни, от этого оно сделалось таким чудовищно глубоким!

— А в нём водятся рыбы? — спросил Муми-тролль.

— Весьма вероятно, — ответил папа. — И, должно быть, огромные! Представь себе гигантскую щуку, которая жила там сотню лет и с каждым годом становилась всё жирнее и злее!

— Так-так, — заинтересовалась Мю. — Пожалуй, надо забросить там блесну и посмотреть, что будет.



— Детям пользоваться спиннингом запрещено, — отрезал папа. — Чёрное озеро — это только для пап. И не подходи близко к краю. Вы же понимаете, это невероятно опасное место. Попозже я изучу его как следует. Но не сейчас. Сейчас мне надо заняться причалом и печкой, в которой мы будем коптить угрей и семикилограммовых щук. Мне надо установить колышки для просушки сетей и сделать рыбный садок, пока нет дождя…

— И какой-нибудь жёлоб для воды на крышу, — добавила мама. — Через пару дней у нас закончится питьевая вода.

— Не волнуйся, — успокоил её папа. — Бу-

дет тебе жёлоб. Я всё устрою, только дайте мне немножко времени.

Семейство направилось обратно к маяку, и папа всё говорил про огромных щук. Ветер поглаживал заросли вереска, садящееся солнце окрасило весь остров в тёплые жёлтые тона. Но позади всё так же лежало в глубокой тени посреди своих скал чёрное озеро.

Мама убрала мусор, который натащила малышка Мю, потолочный люк закрыли. Войдя внутрь, папа сразу же заметил календарь.

— То, что мне нужно, — сказал он. — Где вы его нашли? Если мы хотим завести на этом острове хоть какой-то порядок, нужно вести счёт дням. Сегодня вторник, это я помню.

Папа взял карандаш и описал большой круг на верхнем поле листа — это было Прибытие. Потом он обозначил двумя маленькими крестиками понедельник и вторник.

— А вы когда-нибудь видели морскую лошадку? — спросил Муми-тролль. — Они такие же красивые, как на картинке?

— Может быть, — сказала мама. — Не знаю. Но говорят, художники часто преувеличивают.

Муми-тролль задумчиво кивнул. Жаль, что на картинке не видно, есть ли у лошадки серебря-

ные подковы.

Комната была полна жёлтым закатом, спустя мгновение он сделался алым. Папа стоял посреди комнаты и размышлял. Как раз сейчас ему следовало бы пойти зажигать маяк, потому что скоро наступит вечер. Но если он полезет по лестнице, остальные, конечно, догадаются, зачем он полез. И когда он вернётся, все будут понимать, что зажечь маяк ему не удалось. Вот почему нельзя побыть снаружи до сумерек и дать ему спокойно попробовать? Всё-таки жизнь с семьёй имеет свои минусы. Например, иногда семейству недостаёт чуткости. Но всё-таки они уже так давно вместе…

Папа поступил так, как всегда поступают в неприятные моменты, — отошёл к окну и отвернулся от всех.

На подоконнике лежал колышек. Ну разумеется. Он совершенно забыл про сети. А это ведь очень, очень важное дело. Папе сразу полегчало. Он опять повернулся и сказал:

— Сегодня мы будем забрасывать сети. Их всегда забрасывают до наступления сумерек. И вообще-то, раз мы живём на острове, их надо забрасывать каждый вечер.

И они с Муми-троллем и сетями отправились

в море.

— Поставим их у восточного мыса, — сказал папа. — Западный принадлежит рыбаку. Некрасиво было бы рыбачить у него под носом. Сейчас греби потише, я хочу осмотреть дно.

Дно здесь уходило вглубь медленно, дугообразными песчаными насыпями — они спускались в море, как широкие торжественные ступени. Муми-тролль грёб к мысу, и водоросли под ними становились всё темнее и темнее.

— Стоп! — скомандовал папа. — Сдай немного назад. Здесь хорошее дно. Тянем сеть наискосок вон к тем рифам. Медленно.

Он бросил в море поплавок с белым вымпелом и закинул сеть. Она погружалась в воду длинными ровными движениями, капли воды поблёскивали на каждой петле, пробки мгновение покачивались на поверхности и уходили под воду жемчужным ожерельем. Закидывать сеть — это было именно то, что нужно: спокойная мужская работа. Работа на благо семьи.

Когда все три сети оказались в море, папа трижды поплевал на колышек и отпустил его. Тот стоймя ушёл под воду и скрылся в глубине. Папа сел на банку на корме.



Был ласковый вечер, все цвета поблёкли и погрузились в сумрак, только над лесом небо ещё оставалось алым. В хорошей дружеской тишине они вытащили на берег лодку и зашагали через остров к дому.

Когда они уже дошли до осин, над водой разнёсся слабый жалобный звук. Муми-тролль остановился.

— Я слышал его вчера, — сказал папа. — Это какая-то птица.

Муми-тролль вгляделся в море.

— Там на рифе кто-то есть, — сказал он.

— Это навигационный знак, — папа даже не остановился.

«Утром там не было никаких знаков, — подумал Муми-тролль. — Там вообще ничего не было». Он застыл и стал ждать.

Неопознанный объект пришёл в движение. Очень-очень медленно проскользил он по скале и пропал из виду. Это был не маленький и узкоплечий рыбак. Это был кто-то другой.

Муми-тролль встряхнулся и пошёл дальше. Лучше ничего не рассказывать, пока сам толком не узнаешь. В глубине души Муми-тролль надеялся никогда не узнать, кто там сидит и воет по ночам.

Муми-тролль проснулся среди ночи и долго лежал неподвижно, прислушиваясь. Кто-то звал его. Но, может, это был просто сон. Ночь была такой же спокойной, как и вечер, она мерцала синеватым светом, растущий месяц висел прямо над островом.

Муми-тролль очень осторожно, чтобы не разбудить маму с папой, поднялся с кровати, подошёл к окну, открыл его и выглянул. Он услышал, как тихо бьются о берег волны, услышал голос далёкой птицы, как плещет море о пустые и тёмные рифы. Остров был погружён в полный покой.

Но нет — на берегу что-то происходило. Далёкий топот быстрых ног, плеск воды — совершенно

точно происходило! Муми-тролля бросило в жар. Он был уверен, что это касается его, именно его и никого больше! Он должен пойти на берег. Он ощущал всем телом, что это очень-очень важно, он должен выйти в ночь и посмотреть, что творится на берегу, кто-то позвал его, и никак нельзя струсить.

У дверей он вспомнил про лестницу и засомневался. Винтовая лестница в ночи пугала — это днём по ней бегаешь вверх-вниз, не успевая задуматься. Муми-тролль вернулся, взял со стола фонарь и нашёл на плите спички.

Дверь за ним закрылась, и под лапами возник головокружительный колодец башни. Муми-тролль не видел его, просто знал, что он там. Пламя фонаря, затрепетав, расправилось и горело теперь ровно. Муми-тролль опустил стекло и набрался смелости оглядеться.

Свет спугнул все тени, и они сонно запорхали вокруг, когда Муми-тролль приподнял фонарь. Множество теней, разных форм и очертаний, качалось вверх-вниз в пустом стволе маяка. Получалось красиво. Ступеньки изгибались, уходя вниз, вниз, вниз, серые и непрочные, как скелет древнего животного, и в самом низу их проглатывала темнота. Муми-тролль спускался по лестнице, при каждом шаге тени взлетали и плясали перед ним по стенам. Это было так красиво, что даже не страшно.

Муми-тролль шаг за шагом спускался. Он крепко держал в лапах фонарь и так дошёл до слякотного дна маяка. Тяжёлая дверь, как всегда, заскрипела. И вот он уже стоит на скале, и остров встречает его холодным и неправдоподобным лунным светом.

«Как интересно жить, — подумал Муми-тролль. — В одно мгновение всё может перевернуться с ног на голову — и без всякой причины.

Лестница становится волшебной, а про полянку не хочется больше думать. Всё меняется, и никто не знает отчего».

Запыхавшийся, он спустился по скале, через вереск, через осиновую рощу. Деревья молчали — ветра не было. Муми-тролль замедлил шаг и прислушался. С берега не доносилось ни звука.

«Наверное, они меня испугались, — подумал Муми-тролль и присел, чтобы погасить фонарь. — Те, кто бегает тут по ночам, должно быть, очень пугливые. Этот остров даже ночью настороже».

Фонарь погас, и остров вдруг сделался ближе. Муми-тролль уже знал его от мыса до мыса, в лунном свете остров был неподвижным и очень родным. Муми-тролль больше ничего не боялся, просто прислушивался. Топот послышался снова. Кто-то бегал по песку за кустами ольхи, носился туда-сюда, иногда забегая в воду; слышался плеск, и в воздух летела белая пена…

Это были две морские лошадки, его лошадки — они, и никто иной, и к этому всё шло. Серебряная подкова, которую он нашёл на песке, календарь и та волна, в которую луна обмакнула свою туфельку, и крик, который он услышал во сне… Муми-тролль стоял в зарослях ольхи и смотрел, как танцуют морские лошадки.

Они скакали по песку, закидывая головы, разметав гривы, хвосты развевались длинными блестящими волнами. Они были неописуемо красивые и лёгкие, и знали это, они с равнодушной естественностью заигрывали сами с собой, или с островом, или с морем, им было всё равно. Время от времени они стремглав бросались в воду, поднимая высокие брызги, выбивая радуги в лунном свете, и убегали обратно под своими радугами, кося глазом, и наклоняли головы, чтобы подчеркнуть изгиб шеи. Казалось, что они танцуют перед зеркалом.

На миг они замерли, прижавшись друг к другу, явно думая о самих себе. Обе лошадки были покрыты серой шёрсткой, и даже со стороны ощущалось, какая она мягкая и тёплая, как скатывается с неё вода. Казалось, что лошадки усеяны мелкими цветочками.

Муми-тролль наблюдал за ними, пока с ним самим не произошло нечто странное — возможно, совершенно естественное: он вдруг почувствовал себя таким же прекрасным, лёгким, игривым и горделивым. Он выбежал на песок и воскликнул:

— Какая луна! Как тепло! Кажется, что вот-вот полетишь!

Лошадки вздрогнули и метнулись прочь. Они проскакали мимо с круглыми глазами, гривы волновались, как вода, копыта выстукивали панический марш, и всё-таки отчего-то было понятно, что всё это игра. Муми-тролль знал, что они просто играют в страшный испуг и радуются этой игре, но он не знал, можно ли потрепать их по спинам или ещё как-то успокоить. Он снова стал маленьким, толстым и неуклюжим и, когда они пробежали мимо него в море, закричал:

— Лошадки, вы такие красивые! Не убегайте от меня!

Взметнулись брызги, последняя радуга пропала, берег снова был пуст.



Муми-тролль сел на песок и стал ждать. Он был уверен, что лошадки вернутся, просто обязаны вернуться, главное, чтобы у него хватило терпения дождаться.

Ночь тянулась всё дольше, луна зашла.

Может, если зажечь свет, лошадкам понравится и они выманятся снова поиграть? Муми-тролль зажёг фонарь, поставил его перед собой на песок и стал неподвижно смотреть на тёмную воду. Спустя мгновение он встал, поднял фонарь и

стал покачивать им туда-сюда. Это был знак. Он старался думать спокойные и дружелюбные мысли, он махал фонарём, он был готов ждать сколько угодно.

На берегу вдруг похолодало — наверное, наступало утро. Холодом тянуло с моря, лапы замёрзли. Муми-тролль вздрогнул и поднял глаза.

Прямо перед ним на воде сидела Морра.

Она сидела неподвижно и только следила взглядом за движениями фонаря. Муми-тролль знал, что ближе она не подойдёт, но всё равно не хотел на неё смотреть. Ему хотелось поскорее и подальше сбежать от её холода и неподвижности, от этого кромешного одиночества. Но он не мог сдвинуться с места. Просто не мог.

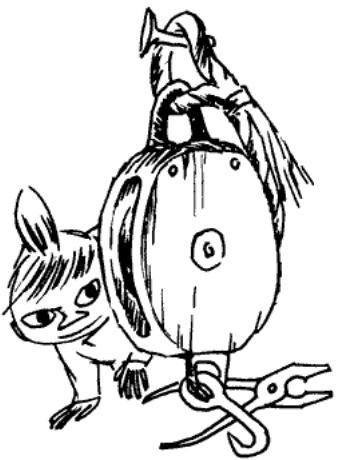
Муми-тролль стоял и махал фонарём всё слабее и слабее. Довольно долго ни он, ни Морра не двигались с места. Наконец Муми-тролль начал медленно пятиться. Морра осталась сидеть на своём ледяном острове. Муми-тролль продолжал отступать по песку к зарослям ольхи, не выпуская Морру из вида. Потом он погасил фонарь.

Наступила кромешная тьма — луна уже ушла за остров. Ему показалось, что какая-то тень отплыла к отмели, но он не был в этом уверен.

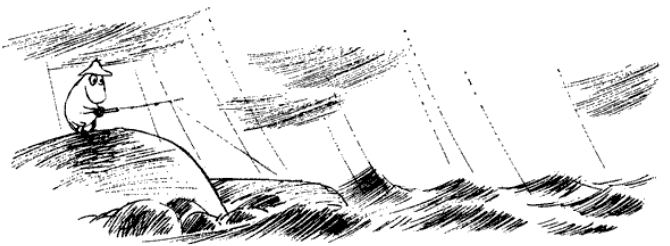
Придавленный мыслями, Муми-тролль побрёл

обратно к маяку. Море было спокойным, но листья осин пугливо подрагивали. Из чащи на него повеяло сильным запахом керосина. Этот запах не принадлежал ни ночи, ни острову.

— Я подумаю об этом завтра, — решил Муми-тролль. — Сейчас это уже не помещается в голове.



Глава четвёртая
Норд-ост



Перед восходом солнца задул ветер с востока, колючий и своенравный. Семейство проснулось около восьми, к тому времени ветер успел нагнать дождя, и тот рывками налетал на маяк.

— Теперь у нас будет вода, — сказала мама. — Какая удача, что я успела найти в скале ямку и вычистить.

Она положила в печку дров и разожгла огонь.

Муми-тролль ещё лежал в кровати, разговаривать не хотелось. По потолку расплывалось тёмное пятнышко с каплей посередине. Капля становилась всё тяжелее и наконец призем-

лилась на стол, оставив на потолке зачин для следующей капли.

В комнату ворвалась Мю.

— Сегодня нелифтовая погода, — сказала она, выжимая волосы. — Корзину сдувает.

Ветер снова взвыл над башней, дверь громко хлопнула.

— А кофе будет? — спросила малышка Мю. — В бурю у меня всегда просыпается аппетит. В чёрном озере поднялась вода, а мыс этого психа превратился в остров! А из него самого ветром выдуло последние мозги — лежит под своей лодкой и считает капли.

— Сети! — воскликнул папа, выскакивая из кровати. — У нас же раскинуты сети!

Он подбежал к окну, но поплавка не увидел. Восточный ветер — целый шторм! — шёл через мыс. Поднимать сети в такой ветер, да ещё и в дождь — занятие не из приятных.

— Пусть лежат, — решил папа. — Нагонит побольше рыбы. А после кофе я поднимусь в башню и попытаюсь выяснить природу этого ветра. Сдаётся мне, к вечеру он стихнет.

Из башни ветер выглядел примерно так же, как и из комнаты. Папа постоял и посмотрел на светильник, потом открутил одну гайку и прикрутил

снова, поднял и опустил стеклянный колпак. Это были совершенно напрасные действия, но что сделать ещё, он не знал. Немыслимая небрежность — не оставить инструкций к маяку! Просто непростительная.

Папа уселся на газовый баллон, прислонившись спиной к стене. Дождь хлестал по окнам над головой, вихри налетали на башню, то шепча, то шипя. Зелёное окошко было треснуто, и под ним набежало уже небольшое озерцо. Папа рассеянно смотрел на озерцо, потом превратил его в дельту с длинными извилистыми реками и позволил взгляду скользить по стене. Кто-то написал на ней карандашом что-то похожее на стихи. Папа нагнулся поближе и прочёл:

Пустынна морская гладь,
На небе блестит луна,
За долгих четыре года
Ни паруса не видать.

«Это писал смотритель маяка, — понял папа. — Наверное, он сочинил это в один из тех дней, когда ему было особенно тоскливо. Оно и понятно — светишь-светишь кораблям, а они никогда не проходят мимо… А вот тут он, похоже, повеселел и написал: „Восточный ветер уходит всегда, как

только подступит вода“».



Папа принялся ползать вдоль стены, разыскивая надписи смотрителя. Он нашёл много отметок о силе ветра — самым сильным был зюйд-вест в десять баллов по шкале Бофорта. Ещё в одном месте, видимо, снова было стихотворение, но потом смотритель густо зачеркнул его. Папе удалось разобрать только, что речь шла о птицах.

«Надо узнать о нём побольше, — подумал папа. — Как только погода наладится, расспрошу рыбака. Раз они жили на одном острове, значит наверняка были знакомы. А пока закрою дверь на замок и не буду больше сюда ходить — от этого только настроение портится».

Папа спустился по приставной лестнице и объявил:

— Ветер повернул на норд-норд-ост и, похоже, начнёт стихать. И кстати, я подумал, что надо как-нибудь пригласить к нам рыбака на кофе.

— Вряд ли он пьёт кофе, — сказала Мю. — Небось питается одними водорослями да сырой рыбой. Или цедит через зубы планктон.

— Что ты говоришь? — изумилась мама. — Ну надо же, какие бывают вкусы.

— Точно, водоросли, — повторила Мю. — Вид у него именно такой, так что я ничуть не удив-

люсь. Но он самостоятельный и никогда ничего не спрашивает, — с уважением добавила она.

— И ничего не рассказывает? — уточнил Муми-папа.

— Ни полслова, — подтвердила Мю. Она прыгнула на край печки и свернулась клубочком в тепле, намереваясь проспать весь дождь.

— И всё-таки он наш сосед, — неуверенно проговорила мама. — Соседи — это хорошо, вот что я хочу сказать. Кажется, крыша протекает, — добавила она со вздохом.

— Я это улажу, — пообещал папа. — Постепенно. Когда у меня будет время.

А про себя подумал: «Может, погода ещё наладится. Не хочу больше идти наверх. Там даже стены пропитались смотрителем маяка».

Длинный дождливый день понемногу проходил, и к вечеру ветер стих настолько, что папа решил поднять сети.

— Видите, как полезно немножко разбираться в море, — проговорил он с довольным видом. — Мы вернёмся к вечернему чаю и самых больших рыб принесём с собой. А тех, которые поменьше, запустим пока в ямку в скале.

Под дождём остров сделался мокрым, скучным и совсем бесцветным. Вода поднялась так высо-

ко, что от песчаного берега мало что осталось, и лодка покачивалась, уйдя кормой в море.

— Надо оттащить её к кустам, — сказал папа. — Видишь, что море вытворяет по осени! Если бы мы оставили сети до завтра, остались бы без лодки! С этим морем держи ухо востро. Не понимаю, — серьёзно добавил папа, — не понимаю, почему море то приходит, то уходит. Должно же этому быть какое-то объяснение…

Муми-тролль огляделся — берег стал совсем другим. Море словно разбухло, оно вздымалось тяжело и раздражённо и наметало на берег целую груду водорослей. Морским лошадкам совсем не осталось места. А вдруг они хотят танцевать именно на песке? Наверное, они больше не придут. Или их напугала Морра… Муми-тролль опасливо взглянул на рифы, но они терялись в тумане.

— Смотри, куда гребёшь! — крикнул папа. — Не своди глаз с поплавка и следи за волной, не то нас вышвырнет обратно на берег!

Муми-тролль вцепился в левое весло и принялся грести что было сил. «Приключение» всё время поворачивалось вместе с ветром и подпрыгивало на волнах.

— Налегай крепче, крепче налегай! — кричал

папа с кормы. — А теперь поворачивай! Да нет, в другую сторону! И сдай назад. Назад! — Он лежал животом на банке и пытался схватить поплавок. — Нет-нет-нет, сюда! То есть туда! Да, вот так. Я его достал. Теперь давай к берегу, к берегу давай!

Папа ухватился за верхний край сети и потянул. Дождь хлестал в глаза, сеть оказалась страшно тяжёлой.

«Нам никогда не съесть столько рыбы, — озадаченно подумал папа. — Ну и жизнь! Но семья есть семья…»



Муми-тролль грёб как сумасшедший, но он видел, как вместе с сетью из воды поднимается что-то тёмное… Водоросли! Сеть стала похожа на толстое одеяло — она была вся, метр за метром, забита водорослями и жёлтой морской травой.

Папа утратил дар речи. Он даже не пытался вытягивать сеть по правилам; свесившись над краем, он принялся затаскивать её в лодку как попало, обеими лапами. Охапка за охапкой толстый жёлто-коричневый ковёр укладывался на дно лодки. В нём не было ни единой рыбины. Все три сети — один в один, даже к колышку прилип пучок травы. Подняв из воды правое весло, работая одним левым, Муми-тролль развернул лодку и направил её к берегу. Через некоторое время нос «Приключения» коснулся земли, но новая волна захлестнула лодку и развернула её боком к берегу. Папа встрепенулся.

— Прыгай в воду и тащи нос к берегу! — крикнул он. — Тащи к берегу! И держи крепче!

Муми-тролль стоял в воде по пояс и тащил «Приключение» за носовой швартов, лодка скакала, как мустанг, и каждая следующая волна окатывала его с головой. От ледяной воды ныло всё тело. Папа толкал корму, налегая в поте лица, надвинув на глаза шляпу, вёсла волочились по

песку, били по лапам и путались в сетях, и всё было так плохо, что хуже не придумаешь. Когда они наконец оттащили «Приключение» от воды, с неба обрушился новый дождевой поток, пейзаж стал тёмным и расплывчатым, наступал вечер.

— Это ведь было здорово? — Муми-тролль осторожно взглянул на папу.

— Скажешь тоже, — неуверенно ответил папа. Он покосился на огромную кучу сетей вперемешку с морской травой и решил, что Муми-тролль прав. — Пожалуй что, так. Битва с морем. Вот так живётся на далёких островах!

Выслушав захватывающий рассказ до конца, Мю выпустила из лапы бутерброд и сообщила:

— Поздравляю. Теперь будете развлекаться — дня три-четыре выщипывать водоросли. Эта жёлтая трава цеплючая, как росомаха. Если сеть пролежит так целый день, я хочу сказать.

— Ну вот! Ну вот! — начал папа.

— У нас полно времени, — торопливо сказала мама. — А повыщипывать траву в хорошую погоду даже приятно.

— Пусть рыбак её объедает, — предложила Мю. — Он же любит морскую траву. Ха!

Папа продолжал отчаиваться. Неудача с сетью сразу после неудачи с маяком — это просто

несправедливо! И всё здесь так: стараешься-стараешься, а оно ускользает из рук. Видоизменяется… Мысли у папы начали блуждать, и он всё крутил ложкой в чашке, хотя сахар растаял давным-давно. Посреди стола стояла кастрюлька. Капли задумчиво падали в неё с потолка, и каждая говорила «плимп». Муми-тролль смотрел на календарь и рассеянно завязывал хвост узлом.

— А давайте зажжём лампу! — весело сказала мама. — Можно повесить её на окно, раз поднялся такой ветер.

— Нет, только не на окно! — закричал Муми-тролль, вскакивая. — Мама, пожалуйста, не на окно!

Мама вздохнула. Именно этого она и боялась. В дождь они становились такими странными, как будто у них были какие-то планы, а дождь всё испортил. А дождей, похоже, будет много… Раньше, дома, всегда можно было заняться чем-нибудь и не выходя на улицу, но здесь… Мама подошла к комоду и выдвинула верхний ящик.

— Я заглянула сюда сегодня утром, — сказала она, — и тут обнаружилась одна-единственная вещь, и угадайте какая? Пазл! Минимум на тысячу кусочков, и никто понятия не имеет, что там за картинка. Замечательная игра!

Она высыпала пазлинки на стол между чашками, получилась внушительная кучка. Семейство смотрело на кучку без энтузиазма.

Муми-тролль перевернул один кусочек — он оказался чёрным. Как Морра. Или как тени в заснеженном лесу. Или как зрачок морской лошадки. Как миллион разных других вещей. Это могло быть что угодно. И никто не узнает, куда этот кусочек подойдёт, пока вся картинка не будет готова.

Этой ночью Морра запела. Никто не пришёл на берег с лампой. Она ждала и ждала, но никто не приходил.

Сначала Морра выла тихонько, но понемногу её песнь одиночества набрала силу. В ней звучал теперь ещё и протест: нет другой Морры, кроме меня, я — единственная, самая холодная во всём мире и никогда не согреюсь.

— Тюлени, — пробормотал папа в подушку.

Муми-тролль натянул на голову одеяло. Он знал, что Морра ждёт фонарь. Но его не мучили угрызения совести по этому поводу. Пусть орёт сколько влезет, его это совершенно не волнует, ни капельки. К тому же мама сказала, что керосина ушло уже очень много. Несколько литров. Так что теперь всё.

Дни шли, вода прибывала вместе со своенравным восточным ветром, волны обволакивали остров непрерывным баюкающим рокотом. Мыс рыбака был отделён водой, но Мю считала, что рыбак этому даже рад: его наконец оставили в покое. Дождь перестал, и семейство пришло посмотреть, что творится на берегу.

— Сколько водорослей! — обрадовалась мама. — Можно будет расширить сад!

Она бросилась к скале и вдруг остановилась. Сада больше не было. Совсем не было. Море унесло его с собой.

«Ну да, он ведь был слишком близко к воде, — сконфуженно подумала мама. — Надо натаскать водорослей повыше и разбить новый…»

Она с тревогой оглядела залитый водой берег. Волны шипящими белыми полукружьями докатывались до лодки в кустах ольхи и бились о корму, и она сердито подпрыгивала. Папа стоял в море по пояс в воде и что-то кричал. Он искал свой волнорез.



— Что он говорит? — переспросила мама.

— Волнорез пропал, — ответил Муми-тролль с берега. — Все камни унесло.

Это уже не шутка. Мама бросилась по мокрому песку в воду, сочувственно постоять рядом — одних слов в этом случае явно было недостаточно.

Мама с папой мёрзли в волнах, и мама подумала: «Злое оно, его море…»

— Пойдём, — рассеянно проговорил папа. — Наверно, эти камни были не настолько крупные, как мне показалось.

Они повернулись спиной ко всем безобразиям и пошли мимо лодки к осиновой роще. Там папа остановился и проговорил:

— Здесь не проложить нормальной тропы. Я уже пробовал. Эти чёртовы камни слишком большие. Будь это возможно, смотритель маяка давно бы сделал дорогу, да и причал тоже.

— Похоже, этот остров не изменишь, — сказала мама. — Он такой, какой есть. Дома было как-то полегче… Но я в любом случае собираюсь разбить сад… Только повыше.

Папа ничего не сказал.

— И на маяке хватает работы, — продолжала мама. — Можно смастерить полочки! И красивую мебель, а? И починить эту ужасную лестницу… И крышу…

«Я не хочу ничего чинить, — подумал папа. — Я не хочу выщипывать водоросли… Я хочу строить большое и прочное, хочу делать много всего, что хочется, — но я сам не знаю… Как же трудно быть отцом семейства!»

Муми-тролль видел, как мама с папой скрылись за холмом, печально волоча хвосты.

Над скалой с маяком всё ещё мерцала всеми своими прозрачными цветами короткая радуга. Пока Муми-тролль смотрел на неё, цвета медлен-

но начали бледнеть, и он вдруг почувствовал, что ему позарез нужно добежать до полянки, пока радуга совсем не погасла. Он метнулся в чащу, упал на живот и пополз под деревьями.

И оказался на полянке. Она была прекрасна даже таким серым вечером. Между ветвями серебрились от воды паутинки. Было тихо, несмотря на ветер. И на этот раз — ни одного муравья. Просто ни единого.

Может, они попрятались из-за дождя? Муми-тролль начал нетерпеливо раскапывать землю обеими лапами. И вдруг снова ощутил запах керосина. И муравьи… Они были на прежнем месте, их было много — но все до одного мёртвые, скорченные, боже, да здесь произошла настоящая бойня, и ни один муравей не избежал гибели… Они все захлебнулись в керосине.

Муми-тролль вскочил, на него волной обрушилась мысль: «Это я виноват. Я должен был догадаться. Мю никогда не станет никого уговаривать, она или действует, или вообще не связывается. Что же мне делать? Что мне делать?!»

Муми-тролль сидел на полянке, которая теперь принадлежала ему, ему одному до скончания века, и раскачивался взад-вперёд, и запах ке-

росина пропитывал его с головы до ног. Он не выветрился и по дороге домой, и казалось, что не выветрится никогда.

— Добрый ты наш, — сказала малышка Мю. — Муравьи всё равно что комары, это же хорошо — от них избавиться! К тому же ты прекрасно знал, что я собираюсь сделать. Знал, но надеялся, что я не стану об этом говорить. Хотел обмануть сам себя.

Возразить было нечего.

Вечером Мю заметила, что Муми-тролль углубился в вереск, явно желая побыть один. Она пошла следом и увидела, как он рассыпает сахар под ёлками, а потом вместе с банкой исчезает в чаще.

«Ха, — подумала Мю. — Пытается успокоить свою совесть. Можно было бы сказать ему, что муравьи не едят сладкого. Этот сахар просто растает на мокрой земле. И что тех муравьёв, до которых я не дотянулась, совершенно не волнует вся эта история и они не нуждаются в утешении. Но мне лень. Пусть делает что хочет».

Следующие два дня мама с Муми-троллем занимались исключительно выщипыванием водорослей.

Дождь припустил с новой силой. Пятно на потолке росло, теперь с него капало — плимп-плимп-плимп — в маленькую кастрюлю и — клонк-клонк-клонк — в большую. Папа сидел наверху и с глубокой неприязнью смотрел на треснутое окно. Все папино воображение сворачивалось и усыхало, как только он начинал думать про окно. Надо просто заколотить его снаружи. Или приклеить изнутри кусок мешковины. Про мешковину подсказал Муми-тролль.

В конце концов папа так утомился, что лёг на пол и попытался увидеть вместо стекла только цвет — красивый изумрудный цвет. Стало получше, и спустя мгновение папе пришла в голову новая мысль. Если вырезать из мешковины широкую ленту, намазать её клеем, разбить зелёное стекло на множество изумрудных осколков и приклеить их… Папа заинтересованно присел.

А пока клей не застыл, можно посыпать изумруды мелким белым песочком. Или рисом. Белые рисинки — как жемчужины, много-много. Будет пояс из жемчуга и изумрудов.

Папа поднялся и стукнул молотком по стеклу. Потом осторожно потянул. Большой кусок выпал на пол и разбился. Папа набрал пригоршню осколков и принялся с величайшим терпением

дробить их на красивые и ровные кусочки помельче.

К вечеру папа вылез из люка. Поясок был готов.

— Я примерял его на себя, — сказал он, — а потом укоротил. Тебе должен быть как раз.

Мама надела поясок через голову, он скользнул по её круглому животику и остановился ровно там, где и должен был.

— Просто невозможная красота, — проговорила мама. — В жизни ничего подобного не видела!

От радости она даже посерьёзнела.

— А мы и не поняли, для чего тебе рис! — воскликнул Муми-тролль. — Но он ведь разбухает от воды… И мы подумали, что ты хочешь как-то заткнуть им окно…

— Фантастика, — заметила Мю с уважением. — И не поверишь, что настоящий.

Она передвинула тазик в новое место, туда, где капли говорили не «плимп» и не «клонк», а тоненькое «клипп», и добавила:

— Значит, рисовой каши больше не будет!

— Это потому что я такая толстая, — извиняющимся тоном проговорила мама. — Но у нас ещё есть овсянка!

При упоминании овсянки воцарилась неодоб-

рительная тишина, и в этой тишине папа вдруг услышал песню, исполняемую каплями на три голоса исключительно для него. Песня ему не понравилась.

— Дорогой, если выбирать между кашей и украшением… — начала было мама, но папа прервал её:

— Сколько припасов мы уже съели?

— Прилично, — с беспокойством ответила мама. — Видишь ли, на свежем воздухе…

— А сколько осталось? — продолжал папа.

Мама неопределённо махнула рукой — жест, означавший, по всей видимости, и овсянку, и что всё это не важно.

И тогда папа поступил единственно возможным образом. Он снял со стены спиннинг и надел шляпу смотрителя маяка. Гордое молчание идеально подходило для того благородного шага, который он собирался сделать.

Семейство уважительно выжидало. С потолка сорвалась очередная капля.

— Пойду позабрасываю блесну, — невозмутимо проговорил папа. — Погода как раз для большой щуки.

Норд-ост разрывал себе лёгкие, но вода не отступала. Накрапывал дождь, скала была того же

цвета, что и вода, — серый безымянный мир, исполненный одиночества.

Папа с час забрасывал удочку на чёрном озере. Никто не клевал. Не говори «щука», пока не поймаешь.

В принципе папе, как и большинству пап, нравилась рыбалка, не нравился в ней только один момент: возвращаться домой без рыбы. Удочку ему подарили на день рождения год назад — это был шикарный спиннинг, но иногда он висел на гвозде с таким видом, будто призывал к чему-то, и это было не очень приятно.

Папа смотрел на чёрную воду, и озерцо в ответ пристально вглядывалось в него серьёзным чёрным глазом. Папа вытянул леску и сунул погасшую трубку под ленту шляпы. И отправился на подветренную сторону острова.

Может быть, там есть щуки. Пусть не такие большие. Но хоть с чем-то прийти домой.

Рыбак рыбачил у самого берега.

— Хорошее тут место? — спросил папа.

— Нет, — ответил рыбак.

Папа присел на камень, придумывая, как завязать беседу. Такие неразговорчивые ему никогда ещё не встречались. Прямо неловко и странно.

— Здесь, должно быть, одиноко зимой, —

предпринял он новую попытку, разумеется, без результата. Ладно, попробуем ещё раз. — Но ведь когда-то вас было двое, верно? Какой он был, этот смотритель маяка?

Рыбак что-то пробормотал и беспокойно поёрзал на банке.

— Он любил поговорить? Рассказывал что-нибудь о себе?

— Все рассказывают, — сказал вдруг рыбак. — Все говорят о себе. И он только о себе да о себе. Но я не особо слушал. Ничего не помню.

— Но как так вышло, что он уехал? И когда погас маяк — ещё при нём или после?

Рыбак дёрнул плечом и вытянул из воды удочку с пустым крючком:

— Не помню.

Папа без особой надежды попробовал снова:

— А что он делал днём? Строил что-нибудь? Забрасывал сети?

Рыбак красивым неторопливым движением забросил удочку в воду. На воде возник идеально ровный круг, он плавно расширялся и растворялся в пустоте. Рыбак отвернулся и стал смотреть в море.

Папа встал и перешёл в другое место. Внутри у него всё кипело и требовало разрядки. Он далеко

забросил блесну, не заботясь уже о джентльменской дистанции, которую должны соблюдать между собой два рыбака. Рыба немедленно клюнула.



Папа вытащил полукилограммового окунька и устроил вокруг него целое представление: брызгался, пыхтел, хлопал окунем по скале, чтобы посильнее раздразнить рыбака. Потом глянул в сторону лодки: серая фигурка сидела неподвижно, уставившись на море.

— Щука килограммов на восемь! — громко приговаривал папа, пряча окунька за спиной. —

О-хо-хо! Это сколько же её придётся коптить?!

Рыбак не двигался.

— Это ж надо, — бормотал папа. — Смотритель, бедняга, говорил и говорил о себе, а этот… любитель водорослей его даже не слушал! Хорошенькое дельце!

Крепко сжимая в лапе окуня, он отправился к маяку.

Мю сидела на ступеньках и напевала одну из своих монотонных дождевых песен.

— Привет, — сказал папа. — Ух, как я зол!

— Это хорошо, — одобрила Мю. — Похоже, ты нашёл себе достойного врага, от этого всегда становится легче.

Папа положил окуня на ступеньки.

— А где мама?

— Копается в новом саду, — ответила Мю. — Я отнесу ей рыбу.

Кивнув, папа пошёл к западному мысу.

— Посмотрим, — приговаривал он. — Буду рыбачить прямо перед его цементным ящиком, прямо у него под носом. Выловлю всех рыб до единой. Я им покажу…

Порванные сети развесили под лестницей и забыли про них. От этого всем как-то полегчало. Мама не заводила больше разговор о полочках

и мебели, пятно на потолке росло с каждым дождем. Потолочный люк не открывали.

Папа с головой погрузился в рыбалку. Он целыми днями сидел со спиннингом на берегу и приходил только поесть. Он уходил рано утром и никого не брал с собой. Рыбака он больше не задевал — глупо дразнить того, кто меньше тебя да ещё и не злится. Теперь папой владела только одна мысль: раздобыть побольше еды для семьи. Свою добычу он приносил к маяку.

Рыб получше папа коптил на берегу возле лодки. Сидел на ветру рядом с коптильной печкой и медленно подсовывал в печь одну ветку за другой, чтобы огонь горел ровно. Он укреплял печку песком и мелкими камнями, собирал можжевельник и колол щепки, чтобы рыба прокоптилась как положено. Дома его почти не видели.

Ближе к вечеру он трижды забрасывал спиннинг в чёрное озеро, но там никогда не клевало.

За чаем папа не говорил ни о чём, кроме рыбы. Он не хвастался, как обычно, дружески и по-домашнему — нет, он читал длинные лекции, мама слушала их с тревогой и, как ни странно, черпала из них крайне мало сведений о повадках рыбы и рыбаков.

Она думала: «Нет, это уже не игра. Во всех горш-

ках и плошках, какие были, у нас теперь солёная рыба, а он всё рыбачит… Хорошо, конечно, что у нас теперь так много еды, но когда её было мало, мы как будто жили повеселее… Наверное, море на него сердится».

Мама каждый день надевала изумрудный поясок, чтобы показать папе, как ей нравится подарок. Хотя это, конечно, было украшение не на каждый день, стёклышки за всё цеплялись, а рисинки осыпались, если неосторожно повернуться.

Мамин сад был готов — выложенный водорослями блестящий круг у подножия маяка. Ракушек море так и не выбросило, и она обрамила его круглыми камушками. Посредине красовалась в привезённой из дома земле роза. Она готова была зацвести, хотя слегка сомневалась — и неудивительно, ведь шла уже вторая половина сентября.

Мама часто мечтала о цветах, которые посадит весной. Она рисовала их на подоконнике с северной стороны. Каждый раз, сидя у окна и глядя на море, она рассеянно рисовала новый цветочек, и мысли её при этом были далеко. Иногда она даже удивлялась при виде этих цветов — они вырастали как будто сами по себе и становились всё красивее.

За окном, казалось, чего-то не хватает — это ласточки улетели на юг. Улетели в ветреный и дождливый день, так, что никто не заметил. На острове стало вдруг непривычно тихо — мама уже привыкла к ласточьему щебету и тихой болтовне под крышей. Теперь мимо окна, тараща жёлтые глаза, пролетали только чайки. Иногда ещё слышались приглушённые крики журавлей, улетавших вдаль, далеко-далеко.

Неудивительно, что ни мама, ни папа не заметили, что происходит с их Муми-троллем, — они были слишком заняты другими делами. Они ничего не знали про лес и полянку и понятия не имели, что каждую ночь Муми-тролль уходит на берег с фонарём.

О чём знала или догадывалась Мю, никому не было известно. Чаще всего она ходила по пятам за рыбаком, но они почти не разговаривали. Оба они были сами по себе и относились друг к другу с какой-то спокойной приязнью. Они не пытались понять друг друга или произвести впечатление — оказывается, и от такого общения можно получать удовольствие.

Таково примерно и было положение дел в ту великую осеннюю ночь, когда вернулись морские лошадки.

Ходить на берег с фонарём слегка наскучило. Муми-тролль привык к Морре, и она теперь не столько пугала, сколько раздражала. Он уже не понимал, почему сюда приходит — из-за Морры или из-за лошадок. Просто просыпался каждую ночь, когда выходила луна, и знал, что надо идти.

Морра приходила всегда. Она стояла в воде близко к берегу и следила за движениями фонаря. Как только Муми-тролль гасил фонарь, она без всякого воя скрывалась во тьме, а Муми-тролль отправлялся домой.



Но каждую ночь Морра подходила всё ближе. В

эту ночь она ждала на песке.

Муми-тролль остановился в зарослях ольхи и поставил фонарь на землю. Выйдя из воды, Морра нарушила молчаливый уговор, и это было неправильно. Нечего ей делать на острове. Она опасна для всего, что живёт и растёт.

Они молча стояли друг напротив друга, как обычно. Но вот Морра медленно отвела глаза от света и посмотрела прямо на Муми-тролля. Так она никогда не делала. Холодные пугающие глаза. Луна меж облаков то появлялась, то гасла, по всему берегу разбегались тени.

И тут из-за мыса на полной скорости прискакали лошадки. Они ничуть не боялись Морры, они носились друг за другом в лунном свете, выбивали в воздухе радуги и пробегали сквозь них на маленьких твёрдых копытцах. Муми-тролль заметил, что у одной лошадки только три подковы. Лошадка и правда была вся в цветочках, в бархатной шёрстке виднелись какие-то ромашки — на шее и ногах помельче, чем в других местах. А может, это были кувшинки — так поэтичнее. Лошадка проскакала прямо к фонарю и опрокинула его на песок.

— Ты портишь мне всю луну! — воскликнула маленькая лошадка.

— Ой, извини. — Муми-тролль торопливо погасил фонарь. — Я нашёл твою подкову…

Лошадка остановилась, наклонив голову.

— Но я подарил её маме, — признался Муми-тролль.

Лунный свет померк, копытца снова застучали, Муми-тролль услышал смех.

— Слышишь? Слышишь? — переговаривались лошадки. — Он подарил её маме! Маме!

Они пронеслись мимо, почти вплотную к нему, мягкие, как пушица, гривы коснулись его морды, мешая дышать.

— Я могу попросить её назад! Я схожу за ней! — крикнул Муми-тролль в темноту.

Луна вышла снова, и Муми-тролль увидел, как лошадки бок о бок убегают в море, гривы развеваются, как белые юбки. Они были совершенно одинаковые. Одна повернулась и крикнула издалека:

— Может быть, в другой раз…

Муми-тролль присел на песок. Лошадка говорила с ним, обещала вернуться! Луну будет видно ещё много долгих ночей, если только не набегут облака. И он больше не станет зажигать фонарь.

Муми-тролль вдруг ощутил, что хвост у него замёрз, и увидел, что сидит на заледеневшем

песке. Именно здесь сидела Морра.

На следующую ночь Муми-тролль пошёл на берег без фонаря. Луна уже немного уменьшилась. Когда она совсем пропадёт, лошадки убегут играть в другое место. Он знал это, чувствовал.

Муми-тролль принёс с собой подкову. Попросить её обратно было нелегко, он краснел и ужасно смущался. Но мама, ничего не спрашивая, сняла подкову с гвоздя.

— Я начистила её стиральным порошком, — сказала она. — Смотри, как блестит.

Больше она ничего не сказала, и голос был самый обычный.

Муми-тролль пробормотал, что подарит ей взамен что-нибудь другое, и ушёл, путаясь хвостом в лапах. Почему-то он не смог рассказать маме про лошадок — просто не смог, и всё. Вот если бы найти ракушек… Конечно же, ракушки нравятся мамам больше, чем подковы. Лошадке, наверное, нетрудно было бы достать для мамы несколько больших и красивых ракушек. Но какое лошадке дело до мамы? Наверное, лучше даже не просить…

Лошадка не пришла.

Уже и луна села, а они не пришли. Правда, она и сказала «в другой раз», а не «завтра». Другой

раз может быть когда угодно. Муми-тролль сел и стал пересыпать песок между лапами. Очень хотелось спать.

И тут, разумеется, явилась Морра. Приплыла по воде в клубах тумана, как угрызение совести, и выползла на берег.

И Муми-тролль вдруг вышел из себя.

— Уходи отсюда! — заорал он. — Проваливай! Ты нам всем мешаешь! Мне сейчас не до тебя!

Морра подошла ближе.

Муми-тролль отступил к кустам и закричал:

— Я не принёс фонарь! Я не буду больше его зажигать! Не приходи сюда, это папин остров!

Муми-тролль всё пятился, пятился, потом повернулся и бросился бежать. Осины вокруг него трепетали и шелестели, как перед бурей, они чуяли, что Морра на острове.

Укладываясь в постель, Муми-тролль слышал завывания Морры — в этот раз они звучали намного ближе. «Только бы не явилась сюда, — подумал он. — Только бы остальные её не заметили. Орёт, как туманная сирена… А хуже всего, что кое-кто опять начнёт обзываться».

Мю лежала под ползучей низкорослой ёлкой на окраине леса и прислушивалась. Она поплотнее подоткнула вокруг себя мох и задумчиво

засвистела.

«Ну натворил дел на свою голову, — подумала она. — Так всегда и бывает, когда якшаешься с моррами и думаешь, что можно подружиться с морскими лошадками. Вот бедолага».

Потом она вспомнила про муравьёв и долго и заливисто смеялась.



Глава пятая
Туман



Вообще-то мама не сказала ничего взрывоопасного и уж конечно не хотела обидеть папу. И тем не менее. Папа даже не помнил, что именно она сказала. Что-то вроде того, что им не нужно столько рыбы.

Она плохо радовалась щуке. Весов у них не было, но по щуке было ясно, что она весит не меньше трёх кило. Ну уж два-то наверняка. Когда в поте лица добываешь для семьи еду и изо дня в день вынужден таскать одних бесконечных окуней, начинаешь понимать, что щука кое-что значит. Щука — это событие. А она вдруг говорит, что им уже хватит рыбы.

Мама, как обычно, сидела у окна и рисовала цветочки. Она изрисовала весь подоконник и

вдруг проговорила как будто в воздух, что уже не знает, куда класть ту рыбу, которую он приносит. Или что-то вроде того, что рыбу уже не в чем солить. Или что неплохо было бы поесть для разнообразия овсянки. Что-то в этом духе.

Папа повесил спиннинг на стену и отправился прогуляться. Он обогнул по краю воды весь остров, только на мыс рыбака не пошёл.

Был облачный, неподвижный день. Поверхность воды колыхалась после восточного ветра длинной плавной зыбью, такая же серая, как небо, и казалась шёлковой. Над ней изредка проносилась по своим делам гага, и снова всё замирало. Папа ступал одной лапой по камням, а другой по воде, хвост шлёпал по морю, шляпа смотрителя маяка сползала на нос, и папа думал: «Вот бы сейчас шторм… Настоящий шторм. Пришлось бы бегать вокруг, спасать вещи и следить, чтобы семейство не сдуло в воду. Я поднялся бы на башню измерить силу ветра, а потом спустился бы и сказал: „Тринадцать баллов по Бофорту. Спокойствие, только спокойствие. Нет причин для паники…“»

Мю вылавливала колюшек из ямки с солёной водой.

— Почему ты не рыбачишь? — спросила она.

— С рыбалкой покончено, — ответил папа.

— Небось доволен, — заметила Мю. — Я давно подозревала, что тебе надоело.

— А ведь и правда! — воскликнул папа. — Мне надоела рыбалка! Подумать только, и как я сам этого не заметил?

Папа пошёл к одинокому выступу смотрителя маяка и уселся там. «Надо заняться чем-то другим, чем-нибудь совсем новым. Чем-то невероятным», — подумал он.

Но он понятия не имел, чего ему хочется. Полная растерянность и недоумение, точь-в-точь как когда дочка Гафсы выдернула из-под него коврик или как когда промахнёшься мимо стула. Впрочем, нет, сейчас это другое. Скорее, он чувствовал себя обманутым.

Глядя на серое, шёлковое, не желающее штормить море, папа ощущал обман всё сильнее.

— Ну погоди же, — бормотал он. — Погоди, я с тобой ещё разберусь…

Он сам не понимал, кого имеет в виду: море, остров или чёрное озеро. Может, это даже был маяк или смотритель маяка. В любом случае звучало угрожающе. Папа покачал своей недоумевающей головой и пошёл посидеть у чёрного озера. Там он положил морду на лапы и про-

должил размышлять. Время от времени море перехлёстывалось через перемычку и волновало блестящую чёрную гладь.

«Шторм гонял волны вокруг острова много сотен лет, — думал папа. — Пробки, кусочки коры, мелкие палочки перелетали через мыс в озеро, и волны уносили их обратно в море, каждый раз одним и тем же путём. Пока однажды…» Папа приподнял морду, и его озарила потрясающая мысль.

А что, если однажды что-то тяжёлое поднялось с морского дна, его перебросило волнами в озерцо и там оно утонуло на веки вечные?

Папа вскочил на лапы. Что это было, сундук с сокровищами? Ящик контрабандного виски? Пиратский скелет? Да что угодно! Главное, что всё озеро, возможно, набито самыми потрясающими вещами!

Папа возрадовался. Он вдруг ощутил прилив сил, всё, что спало, проснулось, кожу покалывало, внутри него как будто распрямились стальные пружины, призывавшие к действию. Он кинулся домой, взлетел по лестнице, рванул дверь и закричал:

— Слушайте! У меня возникла идея!

— Да что ты? — воскликнула мама от плиты. —

Сто́ящая?

— Ещё какая сто́ящая, — ответил папа. — Великая! Присядь, я расскажу.

Мама села на пустой ящик, и папа рассказал ей. Когда он закончил, мама проговорила:

— Невероятно. Никто, кроме тебя, не сумел бы такого придумать. Конечно же, в озере может найтись всё, что угодно!

— Именно так, — подтвердил папа, — всё, что угодно.

Они переглянулись и засмеялись. Потом мама спросила:

— Когда начинаешь поиски?

— Сейчас же, конечно. Только смастерю приличную кошку-цеплялку. Но сначала надо измерить глубину. И как-то перетащить туда лодку. Понимаешь, если тащить её по скале вверх, она может сорваться и упасть в воду. А надо попасть именно на середину озера — всё самое ценное наверняка лежит именно там.

— Тебе нужна помощь? — спросила мама.

— Нет-нет, — ответил папа. — Я должен сделать это сам. Надо раздобыть где-то верёвку, то есть лотлинь…

Папа полез по приставной лестнице наверх, даже не вспомнив про маяк, прошёл через башню

и взобрался на низкий тёмный чердак. Спустя мгновение он спустился обратно с верёвкой и спросил:

— У тебя найдётся лот?

Мама бросилась к печи и дала ему утюг.

— Спасибо, — сказал папа и вышел.

Мама слышала, как он сбежал по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Потом опять стало тихо. Мама присела к столу и засмеялась.

— Вот и чудесно! — проговорила она. — Морра меня побери, как чудесно!

Она торопливо огляделась — но никого, кто мог бы услышать, как она выругалась, поблизости не было.

Муми-тролль лежал на своей полянке и смотрел, как колышутся над головой берёзы. Они стали понемногу желтеть, и так было ещё красивее.

Он обзавёлся тремя входными туннелями: главным входом, чёрным ходом и тайным лазом на случай бегства. Он укрепил зелёные стены, терпеливо сплетая ветки. Обустраивая свою полянку, он подтверждал своё право на неё.

Он больше не думал о муравьях, которые постепенно становились землёй где-то под его круглым туловищем, запах керосина улетел вместе с вет-

ром, и новые цветы пробились из земли на смену отравленным. Он думал о том, что по лесу снуют тысячи довольных муравьёв, наевшихся сахара. Всё стало как надо.

Муми-тролль не забыл про морских лошадок. Что-то произошло с ним, и он стал другим муми-троллем, внутри которого поселились совсем другие мысли. Ему стало нравиться одиночество. Теперь он играл один, у себя в голове, и это оказалось интереснее всего на свете. Он играл с морскими лошадками, с лунным светом, который становился ещё прекраснее на фоне Морровой тьмы. Морра тоже участвовала в игре, её присутствия нельзя было отрицать. Она выла по ночам. Но она не делала ничего плохого. Потому что он, Муми-тролль, так придумал.

Он собирал подарки для лошадки: красивые камушки, обточенные морем стёклышки, похожие на драгоценные камни, несколько блестящих медных грузил для сетей из комода смотрителя маяка. Он представлял, что скажет лошадка, получив подарки, придумывал мудрые поэтические беседы.

Он ждал, когда снова выйдет луна.

Муми-мама давно расставила по местам всё, что они привезли из дома. Она почти не приби-

ралась: пыли наверху было так мало, что о ней и говорить не стоило, а уборка ради уборки — это лишнее. Готовка тоже занимает не так много времени, если не изобретать ничего сложного. Дни стали какими-то не по-хорошему длинными.

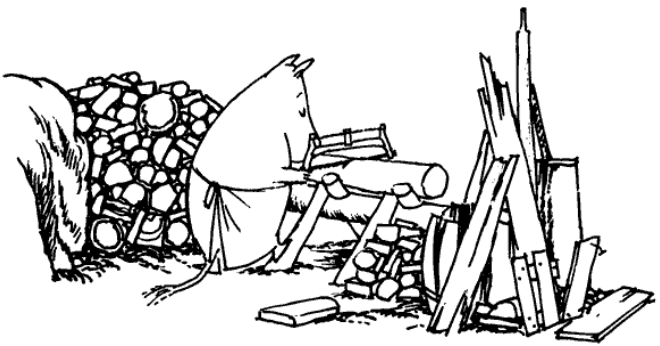
Собирать пазл маме не хотелось, от этого занятия она ещё яснее ощущала своё одиночество.

Но как-то раз мама принялась собирать дрова. Она подбирала каждую палочку, собирала в кучу всё, что приносило на пустые берега море, и постепенно натаскала немаленькую груду брёвнышек и обломков досок. Самое приятное, что от этого на острове воцарялся порядок, и мама постепенно стала ощущать остров безобидным садом, который можно возделывать и украшать.

Мама собрала все дрова в защищённом от ветра месте у подножия маяка и сколотила козлы для распила. Они получились немножко кривые, но вполне годные, если придерживать их лапой.

Погода стояла мягкая и серая, мама пилила и пилила, отпиливала полешки одинаковой длины и аккуратным полукругом укладывала вокруг себя. Деревянная стена росла, и в конце концов внутри получилась уютная комнатка, защищённая от чужих глаз. Сухие ветки мама унесла внутрь для растопки, а расколоть аккуратные

чурбачки и толстые доски у неё лапа не поднялась. По правде сказать, она и топор держать не очень-то умела.



Рядом с местом для пилки дров росла рябинка — маме она нравилась. Ягоды уже покраснели, и их оказалось неожиданно много для такого маленького деревца. Самые лучшие доски и чурбачки мама отнесла к рябине. Мама неплохо разбиралась в древесине, знала, как выглядят дуб

и жакаранда, различала бальсу, дугласову пихту и красное дерево. Все они по-разному пахли, были разными на ощупь, все прибыли к ней после долгого пути.

— Жакаранда и палисандр, — приговаривала, пиля, довольная мама.

Постепенно все привыкли к пилящей маме, всё реже появлявшейся из-за поленницы. Папа поначалу переживал и пытался взять лесопилку в свои руки. Но тогда мама рассердилась:

— Это моё. Мне тоже нужна какая-то игра.

В конце концов поленница выросла настолько, что из-за неё виднелись только мамины уши. Но мама продолжала пилить и каждое утро обходила остров, собирая всё новые деревяшки.

Этим серым неподвижным утром мама нашла на берегу ракушку. Большую витую ракушку, розовую изнутри и бледно-коричневую с тёмными пятнышками снаружи.

Мама очень удивилась и обрадовалась. Ракушка лежала на песке, хотя вода не поднималась уже целую неделю. Чуть подальше мама нашла ещё белую — как раз такую, какими обкладывают клумбы. Да и весь берег вдруг оказался засыпан ракушками — большими, маленькими, а на одной оказалось даже написано мелкими крас-

ными буквами: «Привет с западного побережья».

Мама изумлялась всё больше и собирала ракушки в передник. Потом она пошла показать их папе — тот ковырялся кошкой в глубинах чёрного озера.

Папа лежал на животе, глядя в глубину, такой маленький в своей лодке, дрейфующей с опущенными в воду вёслами.

— Посмотри! — крикнула ему мама.

Папа подгрёб ближе к перемычке.

— Настоящие ракушки! — воскликнула мама. — И так высоко на берегу, там никогда ничего не было!

— Чудеса, — проговорил папа, выколачивая трубку о скалу. — Загадки моря. Правду сказать, у меня просто голова идёт кругом, когда я начинаю представлять эти тайные морские тропы. Вот ты говоришь, что ракушки лежали высоко и ещё вчера их не было. Что это значит? Значит, море способно за пару часов подняться и опуститься на несколько метров. Хотя у нас здесь нет таких приливов и отливов, как где-то там на юге. Это невероятно интересно. А что касается этой надписи — она открывает просто немыслимые возможности!

Он серьёзно посмотрел на маму и добавил:

— Именно в эти вопросы мне хотелось бы углубиться и, возможно, написать исследование. Обо всём, что имеет отношение к морю, к настоящему большому морю. Мне надо разобраться в нём. Причалы, тропинки, рыба — всё это мелочи, предназначенные для тех, кто не задумывается о глобальных связях между вещами. Глобальных связях! — повторил папа торжественно, до того красиво это звучало. — И повод для таких мыслей мне дало озеро.

— Оно такое глубокое? — мама округлила глаза.

— Очень глубокое, — подтвердил папа. — Лот едва достал до дна. Сегодня я уже выловил жестяной бидон. Это подтверждает мои догадки.

Мама кивнула. Чуть помолчав, она сказала:

— Пойду обложу ракушками свой садик.

Папа не ответил: мысли его были уже далеко.

Примерно в это же время Муми-тролль жёг в маминой печке коробочку, некогда оклеенную ракушками. Какой смысл её хранить, если ракушки он уже ободрал? Коробочку он нашёл в нижнем ящике комода; мама туда не заглядывала, потому что там, очевидно, хранились вещи смотрителя маяка.

Жестяной бидон был старый и ржавый, и в нём явно никогда не держали ничего ценнее, чем керосин или скипидар. Но это было доказательство. Чёрное озеро — тайная морская сокровищница. Папа горячо верил: в глубинах озера его ждут клады. Всевозможные. Он надеялся, что, подняв их со дна, поймёт море и всё встанет на свои места. В том числе он сам. Так ему казалось.

Поэтому папа упрямо водил по дну кошкой и мерил лотом середину озера, называя её бездной. «Бездна», — шептал он, чувствуя, как от этого слова по спине пробегает холодок.

Лот обычно останавливался то на одной, то на другой глубине. Но случалось и так, что верёвка уходила в бесконечность, сколько её ни надставляй. В лодке уже валялось множество всевозможных верёвок: бельевая, носовой швартов, якорный канат — всё, что папа успел прибрать к лапам (и что, конечно, изначально предназначалось для чего-то другого — так всегда и бывает с верёвками).



Папа разрабатывал теорию об углублении, которое доходит до центра Земли, и грезил о погасшем кратере вулкана. В конце концов он начал записывать свои мысли в старую тетрадь с коленкоровой обложкой, которую нашёл на чердаке. Несколько страниц были исписаны смотрителем маяка — короткие слова с длинными промежутками, точно сорока напрыгала.

«Весы в одиночестве, Луна в седьмом доме, — прочёл папа. — Сатурн встречается с Марсом». Видимо, у смотрителя маяка бывали гости. И, может быть, ему от этого становилось веселее. Но дальше шли сплошные цифры, их папа не понимал. Он перевернул тетрадь и начал писать с другой стороны.

В основном он рисовал карты чёрного озера, вид сверху и вид в разрезе, и терялся в длинных расчётах и разъяснениях перспектив.

О своём исследовании папа не распространялся. Постепенно он перестал водить кошкой по дну и всё больше сидел в раздумьях на одиноком выступе смотрителя. Иногда он заносил в тетрадь заметки о море или озере.

Он писал: «Морские течения — примечательное и удивительное явление, которому ранее не уделялось достаточного внимания...» или

«Движение волн есть нечто такое, что неизменно вызывает у нас любопытство», потом тетрадь падала, а он погружался в раздумья.

Над озером украдкой протянулся туман. Он пришёл с моря, никем не замеченный. Всё вдруг оказалось окутано бледно-серым, а вы-ступ смотрителя маяка плыл, одинокий и всеми забытый, по мягкой, как шерсть, пустоте.



Папа с удовольствием спрятался в тумане.

Он задремал — но тут закричала чайка, и папа вздрогнул, и проснулся, и отправился снова бродить вокруг озера, так же беспомощно думая о ветрах и течениях, о штормах и зарождении дождей и о глубоких морских пещерах, дна которых никому не достичь.

Мама смотрела, как папа то выныривает из тумана, то заныривает обратно, задумчиво опустив морду на живот. Она думала: «Он собирает материал. Он сам так сказал. Наверное, у него уже целая тетрадь материала. Вот здорово будет, когда он наконец всё соберёт!»

Она положила на блюдечко пять полосатых карамелек и отнесла их папе, чтобы подбодрить его в трудах.

Муми-тролль лежал в зарослях вороники, нависая мордой над маминой ямкой с питьевой водой. Он опустил подкову в коричневую блестящую воду, и серебряное стало золотым. Вороника и верхушки трав отражались в воде — маленький перевёрнутый пейзаж. Ветки-травинки на фоне тумана вырисовывались красиво и чётко, можно было разглядеть, как самая крошечная букашка тащится по стеблю.

Ему всё нестерпимее хотелось поговорить о морской лошадке. Хотя бы рассказать, как она

выглядит. Хотя бы иметь возможность говорить о ней в открытую.



По стеблю проползли две козявки. Муми-тролль всколыхнул воду в ямке, пейзажик исчез. Он поднялся и направился в чащу. На самом её краю была протоптана во мху узкая тропинка, которая, очевидно, вела к логову Мю. Изнутри слышался шорох — Мю была дома.

Муми-тролль сделал шаг, опасное желание доверить кому-то свою тайну жгло язык. Он наклонился и прополз под ёлкой. Там сидела Мю

— маленькая, свернувшись клубочком.

— Значит, ты дома, — неловко проговорил Муми-тролль.

Он уселся на мох и посмотрел на Мю.

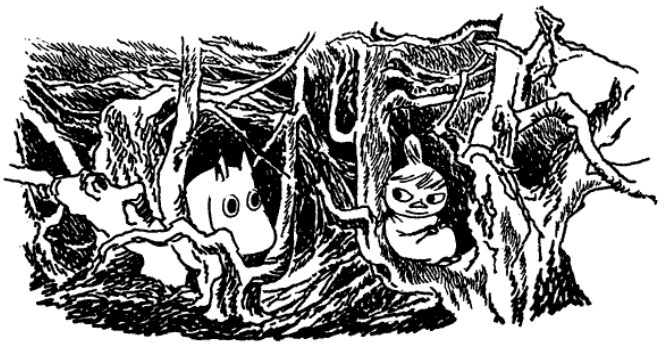
— Что это у тебя в лапах? — спросила она.

— Ничего, — ответил Муми-тролль (испортив хорошее начало для разговора). — Я просто мимо проходил.

— Ха! — сказала Мю.

Чтобы не встречаться с ясным и неумолимым взглядом Мю, Муми-тролль огляделся по сторонам. Дождевик Мю на ветке. Мисочка с изюмом и черносливом. Бутылка сока.

Муми-тролль вздрогнул и нагнулся. Шелковистая, покрытая блестящими коричневыми иголками земля чуть подальше, под ползучими ёлками, была, насколько хватало глаз в тумане, утыкана рядами крошечных крестов. Кресты были сделаны из сломанных палочек и связаны шпагатом.



— Что ты сделала? — воскликнул Муми-тролль.

— Думаешь, я хороню там своих врагов? — ухмыльнулась Мю. — Это птичьи могилы. Кто-то устроил здесь большое птичье кладбище.

— Откуда ты знаешь? — спросил Муми-тролль.

— Проверила, — ответила Мю. — Белые птичьи кости, такие же, как мы нашли в первый день под маяком. «Месть Забытых Костей», помнишь?

— Это смотритель маяка, — проговорил Муми-тролль после долгого молчания.

Мю закивала так, что закачался пучок на затылке.

— Они летели на свет маяка, — медленно продолжал Муми-тролль. — Птицы часто так делают. И разбивались насмерть.

— А смотритель небось собирал их каждое утро. И расстраивался всё сильнее. И в один прекрасный день выключил маяк и ушёл…

— Кошмар, — сказал Муми-тролль.

— Это было давно, — Мю зевнула. — С тех пор маяк и не горит.

Муми-тролль скорбно сморщил морду.

— Да хватит уже так сильно всех жалеть, — сказала Мю. — Давай проваливай. Я собираюсь поспать.

Выйдя, Муми-тролль разжал лапу и посмотрел на подкову. Он так и не открыл свою тайну. Морская лошадка осталась с ним.

Ночи стояли безлунные, фонарь не зажигался. Но Муми-тролль всё так же приходил в темноте на берег — просто не мог не прийти. У него всегда были с собой подкова и подарки.

Глаза стали привычными к темноте, и на этот раз он издалека разглядел, как лошадка вынырнула из тумана, точно сказочное существо. Он опустил подкову на песок и затаил дыхание.

Тёмная тень приближалась мелкими танцующими шажками, выгнув шею. Она рассеянно-грациозно, по-дамски, наступила на подкову и теперь, откинув голову, ждала, пока подкова прирастёт к копытцу.

— По-моему, чёлка — это очень красиво, — тихонько проговорил Муми-тролль. — У меня есть одна подруга с чёлкой. Может, она когда-нибудь приедет сюда… У меня много друзей, которые тебе бы понравились.

Лошадка равнодушно молчала.

Муми-тролль попробовал по-другому:

— Острова по ночам такие красивые. Это папин остров, но не знаю, останемся ли мы здесь насовсем. Иногда мне кажется, что острову мы не нравимся, но это, наверное, пройдёт. Главное, чтобы ему понравился папа…

Лошадка не слушала. Её не интересовала его семья.

Муми-тролль положил на песок свой подарок. Лошадка подошла поближе и обнюхала его, но снова ничего не сказала.

Наконец Муми-тролль нащупал правильную нить.

— Ты так красиво танцуешь.

— Правда? — переспросила лошадка. — Ты

ждал меня? Ждал?

— Ждал ли я? — воскликнул Муми-тролль. — Да я чуть с ума не сошёл, пока ждал, и я так волновался за тебя, потому что шторм… Я хотел спасти тебя от всех опасностей! У меня есть полянка, моя собственная полянка, и там я повесил твой портрет. Только твой портрет, и ничего больше…

Лошадка внимательно слушала.

— Ты самое красивое существо на свете, — продолжал Муми-тролль…

И тут взвыла Морра.

Она сидела в тумане у берега и требовала свой фонарь.

Лошадка отпрыгнула и исчезла. Осталась только длинная жемчужная нитка её смеха, смех перекатывался, как бусины, когда она ускакала в своё море.

Морра решительно поползла из тумана прямо на Муми-тролля. Он повернулся и бросился бежать. Но на этот раз Морра не осталась на берегу, а пустилась следом за Муми-троллем через весь остров, по вереску, до самого маяка. Муми-тролль видел, как она переваливается, точно большое серое пятно, видел, как она свернулась в комок у подножия скалы и осталась ждать.

Муми-тролль захлопнул за собой дверь. Он

рванулся вверх по ступенькам, чувствуя обжигающую пустоту в животе — вот оно и случилось, Морра выбралась на остров!

Мама с папой не проснулись, в комнате было тихо. Но сквозь открытое окно внутрь вплыли тревога и возбуждение, остров заворочался во сне и перевернулся на другой бок. Муми-тролль слышал, как затрепетали от страха осины, закричали чайки.

— Не спится? — спросила вдруг мама.

Муми-тролль закрыл окно.

— Отчего-то проснулся, — сказал он и с занемевшей мордой заполз обратно в кровать.

— Холодает, — проговорила мама. — Хорошо, что я успела напилить дров… Ты замёрз?

— Нет, — сказал Муми-тролль.

А она сидит там под маяком и мёрзнет. Так мёрзнет, что земля покрывается льдом… Это чувство пришло снова, и Муми-тролль ничего не мог с ним поделать. Он снова представил себя на месте существа, которое никак не может согреться, которого никто не любит, которое уничтожает всё, к чему прикасается. Это нечестно, почему именно ему приходится всё время таскать Морру с собой, почему этого никто больше не делает? И ведь её всё равно невозможно согреть!

— Ты грустишь? — спросила мама.

— Нет, — ответил Муми-тролль.

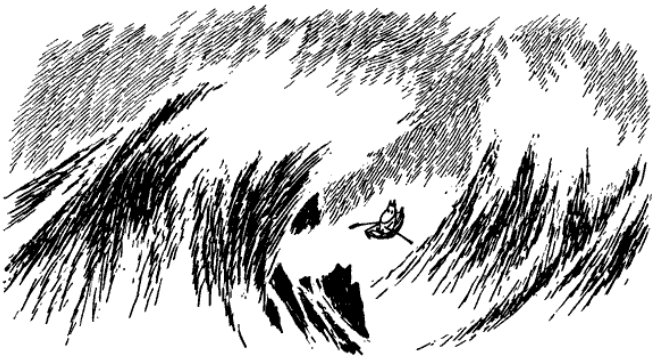
— Завтра будет новый длинный день, — сказала мама. — У каждого свой с начала до конца. Приятно подумать об этом, верно?

Мгновение спустя Муми-тролль почувствовал, что мама заснула. Он прогнал все лишние мысли и принялся за свою вечернюю игру. Немного повыбирал, во что ему больше хочется поиграть, в приключение или в спасение, и в конце концов выбрал спасение: это казалось правильнее. Закрыл глаза и опустошил голову. И вызвал шторм.

На заброшенном скалистом берегу, очень похожем на остров, задул Ужасный Ветер. По берегу забе́гали туда-сюда, замахали лапами — в волнах кто-то терпел Бедствие… Но никто не осмеливался броситься на помощь, да никто и не смог бы: все лодки в мгновение ока разбивались в Щепки.

На этот раз Муми-тролль спасал не маму, а лошадку.

Лошадка с Серебряной Подковой сражалась на море… Может, с морским драконом? Ладно, хватит и просто шторма.



Небо жёлтое, Штормовое. И он, Муми-тролль, бежит по берегу, Решительно бежит к лодке… Все кричат: «Нет, нет, остановите его, он не сможет, его поглотит Морская Пучина!» Но он отталкивает их, спускает на воду лодку и гребёт, гребёт, а кругом торчат из моря рифы, как Чёрные Зубы… Но он Бесстрашен. Малышка Мю кричит позади него на берегу: «Теперь я понимаю, какой он Отважный! О, как Жаль, что теперь уже слишком поздно…» Снусмумрик кусает свою трубку и

бормочет: «Прощай, Прощай, Старый Друг…» А он Сражается с морем дальше и наконец видит маленькую Морскую Лошадку, которая вот-вот утонет — он сажает её в лодку, и она лежит там Жалкой Кучкой, с мокрой Жёлтой Гривой. Он довозит её до берега в полной безопасности и высаживает на далёком одиноком острове. Она шепчет: «Какой ты Смелый. Ты Рисковал Жизнью ради меня…» А он рассеянно улыбается и говорит: «Я оставляю тебя здесь. Мой удел — Одиночество. Прощай…» Лошадка посмотрит ему вслед с удивлением и восхищением. «Но как же…» — скажет она. А он махнёт ей, и уйдёт Один в Шторм, и будет всё уменьшаться и уменьшаться… А все, кто на берегу, удивятся, и кто-нибудь скажет…

Но на этом месте Муми-тролль заснул. Со счастливым вздохом погрузился в сон, свернувшись под тёплым красным пледом.

— А где календарь? — спросил папа. — Мне надо поставить отметку, это важно.

— Почему? — спросила Мю, залезая внутрь через окно.

— Надо же знать, когда какой день, — объяснил папа. — Настенные часы мы с собой не взяли, и это весьма прискорбно. Но жить и не знать, среда сегодня или воскресенье, просто невозможно!

Нет, нет, ни за что.

Мю втянула воздух носом и с силой выдохнула его сквозь зубы, что могло означать только одно: «В жизни не слышала подобной чепухи!»

Папа, конечно, это понял и к тому моменту, как Муми-тролль сказал: «Я одолжил его ненадолго», успел уже разозлиться.

— Есть вещи, которые крайне важны на одиноких островах, — проговорил папа. — Например, наблюдения. Необходимо всё заносить в вахтенный журнал, ничего не оставлять без внимания, за всем следить. Время, направление ветра, уровень воды — всё. Пойди и немедленно принеси календарь.

— Хорошо-хорошо, — пробурчал Муми-тролль. Он допил кофе, протопал по лестнице и вышел в прохладное осеннее утро. Маяк гигантской колонной высился посреди серого тумана, вершины не было видно. Лишь волны тумана клубились наверху, и где-то в самом сердце тумана сидело семейство Муми-тролля, и ничего-то оно не понимало. Муми-тролль негодовал, ему хотелось спать и было совершенно не до Морры, не до лошадок и не до родителей. Вот именно в этот момент.

У подножия скалы он на секунду проснулся. Ну разумеется, как же иначе. Морра уселась вчера не

куда-нибудь, а прямо на мамин садик. Интересно, успела она просидеть там дольше часа? Хотелось бы верить, что нет. Но роза совсем пожелтела. Совесть кольнула Муми-тролля где-то в районе хвоста, но он тут же снова рассердился и захотел спать. Папы! Календари! Отметки в календарях! Где уж этим стариканам понять, что картинка с морской лошадкой — это изображение Красоты, открывшейся одному только Муми-троллю.

Муми-тролль заполз в чащу и снял с ветки календарь, уже покоробившийся от влаги. Сдёрнул с него рамку из увядших цветов и посидел немного, глядя перед собой. Недодуманные мысли роились в голове.

И вдруг его осенило. «Я переселюсь сюда. Пусть сами живут в своём дряхлом маяке, лазят по этим ужасным ступенькам и считают дни».

Эта мысль будоражила — новая, опасная, соблазнительная. Она всё меняла, она окружала его широким кольцом одиночества, очерчивала территорию печали и неизведанных возможностей.

С негнущимися лапами, слегка озябший, он принёс календарь домой и положил на комод. Папа тут же пришёл и нарисовал крестик на верхнем поле.

Муми-тролль собрался с духом и проговорил

как бы в воздух:

— Я решил пожить где-нибудь один.

— Где-нибудь не дома? Понятно, — рассеянно проговорила мама. Она сидела у северного окна и рисовала цветочные завитки. — Ну поживи. Не забудь взять спальный мешок, как всегда.

Мама рисовала жимолость, такую красивую и непростую, со всеми её листьями, — мама надеялась, что правильно их помнит. Жимолость не растёт у моря, ей нужно тёплое и защищённое место.

— Мама, — сказал Муми-тролль, чувствуя, как заскребло в горле, — это не как всегда.

Но мама не услышала — она только пробормотала что-то ободрительное, продолжая рисовать.

Папа сосчитал крестики. Он не был уверен насчёт одной пятницы. Похоже, он отметил её дважды, а четверг не отметил вовсе. Что-то беспокоило его и заставляло сомневаться. Что он делал в тот день? Дни в его сознании сливались, были похожи на непрерывную прогулку вокруг острова: идёшь и идёшь вдоль берега и никогда никуда не приходишь.

— Хорошо, — сказал Муми-тролль. — Я возьму спальный мешок и фонарь.

За окном плыл туман, и казалось, что комната

плывёт вместе с ним.

— Надо немного синего, — сказала себе мама. Она дала жимолости прорасти сквозь окно на белую стену комнаты, где та раскрылась большим, старательно прорисованным цветком.



Глава шестая
Убывающая луна



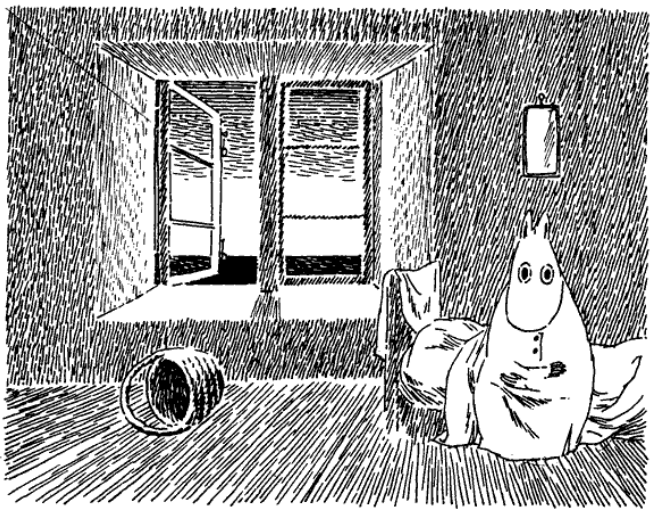
Следующей ночью мама проснулась перед рассветом от тишины вокруг маяка. Ветер вдруг перестал дуть — он часто делает так перед тем, как перемениться.

Она долго лежала и прислушивалась.

Издалека, из морской тьмы начал понемногу подниматься новый ветер. Мама слышала, как он приближается, он как будто ступал по воде, шума волн не было слышно — только ветер, и всё. Он равномерно усиливался и наконец достиг острова. Хлопнуло открытое окно.

Лёжа в кровати, мама почувствовала себя совсем маленькой. Она зарылась мордой в подушку и попробовала думать, например, о яблоне. Но

вместо этого ей виделось одно лишь море с его ветрами, море, которое наступало на остров, едва гас свет, которое было повсюду, завладело и берегом, и островом, и домом. Ей казалось, что весь мир превратился в блестящую текучую воду, а комната медленно, сама по себе плывёт по этой воде.



Что, если остров оторвётся от своего корня и в один прекрасный день его прибьёт к берегу в родной долине? А вдруг он уплывёт ещё дальше и будет плавать много дней, пока не соскользнёт за край земли, как кофейная чашка с подноса…

«Мю бы это понравилось, — усмехнулась мама про себя. — Интересно, где она ночует? А Муми-тролль?.. Когда ты мама, нельзя всё бросить и уйти в ночь — а жаль! Мамам это так нужно». Она, как обычно, послала Муми-троллю нежный рассеянный привет. Муми-тролль — он тоже не спал на своей полянке — ощутил его и в ответ помахал ушами.

Ночь была безлунная и очень тёмная.

Никто не придал особого значения уходу Муми-тролля, и он сам не знал, рад он этому или разочарован.

Каждый вечер после чая мама зажигала на столе две свечи и отдавала Муми-троллю фонарь. И папа всегда напоминал:

— Только не разводи в лесу костёр и не забудь погасить фонарь, когда будешь ложиться спать.

Каждый раз одно и то же. Ничего-то они не понимают.

Муми-тролль прислушивался к новому ветру и думал: «Луна убывает. Теперь лошадки долго

не будет».

Но и это ощущалось скорее как облегчение. Теперь все задушевные разговоры можно вести внутри своей головы. Можно вспоминать, какая лошадка красивая, и больше не злиться на Морру. Пусть смотрит на фонарь сколько влезет. Муми-тролль объявил себе, что ходит на берег с фонарём из чисто практических соображений. Иначе Морра притащится к маяку и заморозит мамины розы, и в конце концов её заметит вся семья, и всем придётся слушать её вой. Вот поэтому он и приходит, и ни для чего больше.

Муми-тролль каждую ночь ставил фонарь на песок и стоял рядом, зевая, давая Морре наглядеться.

Морра завела вокруг фонаря целый ритуал. Полюбовавшись им какое-то время, она начинала петь. То есть это, судя по всему, была песня. Какое-то гудение, высокий, пронзительный звук; казалось, он отдаётся в голове, внутри глаз, в животе. Одновременно Морра колыхалась вперёд-назад, медленно и тяжело, и взмахивала юбками, похожими на сухие сморщенные крылья летучей мыши. Морра танцевала!

Морра была ужасно довольна. Муми-троллю и самому стали почему-то важны эти нелепые

ритуалы. И он намеревался их продолжать — а остров пусть себе делает что хочет.

Остров меж тем становился всё беспокойнее. Деревья перешёптывались и трепетали, по воронике длинными волнами пробегала дрожь. Песколюбка осыпáлась и стелилась по земле, пытаясь вырваться с корнем и убежать. И как раз в эту ночь Муми-тролль увидел страшное.

Песок. Песок начал двигаться. Муми-тролль видел это совершенно ясно: песок убегал из-под Морры, испуганно посверкивая, струился из-под её танцующих лап, утаптывающих землю в лёд.

Муми-тролль схватил фонарь и бросился по тайному лазу в чащу. Он залез в спальник, застегнул молнию и попытался заснуть. Но как Муми-тролль ни зажмуривал глаза, перед ними всё так же стоял песок, осыпающийся, убегающий к воде.

На следующий день мама выкопала из твёрдой песчаной почвы четыре куста шиповника. Они с почти пугающим упорством протискивали свои корни сквозь камень, послушным ковром стелились по скале.

Мама решила, что яркие цветы шиповника отлично смотрятся на сером камне, но, видимо, не очень хорошо подумала, прежде чем высадить

их в свой коричневый сад. В садике аккуратные ряды шиповника выглядели тревожно. Мама насыпала каждому по щепотке привезённой из дома земли, полила их и посидела рядышком.

И тут прибежал папа с потемневшими от волнения глазами:

— Чёрное озеро! Оно дышит! Пойдём скорее, я покажу!

Он повернулся и побежал обратно, мама вскочила и последовала за ним, ничего не понимая. Но папа сказал чистую правду.

Тёмная поверхность озера медленно вздымалась и опускалась, точно делая глубокий вдох. Озеро дышало.

Со скалы сбежала Мю:

— Ага, — сказала она. — Вот теперь начнётся. Остров оживает! Я давно это подозревала.

— Детские выдумки, — сказал папа. — Острова не оживают. Вот море — живое… Он замолчал и вдруг хлопнул себя по морде обеими лапами.

— Что такое? — спросила мама с тревогой.

— Не знаю, — ответил папа. — Я ещё не понял… У меня просто мелькнула мысль — и вот, вот, снова!

Он схватил тетрадь в коленкоровой обложке и отправился бродить по скале, сморщив лоб.

Мама с явным осуждением посмотрела на чёрное озеро.

— Мне кажется, — сказала она, — мне кажется, нам пора устроить хорошую большую прогулку. И обязательно захватить с собой корзину для пикника!

Она тут же отправилась к маяку собираться.

Сложив в корзинку всё необходимое для пикника, мама открыла окно и ударила в колокол. Она смотрела сверху, как все бегут к маяку, и не испытывала ни малейших угрызений совести, хотя и знала, что колокол — только для сигнала тревоги.

Папа и Муми-тролль стояли у подножия маяка, подняв морды, и похожи были, если смотреть сверху, на большие груши. Мама упёрлась лапами в подоконник и высунулась наружу.

— Без паники! — весело крикнула она. — Ничего не горит. Мы просто отправляемся на пикник, сейчас же.

— На пикник? — воскликнул папа. — Но как ты можешь…

— Над нами нависла страшная опасность! — закричала мама. — И если мы немедленно не отправимся в путь, она на нас обрушится!

И они отправились в путь. «Приключение» вы-

волокли из чёрного озера, погода стояла мрачная, ветер встречный, они гребли к самому большому рифу с северо-западной стороны. Все, дрожа, уселись на белой скале, а мама соорудила из камней печку и сварила кофе. Она всё делала так, как делалось в былые времена. Скатерть, прижатая камнями с четырёх углов, масло в маслёнке, кружки, купальные халаты, похожие на яркие, распустившиеся на камне цветы, зонтик от солнца. К тому моменту, как сварился кофе, заморосил дождь.

Мама была в прекрасном настроении, она всё время говорила о каких-то повседневных мелочах, распаковывала корзинку, готовила бутерброды. Впервые за долгое время в лапах у неё снова оказалась сумка.

Риф, к которому они пристали, был маленький и голый. Там не росло ни травинки, в щели не набилось ни водорослей, ни щепок — просто серое нечто, торчащее из воды.

Пока они сидели и пили кофе, между ними как будто что-то произошло. Они болтали обо всём, что взбредёт в голову, — только не о море, не об острове и не о Муми-долине.



Остров с громадным маяком казался отсюда чужим, серым, как дождь, и далёким, как тень.

После кофе мама сполоснула кружки в море и сложила всё обратно в корзинку. Папа подошёл к кромке воды, понюхал ветер и сказал:

— Давайте-ка домой, пока ветер не усилился, — точь-в-точь как он всегда говорил в конце прогулок.

Они погрузились в лодку, Мю влезла на нос, и всю дорогу до дома дул попутный ветер.

«Приключение» вытащили на песок.

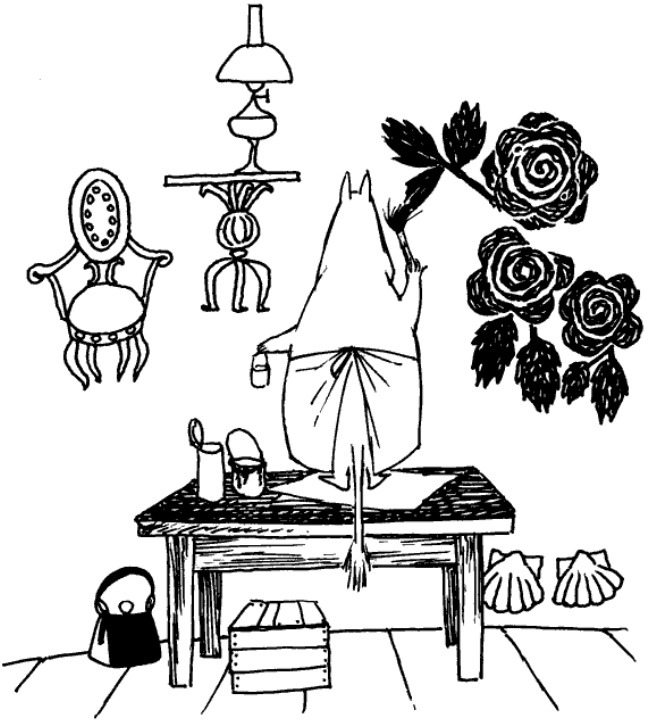
Когда они вернулись, остров стал другим, они все почувствовали это, хотя никто не сказал ни слова и не смог бы даже объяснить, что изменилось. А дело было в том, что они ненадолго уехали и потом вернулись. Все направились прямиком к маяку и вечером собирали пазл, а папа приколотил полочку над плитой.

Остальным домочадцам поход, может, и пошёл на пользу, но вот мама загрустила. Ночью ей приснилось, что они отправились в поход на остров хаттифнатов неподалёку от родного берега — на тот поросший густым лесом ласковый летний остров, — а утром она проснулась уже в печали.

После кофе, оставшись в одиночестве, она тихо присела к столу, глядя на вьющуюся ветку жи-

молости, проросшую сквозь оконную раму. От химического карандаша остался только огрызок, и он нужен был папе: делать отметки в календаре и писать в тетради с коленкоровой обложкой.

Мама вдруг поднялась и пошла на чердак. Вернулась она с тремя пакетиками краски для сетей — коричневой, синей и зелёной, банкой сурика, щепоткой газовой сажи и двумя старыми кистями.



И начала рисовать цветы на стенах маяка. Крупные решительные цветы — кисти были слишком большими. Краска для сетей ложилась на извёстку глубоко и прозрачно, и как же получалось красиво! Это было в сто раз веселее, чем пилить. Цветок за цветком распускались на стене — розы, календулы, фиалки, пионы… Мама почти что испугалась, увидев, как здорово она умеет рисовать. На границе с полом колыхалась высокая зелёная трава, а на самом верху мама хотела нарисовать солнце, но пришлось обойтись без — жёлтой краски не было.

Когда семейство собралось к завтраку, мама ещё даже не развела огонь. Она сидела на ящике и рисовала коричневую зеленоглазую пчёлку.

— Мама! — воскликнул Муми-тролль.

— Нравится? — спросила довольная мама, аккуратно дорисовывая пчёлке глаз. Кисточка слишком большая, надо бы придумать, как сделать новую, поменьше. В крайнем случае пчёлку можно будет закрасить и нарисовать вместо неё птичку.

— Похоже, — сказал папа. — Узнаю все эти цветы. Вот это роза.

— И вовсе нет, — обиженно сказала мама, — это пион. Тот красный, который растёт перед

крыльцом.

— Можно я нарисую ёжика? — крикнула Мю.

Но мама покачала головой.

— Нет, рисую здесь только я. Но если ты будешь хорошо себя вести, я сама нарисую тебе ёжика.

Завтрак прошёл весело.

— Одолжи-ка мне немножко этого красного сурика, — сказал папа. — Я сделаю отметку на скале, пока вода снова не начала подниматься, тогда можно будет серьёзно заняться наблюдениями за уровнем воды. Видите ли, я хочу разобраться, есть ли в приливах и отливах какая-то система или море делает это когда придётся… Это очень важно.

— Много ты уже насобирал материала? — спросила мама.

— Массу. Но для того чтобы начать исследование, надо как минимум ещё столько же. — Папа в приступе откровенности перегнулся через стол. — Я хочу узнать, действительно море такое зловредное или просто вынуждено подчиняться.

— Кому подчиняться? — Муми-тролль округлил глаза.

Но папа немедленно выпрямился и углубился в суп.

— Некоторым… скажем так, некоторым прави-

лам, — проговорил он.

Мама плеснула ему в банку красного сурика, и он сразу же после завтрака пошёл рисовать отметку на скале.

Осинник стал совсем красным, а берёзовые листья устелили полянку жёлтым ковром, красное и жёлтое носилось над морем вместе с зюйд-вестом.

Муми-тролль с трёх сторон замазал фонарное стекло сажей — как разбойник, который ходит опасными тропами. Он обогнул маяк, и тот долго смотрел ему вслед пустыми глазами. Снова был вечер, и остров проснулся. Чувствовалось, как он шевелится. На мысу кричали морские птицы.

«Ничего не поделаешь, — подумал Муми-тролль. — Папа понял бы, если б узнал. Но я не хочу сегодня смотреть, как убегает песок, пойду лучше на восточный мыс».

Муми-тролль сел на скалу и стал ждать, повернув незакрашенную сторону фонаря к морю. Темнота опустилась на остров, но Морра не пришла.

Муми-тролля видела только малышка Мю. Видела она и Морру. Но Морра ждала на песчаном берегу.

Мю пожала плечами и закопалась в свой мох.

Она не раз наблюдала, как те, кто должен встретиться, глупо и безнадёжно ждут друг друга в разных местах. Ничего не поделаешь, видно, так и должно быть.

Ночь была облачной. Муми-тролль слышал, как мимо пролетают невидимые птицы, за спиной со стороны озера донёсся плеск, и он оглянулся. Глаз фонаря высветил полоску чёрной воды с морскими лошадками. Они плавали под скалой; может, приходили сюда каждую ночь, а он даже и не догадывался.



Лошадки смеялись, плескали друг на друга

водой, кокетливо поглядывали на Муми-тролля из-под чёлок. Муми-тролль переводил взгляд с одной на другую: у них были одинаковые глаза, одинаковые цветы на шее, и горделивые головки были одинаковыми, не отличить. Муми-тролль не знал, какая из них — его лошадка.

— Это ты? — спросил он.

Лошадки подплыли поближе и ступили на берег, вода доходила им до колен.

— Это я! Это я! — ответили обе и расхохотались.

— Ты не спасёшь меня? — спросила одна. — Маленький толстенький морской огурец, ты ведь смотришь на мой портрет каждый день? Смотришь?

— Он не морской огурец, — укоризненно поправила вторая. — Он маленький гриб-дождевик, он обещал спасти меня, если поднимется ветер. Маленький гриб-дождевик, который ищет для мамы ракушки! Разве это не восхитительно? Восхитительно!

Жар подкатил к глазам.

Мама начищала подковку порошком. Муми-тролль помнил, что одна подкова блестит намного ярче остальных.

Но он понимал, что лошадки не выйдут из воды

и он никогда не узнает, какая из них — его.

Лошадки плескались теперь в море. Муми-тролль слышал, как они смеются, смех звучал всё дальше, и вот уже только свист ветра разносился над берегом.

Муми-тролль прислонился к скале и посмотрел наверх. Он больше не мог думать о лошадке. Отныне он всякий раз видел двух лошадок сразу, двух смеющихся морских лошадок, совершенно одинаковых. Они только выбегали из моря и убегали обратно, от этого быстро устали глаза. Их становилось всё больше, больше, он уже не мог их сосчитать. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое, хотелось спать.

Мамина настенная живопись становилась всё красивее. Мама добралась уже до двери. Она нарисовала большие зелёные яблони, усыпанные цветами и плодами, наронявшие яблок на лужайку. Розы росли повсюду — в основном садовые, с крупными красными цветами. Каждый куст обрамляли белые ракушки. Колодец был зелёным, дровяной сарай коричневым.

И однажды вечером, когда стену залил свет заходящего солнца, мама нарисовала угол веранды.

Папа зашёл внутрь и увидел его.

— А скалы ты не нарисуешь? — спросил он.

— Там нет скал, — рассеянно сказала мама. Она тщательно вырисовывала перила, их очень трудно было сделать ровными.

— А это горизонт? — продолжал папа.

Мама подняла глаза:

— Нет, это будет синяя веранда, — сказала она. — Там нет моря.

Папа долго смотрел, но ничего не сказал. Потом пошёл поставить чайник.

Когда он вернулся, мама нарисовала большое синее пятно, а на нём что-то невнятное, что, очевидно, должно было изображать лодку. Выглядело неубедительно.

— Знаешь, — сказал папа, — получилось не очень-то.

— Да, я представляла совсем по-другому, — печально согласилась мама.

— Представляла ты наверняка замечательно, — утешил папа. — Но мне кажется, лучше пусть это всё-таки будет веранда. Рисовать надо только то, что любишь.

С этого вечера мамина картина всё больше и больше напоминала Муми-долину. С перспективой были сложности, и иногда приходилось рисовать что-то не там, где оно было, а в другом

месте. Например, печь и кусочки гостиной. Невозможно изобразить комнаты целиком — как нарисуешь больше одной стены за раз? А по-другому всё выглядит неестественно.

Лучше всего маме рисовалось перед заходом солнца — в комнате никого не было, и родная долина представала перед ней всё яснее.

В один из вечеров небо с западной стороны запылало самым красивым и мощным закатом, какой только маме доводилось видеть. Оно горело красным и оранжевым, розовым и неаполитански-жёлтым, облака разносили огненные краски над тёмным ветреным морем. Дул зюйд-вест, дул с угольно-чёрного, чётко очерченного горизонта прямо на остров.

Мама стояла на обеденном столе и рисовала суриком красные яблоки на ветках. Вот бы ей такие краски, как у заката, — подумать только, какие яблоки получились бы у неё, какие розы!

Пока она смотрела на небо, вечерняя заря прокралась по стене вверх, и вдруг ожили и засветились цветы в мамином саду. Сад распахнулся, вычищенная граблями дорожка, с её странной перспективой, выправилась и повела прямо к крыльцу. Мама положила лапу на ствол дерева — он был тёплым от солнца, и мама почувствова-

ла, как на сирени распускаются цветы.

Вдруг над стеной с быстротой молнии пронеслась тень — что-то тёмное пролетело снаружи мимо окна. Большая чёрная птица кружила вокруг маяка, возникала по очереди во всех окнах: западном, южном, восточном, северном… Она кружила и кружила как сумасшедшая, протяжно, со свистом взмахивая крыльями.

«Мы окружены, — растерянно подумала мама. — Это магический круг, мне страшно. Я хочу домой… Хочу наконец домой с этого ужасного пустого острова, от этого злого моря…» Она обняла ствол яблони и закрыла глаза. Кора была шершавой и теплой. Морской гул стих. Мама ушла в свой сад.

Комната опустела. Банки с красками остались на столе, за окном продолжала свой танец одинокая качурка. Когда небо на западе погасло, она улетела в открытое море.

Настало время чая, и семейство собралось в доме.

— А где мама? — спросил Муми-тролль.

— Наверное, пошла за водой, — сказал папа. — Смотри, она нарисовала новое дерево.

Мама стояла за яблоней и смотрела, как они кипятят чай. Видно было не совсем чётко, будто

сквозь воду. Мама не удивлялась случившемуся — она наконец-то вернулась в свой сад, где всё было на своём месте и росло как надо. Пару мест она нарисовала чуть-чуть неправильно, но это ничего. Она села в высокую траву и стала слушать кукушку, которая куковала где-то за рекой.

К тому времени, как закипел чайник, мама уже сладко спала, прильнув головой к яблоне.



Глава седьмая
Зюйд-вест



В сумерках рыбак почувствовал, что скоро начнутся красивые волны. Он втащил лодку повыше на мыс, перевернул и привязал удочку. Потом заполз в свой цементный домик, свернулся серым сморщенным комочком и целиком отдался одиночеству.

Из всех ветров рыбак больше всего любил юго-западный, зюйд-вест. Тот уже набрал силу и не стихал на ночь. Осенью зюйд-вест может дуть неделями, волны в такие недели превращаются в длинные серые горы и катят прямо на остров.

Рыбак сидел в домике и смотрел, как нарастает волна. Как приятно ни о чём больше не пере-

живать. Никто не задаёт вопросов, ничего не рассказывает, не надо никого и ничего жалеть. Есть только непостижимо, недостижимо огромные небо и море, струящиеся сверху и мимо, никогда не приносящие разочарования.

Уже почти стемнело, когда идиллию нарушил скатившийся по скале Муми-тролль. Он махал руками, шумел и наконец застучал в окно и крикнул, что его мама куда-то пропала. Рыбак с улыбкой покачал головой. Стекло было слишком толстое.

Муми-тролль покатился вместе с ветром дальше, прошлёпал по прибою обратно вдоль мыса и углубился в вереск продолжать поиски.

Муми-тролль слышал, как папа что-то кричит, и видел блуждающий по скале свет фонаря. Остров в эту ночь был исполнен страха, повсюду слышались крики и шёпоты, земля убегала у Муми-тролля из-под лап.

«Мама пропала, — думал Муми-тролль. — Ей стало так одиноко, что она пропала».

Мю стояла нагнувшись над каменным полем.

— Видел? — сказала она. — Камни шевелятся.

— Да наплевать! — крикнул Муми-тролль. — Мама пропала!

— Мамы не пропадают в никуда, — сказала

Мю. — Наверное, свернулась поуютнее в каком-нибудь закутке, надо только как следует поискать. Пойду и я свернусь клубочком, пока весь остров не начал уползать у нас из-под ног. Здесь скоро начнётся полный конец света, попомните мои слова!

Фонарь светил теперь с чёрного озера. Муми-тролль бросился туда. Папа обернулся, высоко держа фонарь.

— Не могла же она упасть в воду?

— Мама умеет плавать, — сказал Муми-тролль.

Они постояли молча, глядя друг на друга. За скалой шумело море.

— Слушай, — сказал вдруг папа. — А где ты всё бродишь в последнее время?

— Ну… то тут, то там, — пробормотал Муми-тролль и отвернулся.

— А то я был так занят, — неопределённо проговорил папа.

Муми-тролль слышал, как на каменном поле выворачиваются из земли камни, они скребли друг о друга со странным сухим звуком.

— Я пойду поищу в лесу, — сказал он.

Но тут в окне маяка загорелись две свечи. Мама была дома.

Когда они вернулись, она сидела и штопала

полотенце.

— Где ты была? — воскликнул папа.

— Я? — невинно переспросила мама. — Просто пошла немного проветриться.

— Нельзя нас так пугать, — сказал папа. — Не забывай, мы привыкли видеть тебя дома по вечерам.

— В этом-то и ужас, — вздохнула мама. — Необходимы перемены. Иначе слишком привыкаешь друг к другу, и жизнь становится такой однообразной… Ведь правда, дорогой?



Папа недоумённо посмотрел на неё, но мама только засмеялась и вернулась к штопке. Папа подошёл к календарю и поставил крестик, означающий пятницу, а под ним подписал: «5 по Бофорту».

Муми-троллю показалось, что портрет лошадки изменился. Море стало не такое синее, а луна чуть увеличилась. Он сел за стол и сказал самым тихим голосом:

— Мама, я живу на полянке в лесу.

— Да что ты? — сказала мама. — А полянка красивая?

— Очень. Я подумал, что, может, тебе захочется на неё посмотреть.

— Конечно, я обязательно приду, — сказала мама. — А когда?

Муми-тролль быстро глянул на папу — тот был по уши в своей тетради. Тогда Муми-тролль шепнул:

— Сегодня ночью.

— Почему бы и нет, — ответила мама. — Но, может, приятнее было бы пойти туда утром, всем вместе?

— Это совсем не то, — сказал Муми-тролль.

Мама кивнула, продолжая штопать.

А папа записал в тетради: «Возможно ли, что

неизменные явления изменяются с наступлением ночи? Проверить: что море делает по ночам. Наблюдение: остров в темноте ведёт себя по-другому, возникают а) странные звуки, б) явление, которое с определённостью можно назвать движением».

Лапа с карандашом зависла в воздухе — папа размышлял. Потом он продолжил:

«В скобках: возможно ли, что сильное чувство само по себе могло изменить окружающую среду? Пример: я сильно беспокоился за маму. Проверить».

Он перечитал написанное и попытался сформулировать мысль яснее. Мысль не прояснялась. Папа поплёлся в кровать.

Прежде чем натянуть на уши одеяло, он сказал:

— Погасите фонарь, когда будете ложиться. Иначе можно задохнуться угарным газом.

— Конечно, дорогой, — ответила мама.

Когда папа заснул, Муми-тролль взял фонарь и всё время освещал маме дорогу. В вереске мама остановилась и прислушалась.

— Ночью всегда так? — спросила она.

— Ночью бывает беспокойно, — согласился Муми-тролль. — Но не обращай внимания. Просто

когда мы засыпаем, остров просыпается.

Муми-тролль пополз впереди по главному входу. Время от времени он оборачивался посмотреть, ползёт ли мама следом. Хоть и зацепляясь за ветки, она понемногу продвигалась сквозь лес к полянке.



— Так вот где ты живёшь! — воскликнула мама. — Какое чудесное место!

— Крыша скоро совсем облетит, — сказал Му-

ми-тролль. — А как было зелено, ты бы видела! Правда, с фонарём тут совсем как в пещере?

— Настоящая пещера, — подтвердила мама. — Надо принести сюда коврик и маленький ящик, чтобы сидеть…

Она подняла морду и увидела, как плывут среди облаков звёзды.

— Знаешь, — сказала она, — мне кажется, что остров скоро уплывёт и унесёт нас с собой. Мы поплывём куда-то…

— Мама, — сказал вдруг Муми-тролль, — я видел морских лошадок, но им неинтересно со мной. Я хотел просто побегать с ними, побегать и посмеяться, понимаешь… Они такие красивые…

Мама кивнула.

— Мне кажется, с морскими лошадками нельзя подружиться, — серьёзно сказала она. — Но не стоит из-за этого грустить. Ими можно просто любоваться — как птицами или как красивым пейзажем.

— Наверное, ты права, — сказал Муми-тролль.

Они прислушались к ветру, который носился над лесом. Муми-тролль напрочь забыл про Морру.

Он сказал:

— Жаль, что нечем тебя угостить.

— Это мы успеем и завтра, — сказала мама. — Можно устроить здесь праздник и пригласить остальных, если хочешь. Спасибо, что показал мне свою полянку. А теперь пойдём обратно к маяку.

Проводив маму домой, Муми-тролль погасил фонарь, чтобы немного побыть в одиночестве. Ветер усилился. Муми-тролль прошёл через остров. Темнота, шум моря и мамины слова укрывали его, точно капюшоном.

Скала здесь спускалась к чёрному озеру, из-под обрыва доносился плеск. Муми-тролль слышал его, но не остановился, а зашагал дальше, лёгкий, как воздушный шарик. Спать совсем не хотелось.

И тут он увидел Морру. Морра появилась на острове, побродила вокруг маяка, обнюхала следы на вереске, близоруко поозиралась по сторонам и побрела в сторону мхов.



«Меня ищет, — подумал Муми-тролль. — Но придётся ей потерпеть. На неё уходит слишком много керосина».

Он снисходительно, без всяких угрызений совести понаблюдал за Морриными шатаниями по острову.

— Потанцует завтра, — сказал себе Муми-тролль. — Не сейчас. Сегодня у меня семейный вечер.

Он повернулся ко всем спиной и кружным путём пошёл к полянке.

Муми-тролль проснулся на заре, охваченный ужасом. Спальный мешок казался путами, Муми-

тролль чуть не задохнулся во влажном жаре и не мог шевельнуть лапой, точно кто-то держал его. Всё было не так, его окружал странный коричневый сумрак, пахло как будто глубоко под землёй.

Наконец он расстегнул молнию. Перед носом кружились еловые иголки, вся земля стала иной, он был один, покинутый всеми. Коричневые корни ползли, цеплялись и тянулись повсюду, наступая даже на спальник. Сейчас деревья стояли неподвижно, но в темноте лес вырвал из земли корни и прошёл прямо по Муми-троллю, как по какому-то камню. Спичечный коробок лежал на прежнем месте, рядом с ним стояла бутылка черничного сока. А полянки больше не было. Все входы затянулись, вокруг был только первобытный убегающий лес, и Муми-тролль пополз по нему, волоча за собой спальник — это был хороший спальник, подарок на день рождения.

Вдруг он увидел фонарь. Фонарь висел на ветке, как и раньше, просто дерево снялось с места.

Муми-тролль сел на хвост и во всё горло заорал:

— Мю!

Она тут же отозвалась. Последовала долгая череда позывных. Голос у Мю был как маленькая звонкая труба. Или как буй с колоколом. Муми-

тролль понял, куда ползти, и пополз.

Он выполз на свет, и на него тут же налетела буря. Муми-тролль приподнялся на дрожащих лапах и с огромным облегчением увидел малышку Мю. В этот момент она показалась ему даже красивой.

Маленькие кустики, у которых корни уходили не так глубоко, как у деревьев, добежали уже до вереска и застыли там растрёпанной толпой. Мох втянулся в землю, образовав глубокую зелёную лощину.

— Куда это они? — крикнул Муми-тролль. — Почему они выдёргиваются из земли? Я ничего не понимаю!

— Им страшно. — Мю посмотрела на него в упор. — Им так страшно, что все иголки встали дыбом, гораздо страшнее, чем тебе! Если бы я не знала точно, что этого не может быть, я бы сказала, что некая всем нам знакомая Морра притащилась прямо сюда, а?

У Муми-тролля в животе стало холодно и пусто, и он плюхнулся прямо на вереск. Вереск, слава богу, цвёл по-прежнему. Он, очевидно, решил не переезжать.

— Морра, — задумчиво продолжала Мю. — Большая холодная Морра шляется поблизости

и усаживается то там, то тут… Ты знаешь, что остаётся там, где она посидит?

Конечно, Муми-тролль знал. Там больше ничего не вырастет. Никогда. Ни травинки.

— Что ты так на меня смотришь? — крикнул Муми-тролль.

— Я на тебя смотрю? — невинно переспросила Мю. — Разве? Наверное, я смотрела на кого-то за твоей спиной…

Муми-тролль подскочил и обернулся.

— Ха-ха, поверил! — радостно завопила Мю. — Чего ты боишься? Разве не здорово, если весь пейзаж выдерется из земли и убежит? Это же потрясающе интересно!

Муми-тролль считал, что это вовсе не здорово. Лес направлялся к маяку. Он двигался через весь остров к подножию маяка. И каждую ночь будет подходить ближе, пока первая ползучая ёлка не уткнётся своей лапой в дверь, требуя, чтобы её впустили.

— А мы не откроем, — сказал он внезапно и посмотрел Мю прямо в глаза. Глаза у неё были весёлые, хитрые, они знали про все тайны Муми-тролля.

И от этого почему-то стало легче.

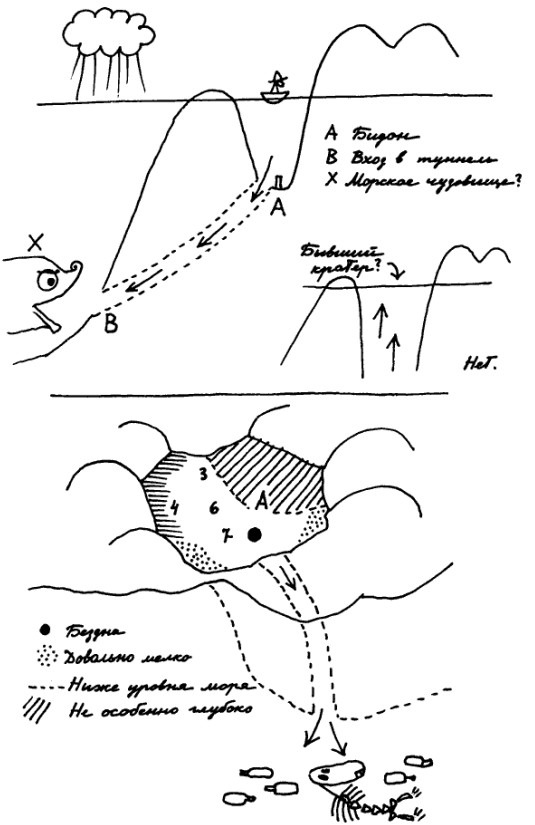
Сразу после утреннего кофе папа пошёл на

одинокий выступ и погрузился в раздумья.

Тетрадь была почти вся исписана мыслями о море. Папа написал название новой главы: «Ночные метаморфозы» и подчеркнул его. Он долго смотрел на пустой лист, пока ветер пытался вырвать тетрадь из его лап. Потом вздохнул и отлистал обратно на свою любимую пятую страницу. Там он сделал вывод о том, что чёрное озеро соединяется с морем головокружительно глубоким туннелем (см. картинку), и именно этим путём сокровища, ящик с виски и скелет уплыли, как это ни прискорбно, обратно в море. В устье туннеля (точка А) задержался только ржавый бидон. Если предположить, что некто, назовем его Икс, находясь на дне в точке Б, выплёвывает воду изо рта или всасывает её в себя, то тогда вода в озере будет подниматься и опускаться, и от этого покажется, что море дышит. Кто же этот Икс? Вероятно, морское чудовище. Но это доподлинно неизвестно. Это относилось к главе «Предположения», которая шла следом.

В главе «Факты» папа утверждал, что вода чем глубже, тем холоднее. Это он знал наверняка — достаточно было сунуть лапу в воду. Но факт гениальным способом подтверждался с помощью бутылки. Когда бутылку вынимали из глубины,

давление воды впечатывало пробку в горлышко. Далее, вода характеризуется тяжестью и солёностью. Тяжесть возрастает на глубине, а солёность — на поверхности. Доказательство: неглубокие ямки с солёной водой. Они очень-очень солёные. А давление ощущается во время ныряния.


A Бидон
B Вход в туннель
X Морское чудовище?
A
B
X
Бывший кратер?
Нет.
3
4
6
7
A
Бездна
Довольно мелко
Ниже уровня моря
Не особенно глубоко

Водоросли прибивает не с наветренной, а с подветренной стороны. Если от подножия маяка бросить в бушующее море обломок доски, он не прибьётся к берегу, а поплывёт вокруг острова на некотором расстоянии от него. Если приложить к горизонту дощечку, станет заметно, что горизонт изгибается. Вода поднимается в плохую погоду, но иногда и наоборот. Каждая седьмая волна длиннее прочих, но иногда самая большая волна приходит девятой по счёту или вовсе не соблюдая очерёдности.

Куда исчезают широкие дорожки из белой пены и как появляются? По какой причине? Папа пытался выяснить причину этого и других явлений, но это было очень трудно. Он утомился, растерял научный настрой и записал: «На остров не ведёт ни один мост, на берегу нет заборов; с него не убежать, однако же невозможно и стать пленником. Это означает, что ощущение, которое здесь испытываешь…» Нет. Папа густо зачеркнул эту мысль и перешёл к короткой главе «Факты».

И тут она нахлынула снова, эта головокружительная мысль о том, что у моря вообще нет правил. Папа торопливо отбросил её. Ему хотелось понять. Дойти до самой сути моря, чтобы ухватиться за эту суть и сохранить уважение

к себе.

Пока папа сидел в раздумьях, мама всё глубже погружалась в свой настенный сад. Она обнаружила множество мест, которые необходимо было перерисовать. Понемногу она осмелела и уже не пряталась за ствол, услышав скрип ступенек. Заметив, что в саду она становится не больше кофейника, мама нарисовала много маленьких мам по всему саду, на случай, если кто-то заметит её. Если просто стоять тихонько, остальные не догадаются, какая из мам настоящая.



— Болезненный эгоцентризм, — заметила Мю, глядя на стену. — Почему ты рисуешь только себя? А мы?

— Вы же на острове, — сказала мама.

Она спросила Муми-тролля про праздник на его полянке, но Муми-тролль пробурчал что-то и

выскользнул на улицу.

«Это всё из-за лошадок, — подумала мама. — Как летит время...» И нарисовала ещё одну маленькую, довольную жизнью маму под сиреневым кустом.

Муми-тролль медленно спустился по лестнице и вышел на скалу. Не было больше ни полянки, ни морских лошадок.

Он постоял, глядя на мамин садик у подножия скалы. Все кусты шиповника засохли от слишком хорошей жизни, не чувствуя больше знакомого и надёжного сопротивления песка и камней. Теперь мама обнесла оградой серединку цветочной клумбы — видимо, там росло что-то очень ценное. Значит, она предприняла ещё одну попытку — интересно, с чем на этот раз.

Из-за скалы выскочила Мю.

— Привет, — сказала она. — Угадаешь, что там растёт? С трёх попыток.

— Говори уже, — кивнул Муми-тролль.

— Яблоко, — торжественно провозгласила Мю. — Мама посадила яблоко. Его прибило к берегу. Мама говорит, что из семечка может вырасти дерево.

— Яблоко, — с изумлением повторил Муми-тролль. — Но оно же будет расти тыщу лет!

— Можешь даже не сомневаться, — и Мю поскакала дальше.

Муми-тролль стоял и смотрел на изящную ограду, похожую немножко на перила их веранды в Муми-долине. И вдруг тихонько и с удовольствием засмеялся. В целом мире нет никого упрямее его мамы. Может, из этого яблока и правда вырастет яблоня? Мама это заслужила. И кстати, хижина ведь ещё лучше, чем полянка. Пожалуй, он построит себе хижину. А окна выложит красивыми круглыми камушками.

Только вечером мама с папой заметили, что лес сделал решительный шаг по направлению к маяку. Больше всех спешили заросли ольхи. Они проползли уже половину острова, только та ольха, шею которой стягивал фалинь «Приключения», осталась на месте и так силилась вырваться, что аж дрожала. Голые осинки, которые не могли больше прошелестеть о своих страхах, пугливой стайкой сбились на вереске.

Деревья напоминали насекомых, они на ощупь хватались длинными корнями за камни, вцеплялись в вереск, чтобы устоять против юго-западного ветра.

— Что они делают? — прошептала мама и посмотрела на папу. — Зачем это они?

Папа прикусил трубку, отчаянно ища объяснения. Казалось невозможным просто сказать: «Я не знаю». Он уже устал ничего не понимать.

В конце концов он проговорил:

— Это то, что происходит по ночам… Ночные изменения, понимаешь ли…

Мама не отводила от него глаз.

— Следует предположить… — нервно продолжал папа. — Некие тайные изменения, и именно во тьме… И если мы тоже будем бегать на улицу по ночам и увеличивать её, я хочу сказать, эту неразбериху, она разрастётся настолько, что не прекратится и к утру…

— Но, дорогой мой… — с тревогой проговорила мама.

Папа покраснел.

После долгой неловкой паузы Муми-тролль пробормотал:

— Им страшно.

— Ты так думаешь? — с благодарностью подхватил папа. — По крайней мере, это что-то…

Папа оглядел изрытую землю. Все деревья до единого старались убежать подальше от моря.

— Теперь я понимаю! — воскликнул папа. — Они боятся моря. Море напугало их. Прошлой ночью я чувствовал, что снаружи что-то проис-

ходит…

Он принялся листать свою тетрадь.

— Здесь была одна мысль, я записал её сегодня утром… Погодите-ка. Я ведь додумал её до конца…

— Как по-твоему, это надолго? — спросила мама.

Но папа уже отошёл к маяку, уткнув нос в свои записи. Он споткнулся за куст и пропал в ёлках.

— Мама, — сказал Муми-тролль. — Ты только не волнуйся. Деревья побегают немножко, потом закопаются в землю на новом месте и снова будут расти.

— Ты думаешь? — слабым голосом спросила мама.

— Может, они даже прирастут снова вокруг твоего сада, — не сдавался Муми-тролль. — Получится хорошенькая полянка. Такие бело-зелёные березки…

Мама покачала головой и пошла к маяку.

— Ты такой милый, — сказала она. — Но мне кажется ненормальным, что природа так себя ведёт. Дома никогда такого не было.

Она решила зайти на минутку в свой сад, чтобы успокоиться.

Муми-тролль высвободил ольху, к которой

было привязано «Приключение». Юго-западный ветер под ясным прозрачным осенним небом усилился, рифы у западного мыса белели острее, чем раньше. Муми-тролль прошёл через остров и улёгся на вереск, ему было спокойно и почти весело. Наконец-то и остальные заметили Изменения — какое облегчение!

Последний осенний шмель с ласковым жужжанием кружил над цветами вереска. Вереск ничего не боялся, рос себе, где и раньше. Что, если построить хижину прямо здесь? Маленький домик, а перед дверью положить плоские камушки…

Муми-тролль проснулся оттого, что солнце заслонила большая тень. Рядом стоял папа, и вид у него был встревоженный.

— Ну, как размышляется? — спросил Муми-тролль.

— Никак, — признался папа и сел на вереск. — Эти бегающие деревья испортили всю картину. Я стал понимать море ещё меньше, чем раньше.

Он снял шляпу смотрителя маяка, стиснул её в лапах, смял и снова разгладил.

— Видишь ли, — сказал он. — В первую очередь необходимо разобраться в тайных морских законах. Чтобы полюбить море, я должен его понимать. Я не смогу хорошо чувствовать себя на

острове, пока не полюблю море.

— Это как с живыми существами, — Муми-тролль заинтересованно присел. — С любовью, я хочу сказать.

— Море всякий раз ведёт себя по-новому, — продолжал папа. — Как попало, без всякой логики. Прошлой ночью оно перебудило весь остров. Зачем? Что это было? Нет никакого порядка. Или есть, но я его не понимаю.

Он вопросительно посмотрел на Муми-тролля.

— Если бы он был, ты бы точно его понял, — сказал Муми-тролль. Он был очень доволен, что папа говорит с ним о важных, серьёзных вещах, и изо всех сил старался не упустить мысль.

— Ты думаешь? — уточнил папа. — То есть порядка и в самом деле нет?

— Наверняка нет, — подтвердил его сын, отчаянно надеясь, что это и есть правильный ответ.

Несколько чаек снялись с мыса и начали с криками кружить над островом. Биение волн отдавалось в земле, точно дыхание.

— Тогда получается, что море — живое, — заключил папа. — Оно способно мыслить. Оно ведёт себя как хочет… Просто невозможно поверить… Но раз лес боится моря, это верный признак того, что оно живое.

Муми-тролль кивнул с пересохшим от волнения горлом.

— Значит, чудовище, которое заставляет чёрное озеро дышать, — это и есть море. И оно же дёргало лотлинь. Теперь всё ясно… Оно разрушило волнорез, чтобы меня позлить, напихало травы в мои сети и пыталось унести лодку…

Папа встал и уставился в землю, сморщив морду, и вдруг морщины разгладились, и он проговорил с неимоверным облегчением:

— Значит, мне не надо ничего понимать! Просто у моря дурной характер…



Муми-тролль понял, что папа говорит сам с

собой, и ничего не ответил. Папа пошёл к маяку, тетрадь в коленкоровой обложке осталась на вереске.

Птиц стало больше — целое облако, и они кричали как сумасшедшие. Муми-тролль никогда раньше не видел столько птиц. Там были и маленькие птички — они безостановочно вспархивали и пикировали вниз; с рифов прилетали всё новые стаи. Муми-тролль смотрел на них и понимал, что и они бегут от холода Морры. Но он ничего не мог поделать. Да и какая разница? Зато папа стал говорить с ним по-новому, и Муми-тролль был ужасно горд.

Остальные стояли у маяка и смотрели на птиц, в ужасе заполонивших небо. И вдруг птичий поток повернул к морю. Птицы пропали, они бросились прямо в море и исчезли в мгновение ока. Остались только волны.

Море грохотало, пена кружила над островом, как снег, возле мыса волны вздымались в воздух, как белые драконы с распахнутой пастью.

«Рыбак небось доволен», — подумал Муми-тролль.

И тут прямо на его глазах цементный домик рыбака опрокинулся. Следующей волной раздробило стены.

Рыбаку удалось открыть дверь, и он неуклюже побежал сквозь пену. Он подполз под лодку, стоявшую на скале килем вверх. Камень там был голый и гладкий, только железные скобы торчали, как несколько забытых зубов.



«Отсохни мой хвост, — подумал Муми-тролль. — Папа был прав — у моря и правда отвратительный характер!»

— Он промок до нитки! — воскликнула мама. — Он мог пораниться стеклом, когда разбилось окно… Мы должны ему помочь, у него ведь больше нет дома!

— Пойду посмотрю, как обстоят дела, — сказал папа. — Я намерен защищать свой остров!

— Но перемычка затоплена, это же опасно! — воскликнула мама. — А если тебя смоет волной…

Папа бросился за лотлинем, висевшим под лестницей. Настроение было превосходное, голова легче облака.

— Не бойся, — сказал он. — Пусть море вытворяет что хочет, мне наплевать. Я буду защищать всех, кто живёт на этом острове, всех до одного. Теперь я всё понял.

Папа побежал вниз по склону. Мю прыгала вокруг него, как блоха, и что-то кричала, но ветер подхватывал слова и уносил с собой. Муми-тролль всё ещё стоял в зарослях вереска и смотрел на мыс рыбака.

— Пойдём со мной, — сказал папа. — Пора тебе научиться драться.

Они сбежали вниз, на перемычке бушевали

волны. Мю подскакивала на обеих лапах от восторга, пучок растрепался от ветра, волосы развевались над головой, как шипастый нимб.

Папа смотрел на недоброе море, которое наступало на остров всей своей мощью, пеной взмывало вверх и втягивалось обратно длинным головокружительным глотком. Но над перемычкой море катило волны свободнее. Значит, можно попробовать пройти там. Папа обвязался верёвкой и протянул другой её конец сыну.

— Держи так, чтоб даже Морре было неповадно, — сказал он. — Завяжи покрепче простой полуштык, двигайся за мной и натягивай верёвку. Мы обманем это море! Семь баллов по Бофорту, а? Семь баллов!

Папа переждал большую волну и пошёл по скользким камням к скале, стоявшей неподалеку от берега. Когда подкатила новая волна, папа уже миновал скалу. Верёвка между ним и Муми-троллем тёрлась о скалу, море сбивало с лап, вместе с пеной толкало вперёд. Но верёвка выдержала.

Когда волна откатила, они заскользили по камням дальше и повторили тот же трюк со следующей скалой.



«Я тебе покажу, — сурово думал папа, обращаясь к морю. — Всему есть предел. С нами ещё можешь выкидывать свои фортели, мы стерпим. Но нападать на рыбака, этого жалкого любителя водорослей, который только и знал, что любоваться тобой, — это уже чересчур!»

Папину злость поглотила подошедшая волна.

Он был совсем близко к цели. Верёвка давила на живот. Он ухватился за какой-то выступ, вцепился в скалу всеми четырьмя лапами. Зелёная

мокрая тьма снова нахлынула сверху, верёвка ослабла.

Вынырнув на поверхность, папа торопливо побрёл к земле. Лапы дрожали. Он начал подтягивать к себе Муми-тролля, который беспомощно болтался где-то с подветренной стороны.

Они сидели рядом на мысу и мёрзли. Мю на другом берегу подскакивала, как мячик, и они догадались, что она выкрикивает им поздравления. Папа и Муми-тролль переглянулись и засмеялись. Они обманули море.

— Как у вас дела? — крикнул папа и сунул морду к рыбаку под лодку. Рыбак обратил к нему ясные синие глаза. Он был мокрый насквозь, но стеклом не порезался.

— Как насчёт капельки кофе? — крикнул папа, перекрикивая ветер.

— Даже не знаю… Последний раз я пил кофе так давно… — Голос рыбака был похож на приглушённый далёкий писк. Папе вдруг стало его ужасно жаль. Он ведь такой маленький. Он ни за что не сможет перебраться через опасное место.

Папа встал и посмотрел на Муми-тролля, пожал плечами и объяснил знаками, что ситуация такова, какова есть, и её не изменить. Муми-тролль кивнул.

Папа с Муми-троллем пошли к острию мыса, ветер прижимал уши к голове, от соли щипало глаза. Когда дальше было уже не пройти, они остановились и стали смотреть на величественные столбы пены, которые медленно, почти торжественно вставали перед ними с каждой волной и падали потом обратно в море.

— В любом случае море — достойный противник! — крикнул папа сквозь брызги.

Муми-тролль кивнул: он не расслышал слов, но уловил суть.

На волнах что-то плясало — оказалось, ящик. Он ударился об оконечность мыса и отскочил к подветренной стороне. Просто удивительно, как иногда понимаешь друг друга без слов. Обвязанный верёвкой Муми-тролль бросился в волну, а папа остался на берегу, обеими лапами держа другой конец.

Муми-тролль схватил ящик, тот был тяжёлый, с верёвочной ручкой на крышке. Верёвка крепче стиснула живот Муми-тролля — это папа потащил его к берегу. В такую захватывающую и опасную игру Муми-тролль ещё не играл. И что особенно здорово — он играл в неё с папой!

Они втащили ящик на скалу — он был как новенький. Большой роскошный заграничный

ящик с виски, по верху шли красно-синие, украшенные завитушками буквы.

Папа повернулся к морю и посмотрел на него с удивлением и восхищением. Волны стали совсем зелёными, на гребнях краснела полоска вечернего солнца.

Рыбак подкрепился виски, и его вытащили на остров. Мама уже ждала на берегу, держа в руках старую одежду смотрителя маяка — она нашла её в нижнем ящике комода.



— Эти штаны я не люблю, — проговорил рыбак, стуча зубами. — Они страшные.

— Ступайте за камень и переоденьтесь, — ре-

шительно велела мама. — Не важно, страшные штаны или красивые — главное, что они тёплые и их носил достойный смотритель маяка без страха и упрёка. Хотя и очень грустный.

Она вручила рыбаку стопку одежды и оттеснила его за камень.

— Мы нашли целый ящик виски, — сообщил Муми-тролль.

— Замечательно! — сказала мама. — Тогда нам просто необходимо устроить пикник.

— Ох уж эти твои пикники! — засмеялся папа.

Через некоторое время рыбак появился из-за камня в вельветовой курточке и потёртых штанах.

— Но они же как на вас сшиты! — воскликнула мама. — Пойдёмте домой пить кофе.

Папа заметил, что мама сказала «домой», а не «на маяк» — в первый раз.

— Нет-нет-нет, — запротестовал рыбак, — только не туда.

Он с ужасом посмотрел на свои штаны и со всех ног бросился куда-то вглубь острова. И исчез в убегающем лесу.

— Придётся, наверное, отнести ему термос, — сказала Муми-троллю мама. — А вы оставили ящик не слишком близко к воде?

— Не волнуйся, — сказал папа. — Это подарок моря, а подарки не забирают назад.

Чай в этот день пили чуть раньше обычного.

Потом перенесли на стол пазл на картонке, а мама достала из-за печки банку с карамельками.

— Каждому по пять, сегодня особенный день, — сказала она. — Интересно, любит ли рыбак карамельки…



— Знаешь что, — сказал папа. — Мне всякий раз становилось нехорошо от тех конфет, которые ты приносила мне на озеро.

— Да почему же? — изумилась мама. — Ты всегда любил полосатые карамельки.

— Ну… — папа смущённо засмеялся, — может,

потому, что мое исследование продвигалось хуже некуда. Не знаю.

— И ты чувствовал себя полным дураком, — заметила Мю. — А можно считать две карамельки за одну, если они слиплись? Так что́, море всё ещё не даёт тебе покоя?

— Нет! — воскликнул папа, — покоя мне не даёшь ты, и я не понимаю, почему ты так разговариваешь со взрослыми!

Все засмеялись.

— Видите ли, — папа подался вперёд, — море — это такое большое существо, и иногда у него хорошее настроение, а иногда плохое. Совершенно непонятно почему. Мы видим только то, что на поверхности. Но если ты любишь море, тебе ничто не помешает его любить… Приходится терпеть, в каком бы настроении оно ни было.

— Ты его теперь любишь? — робко спросил Муми-тролль.

— Я всегда его любил, — с досадой проговорил папа. — Мы все любим море, поэтому мы и здесь. Разве не так?

Он посмотрел на маму.

— Конечно, — ответила она. — Смотрите, я нашла кусочек к тому сложному месту.

Все с интересом склонились над пазлом.

— Получается большая серая птица! — воскликнула Мю. — А вот физиономия от другой птицы, белой. Несутся во все лопатки!

Теперь, понимая, что изображено на картинке, они быстро нашли сразу четырёх птиц. Стало темнеть, и мама зажгла фонарь.

— Вы и сегодня будете ночевать на улице? — спросила она.

— Не будем, — ответила Мю. — У нас дома́ позарастали.

— Я потом построю себе хижину, — добавил Муми-тролль. — И приглашу вас в гости.

Мама кивнула, она стояла и смотрела, как разгорается огонь.

— Выгляни, как там на улице, — попросила она Муми-папу.

Папа открыл северное окно и секунду спустя сказал:

— Не пойму, есть ли какое-то движение, — слишком сильный ветер. Баллов восемь, не меньше.

Он закрыл окно и вернулся к столу.

— Они начнут ходить позже, ночью, — сверкнула глазами Мю. — Поползут, поплетутся, будут жаловаться — вот так!

— Вы же не думаете, что они полезут внутрь? —

воскликнул Муми-тролль.

— Конечно полезут, — подтвердила Мю и продолжила, понизив голос: — Ты разве не слышишь, как внизу скребутся в дверь камни? Они прикатываются сюда отовсюду, у дверей уже целая толпа… А деревья подползают к маяку, всё ближе, ближе, а потом начнут карабкаться корнями по стене и заглядывать в окна — и в комнате станет темно…

— Нет! — закричал Муми-тролль, закрывая лапами морду.

— Дорогая моя Мю, — сказала мама. — Такое может происходить только в твоей голове.

— Спокойствие, только спокойствие, — проговорил папа. — Нет никаких причин для волнения. Бедные кустики испугались моря и сами от этого страдают. Я всё улажу.

Сумерки превратились в темноту, но никто не ложился. Из пазла собрались ещё три птицы. Папа увлечённо делал чертёж кухонного шкафчика.

От бушующего снаружи шторма комната стала особенно уютной. Время от времени кто-нибудь вспоминал про рыбака и высказывал предположения, каково ему там, и нашёл ли он термос, и выпил ли кофе.

Мало-помалу Муми-троллем овладело беспо-

койство. Пора было идти к Морре. Он обещал, что даст ей потанцевать этой ночью. Он примолк и принялся вертеться на месте.

Мю смотрела-смотрела на него своими черёмуховыми глазами и вдруг сказала:

— Ты забыл на берегу верёвку.

— Верёвку? — удивился Муми-тролль. — Да нет же…

Мю с силой пнула его под столом. Муми-тролль поднялся и с глуповатым видом пробормотал:

— И правда. Надо за ней сходить. Если будет прилив, её унесёт…

— Только осторожнее, — проговорила мама. — Отовсюду торчат корни, а у фонаря светится всего одно стекло. И посмотри заодно, не валяются ли где-нибудь папины материалы.

Перед тем как закрыть дверь, Муми-тролль бросил взгляд на Мю. Но та сидела, уткнувшись в пазл, и беззаботно насвистывала сквозь зубы.



Глава восьмая
Смотритель маяка



Остров не успокаивался всю ночь. Мыс рыбака незаметно сдвинулся дальше в море.

Сильное волнение пробегало по скалам, точно рябь по тёмной поверхности воды, чёрное озеро всё глубже погружалось в скалы. Оно с хрипением втягивалось вниз, внутрь, волны перехлёстывали через перемычку блестящими зелёными водопадами, но не наполняли его. Озеро убегало всё дальше, и его чёрный зеркальный глаз блестел теперь из глубин острова, обрамлённый ресницами морской травы.

На подветренной стороне сновали туда-сюда у кромки воды кроты и лесные мыши. Песок убе-

гал у них из-под лап. Камни тяжело ворочались, обнажая белые корни песколюбки.

На заре остров заснул. Деревья к тому времени успели дойти до скалы, на которой стоял маяк, на месте каменного поля зияла глубокая яма, целая армия круглых серых булыжников была рассыпана по вереску. Они ждали следующей ночи, чтобы докатиться до маяка. Осенний шторм не утихал.

Около семи утра папа пошёл проведать лодку. Вода снова поднялась, нескончаемый юго-западный ветер вздымал волны выше прежнего. На дне «Приключения» папа обнаружил рыбака. Тот лежал скукожившись и играл с мелкой галькой. Он глянул на папу из-под чёлки, но не поздоровался. Непривязанное «Приключение» подпрыгивало в поднявшейся воде.

— Вы что, не видите, что лодку вот-вот унесёт? — сказал папа. — Она же бьётся о камень. Да вы посмотрите, посмотрите! Тут всего-то и надо — так нет же! Вылезайте и помогите мне её вытащить!

Рыбак перебросил ноги в помятых штанах через борт, выскочил на землю и пробормотал, глядя кротко и миролюбиво:

— Я никогда не делал ничего дурного…

— И ничего хорошего тоже, — и папа со зло-

стью вышвырнул лодку из воды в одиночку и, запыхавшись, рухнул на берег — на то немногое, что от него осталось. Разбушевавшееся море, очевидно, собиралось сожрать весь берег и каждую ночь отъедало от него по кусочку. Папа сурово посмотрел на рыбака и спросил:

— Вы нашли кофе?

Рыбак только улыбнулся.

— Что-то с тобой не так, — проговорил папа себе под нос. — Ты как растение или тень, без всякой личности. Как будто и на свет не родился.

— Я родился на свет, — сказал вдруг рыбак. — Завтра у меня день рождения.

Папа расхохотался от удивления.

— Это ты, выходит, помнишь, — проговорил он. — День рождения, ну надо же! И сколько тебе стукнет?

Но рыбак уже повернулся к нему спиной и медленно побрёл вдоль берега.

Папа пошёл обратно к маяку, он очень переживал за остров. Где раньше был лес, зияли глубокие ямы; деревья процарапали на вереске длинные борозды, ползя к маяку. Там они и стояли теперь, сплетясь от ужаса.

«Как надо себя вести, если хочешь успокоить остров? — задумался папа. — Нехорошо, если

остров и море станут врагами, нужно их помирить...»

Папа остановился. Со скалой под маяком что-то было не так. Теперь он снова заметил это слабое движение — скала сворачивалась, сморщивалась, как кожа. Несколько серых камушков прокатилось по вереску. Остров проснулся.

С похолодевшим от волнения загривком папа прислушался. Слышно было тихое постукивание, он ощущал его всем телом, оно было повсюду, очень близко. Оно доносилось из-под земли.

Папа опустился на вереск и прижал ухо к земле. И услышал, как бьётся сердце острова. Далеко внизу, под прибоем, глубоко в недрах земли стучало сердце — глухо, мягко и ритмично.

«Остров живой, — понял папа. — Мой ост-ров такой же живой, как деревья и море. Всё живое».



Он медленно поднялся.

Ползучая ёлка стелилась по вереску, точно колышущийся зелёный ковёр. Папа посторонился, чтобы дать ей дорогу, а потом остановился и застыл. Он видел остров, живой остров, который съёжился на тёмном морском дне и ужасно боялся моря. Этот страх был опасен, он мог в любую минуту вырваться, развернуться во весь рост, заметаться вокруг, и кто тогда спасёт всех маленьких существ, которые окажутся поблизости? Папа пустился бегом.

Он вошёл в дом и повесил шляпу на гвоздь.

— Что случилось? — спросила мама. — Что-то

с лодкой?

— Лодку я вытащил на берег, — сказал папа. Семейство не отводило от него глаз, и он добавил: — Завтра у рыбака день рождения.

— Да что ты! — воскликнула мама. — И поэтому у тебя такой странный вид? Надо обязательно отпраздновать. Подумать только, даже у рыбака есть собственный день рождения!

— Вот кому легко подобрать подарок, — сказала Мю. — Пакетик морской травы! Клочок мха! Или капелька воды, а?

— Мю, это нехорошо, — сказала мама.

— Очень даже хорошо! — воскликнула Мю.

Папа стоял у западного окна и оглядывал остров. Он слышал, как за его спиной семейство обсуждает две насущные проблемы: как заманить рыбака на маяк и как перетащить ящик виски через залив. Но сам он не мог думать ни о чём, кроме испуганного сердца острова, бьющегося под землёй.

Ему надо было поговорить об этом с морем.

Папа уселся на одинокий выступ и поплыл впереди, на носу своего острова, точно ростр.

Это был тот самый настоящий шторм, о котором мечтал папа. Но всё получилось не так, как он думал. Никаких прекрасных пенных жемчужин,

ни даже восьми баллов по Бофорту. Пена отрывалась от волн с порывами ветра и яростным серым дымом носилась над морем, вода надувалась и морщилась, как сердитое лицо.



Папа снова настроил голову — в этот раз получилось гораздо легче. И принялся изнутри своей головы разговаривать с морем так же запросто, как это делали когда-то его предки.

— Ты такое большое, что тебя не заботит, какое ты производишь впечатление, — сказал папа морю. — А это недостойно. Тебе действительно так важно напугать жалкий островок, у которого и без того хватает забот? Тебе бы радоваться, что он осмелился забраться так далеко в открытую воду: ведь теперь тебе есть с кем сравнивать своё величие. А что хорошего в том, чтобы остаться без прибоя? Само посуди. Здесь всего-то и есть что клочок леса, который из-за тебя растёт вкривь и вкось, да немного скудной земли, с которой ты сметаешь всё, до чего дотянешься, да горстка круглых гор, которые ты будешь точить, пока не сточишь окончательно. И у тебя ещё хватает совести их всех пугать!

Папа наклонился и сурово посмотрел на бушующее море.

— Ты не понимаешь одной вещи, — сказал он. — Ты должно заботиться об этом острове. Тебе бы защищать и утешать его, а не кичиться своей силой. Понимаешь?

Папа прислушался к шторму, но море не умело

ему ответить.

— Ты так же обходилось и с нами, — продолжал папа. — Мучило нас как могло, но у тебя ничего не вышло. Мы не сдались. Я изучил тебя вдоль и поперёк, и тебе это не понравилось. Мы всё равно продолжали строить. А? Кстати, должен признать, что с ящиком виски вышло красиво. Я понял твой намёк. Ты умеешь проигрывать. Но отыграться потом на острове — это просто недостойно. И я говорю тебе это только — ну почти только — потому, что ты мне нравишься.

Папа замолчал, голова у него очень устала. Он прислонился спиной к скале и стал ждать.

Море не отвечало, но вдруг вынесло к берегу блестящую широкую двухдюймовую доску.

Папа следил за ней с волнением.

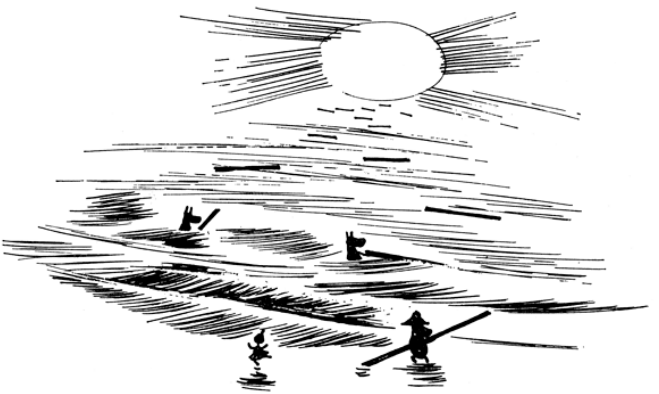
Появилась вторая такая же. Третья. Похоже, где-то целый корабль, гружённый досками, решил избавиться от своего груза и сбросил его в воду.

Папа выбрался на скалу и побежал. Он бежал и смеялся. Море попросило прощения, оно хочет, чтобы они остались! Оно хочет помочь им, чтобы они строили дальше, чтобы у них всё получилось и чтобы им было здесь хорошо, хотя они и окружены со всех сторон неизменным неумолимым горизонтом.

— Спускайтесь! Спускайтесь скорее! — закричал папа с лестницы. — К нам пригнало доски! Все силы на вылавливание!

Семейство пустилось бежать через остров.

Доски подплыли. Они обогнули остров с подветренной стороны и качались теперь в бушующих волнах, тяжёлые и недоступные, каждую секунду готовые уплыть и обрадовать какие-нибудь другие берега. Надо было спешить, Морра побери, спешить! Все очертя голову бросились в море — никто даже не почувствовал, насколько оно холодное. Наверное, в роду у них был какой-нибудь старый пират, который почуял дармовую наживу и подгонял теперь своих потомков. И им это было необходимо. Они пропитались печалью острова и одиночеством моря и теперь избавлялись от этого бремени, вкладывая его в вылавливание, таскание и укладывание. Они перекрикивались сквозь шум моря, чтобы не осталось никаких сомнений, что они живут по-настоящему, на полную катушку, и безоблачное небо по-прежнему сияет над штормовым островом.



Вытащить из воды двухдюймовую доску — восхитительно трудное дело. Она качается, она тяжёлая от впитавшейся воды. Она может сбить с ног, может налететь вместе с волной внезапно, как таран. Тогда это даже опасно.

А когда она наконец лежит на берегу и море ей уже не угрожает — это ценность, которая ещё ценнее оттого, что украдена. Блестящая, тяжеленная, безупречная доска, тёплого цвета старой смолы,

с крестиком на срезе, поставленным прежним владельцем. Ею можно любоваться — гордо, позавоевательски, уже представляя, с каким звуком входит в неё трёхдюймовый гвоздь.

— Ветер, наверное, уже девять баллов! — крикнул папа. Он перевёл дух и посмотрел на море. — Ладно, — сказал он. — Теперь мы с тобой в расчёте.

Перетаскав доски на сушу, все отправились домой варить уху. Когда они вышли на открытое место, ветер набросился на них, как живой, Мю едва устояла на ногах.

Мама по дороге остановилась посмотреть на свой сад, который заполонили испуганные ползучие ёлки. Она опустилась на колени и подсунула морду под ветки.

— Как там яблоня, растёт? — спросил Муми-тролль.

— Думаешь, я совсем дурочка? — засмеялась мама. — Пройдёт ещё не один десяток лет, прежде чем она станет похожа на дерево. Я просто подбодрила её немножко.

Она оглядела засохшие кусты шиповника и подумала: «Глупо было высаживать их здесь. Хорошо, что их осталось ещё много, целый остров. Просто, наверное, природа — это красивее,

чем сад?»

Папа затащил несколько досок на маяк и достал ящик с инструментами.

— Я знаю, что сырое дерево потом усыхает, — сказал он. — Но мне некогда ждать. Что, если кухонный шкафчик будет с трещинами?

— Да пускай, — ответила мама. — Сколачивай на здоровье, за работу надо браться тогда, когда хочется.

Мама в этот день не рисовала, она выстругивала палочки для вьющихся растений и прибиралась в ящиках комода — даже в ящике смотрителя маяка. Муми-тролль рисовал — он точно представлял, как должна выглядеть его хижина. Химический карандаш почти кончился, но Муми-тролль чувствовал, что море принесёт им новый, как только понадобится.

К вечеру все подустали и почти не разговаривали, и в комнате воцарилась спокойная тишина. Море ритмично билось, небо было белым, отмытым дочиста. Малышка Мю заснула на тёплой плите.

Мама глянула на остальных и подошла к своей картине, приложила лапу к стволу яблони. Ничего не произошло. Это была просто стена, красивая оштукатуренная стенка.

«Я только хотела проверить, — подумала мама. — Так и есть. Я не могу туда попасть, потому что больше не тоскую по дому».

В сумерках Муми-тролль пошёл заправить фонарь.

Канистра лежала под лестницей, рядом с рваными сетями. Муми-тролль подставил бачок фонаря под её носик и открутил пробку. Канистра глухо стукнула, когда он поднял и наклонил её, она была гулкая, пустая. Муми-тролль ждал. Потряс немного.



Потом он поставил канистру на место и долго смотрел в землю. Керосина больше не было. Кончился. Фонарь каждый вечер зажигали на маяке, каждую ночь для Морры, да ещё Мю вылила несколько литров на муравьёв. Конечно.

Но что же теперь делать? Что скажет Морра? Муми-тролль боялся даже вообразить, как она расстроится. Он сел на ступеньки и закрыл морду лапами. Он чувствовал себя так, будто предал друга.

— Точно пустая? — спросила мама, встряхнув фонарь.

Они допили чай, в окнах начало темнеть.

— Совсем пустая, — горестно подтвердил Муми-тролль.

— Видимо, канистра протекает, — сказал папа. — Проржавела. Не может быть, чтобы мы извели столько керосина!

Мама вздохнула.

— Придётся обойтись светом от печи, — сказала она. — У нас осталось всего три свечки, и их надо приберечь для деньрожденного торта.

Она подбросила дров и оставила открытой дверцу печи.

Огонь горел, весело потрескивая. Семейство подтащило поближе ящики и уселось возле печи полукругом. Ветер время от времени взвывал в трубе, точно музыка, мрачная и одинокая.

— Что там на улице? — спросила мама.

— Я тебе скажу, что там, — ответил папа. — Остров укладывается спать. Обещаю, что он уляжется

и уснёт примерно в одно время с нами.

Мама рассмеялась, а потом сказала задумчиво:

— Знаете, мне здесь всё время кажется, что мы выбрались на пикник. В том смысле, что всё по-другому, непривычно. Как будто у нас всё время воскресенье. Мне хотелось бы только понять — это плохо?

Остальные ждали.

— Потому что нельзя же всё время быть на пикнике, — неуверенно продолжала мама. — Должен же он когда-нибудь кончиться. Я боюсь, что вдруг снова наступит понедельник и я уже не смогу поверить, что всё это было правдой…

Она замолчала и с сомнением посмотрела на Муми-папу.

— Конечно же это правда! — недоумённо воскликнул папа. — Это же замечательно — воскресенье каждый день. Этого мы и добивались!

— Вы вообще о чём? — спросила Мю.

Муми-тролль вытянул лапы, комната вдруг показалась ему тесной. Он не мог думать ни о чём, кроме Морры.

— Я пойду прогуляюсь, — сказал он.

Все посмотрели на него.

— Да, пойду глотну немножко свежего воздуха, — нетерпеливо повторил Муми-тролль. — Не

хочется сидеть и болтать, хочется подви́гаться.

— Послушай-ка, — начал папа, но мама сказала:

— Пусть идёт.

— Что это с ним? — спросил папа, когда Муми-тролль ушёл.

— Ему стало тесно с нами, — сказала мама. — Он пока сам не понимает. А ты всё думаешь, что он ещё малыш.

— А кто же он? — удивился папа. — Конечно малыш.

Мама засмеялась и пошуровала в печи. С печкой и правда оказалось гораздо уютнее, чем со свечой.

Морра ждала на песке. Муми-тролль пришёл к ней без фонаря. Он остановился возле лодки и посмотрел на Морру. Он ничего не мог поделать.

Под землёй билось испуганное сердце острова, ночь полнилась переменами. Он слышал, как с жалобным шёпотом бредут по острову деревья и камни, но и с этим ничего поделать не мог.

И вдруг Морра запела. Она пела свою песнь радости и колыхалась туда-сюда, размахивая юбками, она топталась на песке и всем своим видом выражала радость от того, что Муми-тролль пришёл.

Муми-тролль удивлённо шагнул вперёд. Не оставалось никаких сомнений в том, что Морра рада его видеть. Морре не нужен был фонарь. Она радовалась, что Муми-тролль пришёл повидаться.

Всё то время, пока Морра танцевала, Муми-тролль стоял неподвижно. Когда она убрела по берегу прочь, он проводил её взглядом, потом вышел на песок и ощупал его. Льда больше не было. Песок был самый обычный, как будто по нему и не топталась Морра. Муми-тролль прислушался, но услышал только плеск прибоя — похоже, остров заснул, погрузился вдруг в глубокий сон.

Муми-тролль пошёл домой. Остальные уже улеглись, в печи догорали угли. Он забрался в кровать и свернулся клубочком.

— Что она сказала? — шепнула Мю.

— Обрадовалась, — шепнул в ответ Муми-тролль. — Она вообще не заметила разницы.

Утром в день рождения рыбака небо было всё таким же ясным, юго-западный ветер ничуть не стих.

— Вставайте, — сказал папа. — У нас снова всё хорошо.

Мама высунула морду из-под одеяла.

— Знаю, — сказала она.

— Ничего ты не знаешь! — гордо воскликнул папа. — Остров успокоился, он больше не боится! Кусты разошлись по домам, а деревья поспевают за ними изо всех сил. Ну, что скажешь?

— Неужели? Как замечательно! — мама села в кровати. — Было бы сложновато праздновать день рождения, когда деревья всё время путаются под ногами. А представь, сколько они натащили бы мусора…

Она подумала ещё секунду и добавила:

— Надо посмотреть, они вернутся на старые места или будут искать новые, раз уж пустились в путь? Когда они определятся, я подложу к корням немного водорослей.

— Вот вы буржуи! — воскликнула Мю. Она стояла на окне и разочарованно выглядывала наружу. — Опять всё будет как обычно. А я надеялась, что остров утонет, или куда-нибудь уплывёт, или взлетит! Никогда-то не случается ничего интересного…

Она с упрёком посмотрела на Муми-тролля. Тот поймал её взгляд и засмеялся.

— Вот именно, — сказал он. — Не каждому под силу в одиночку вернуть на место целый лес!

— Вот-вот! — довольно подхватил папа. — Далеко не каждому. А приятнее всего, когда об этом

знаешь только ты сам!

— У некоторых слишком хорошее настроение, — заметила Мю. — А лучше бы эти некоторые присмотрели за своим ящиком виски.

Папа с Муми-троллем бросились к окну. Ящик по-прежнему был на мысу, зато мыс отодвинулся на приличное расстояние.

— Кофе я допью потом, — торопливо сказал папа, надевая шляпу. — Надо проверить уровень воды.

— Будь добр, проверь заодно рыбака, — попросила мама. — Его надо заранее пригласить.

— И правда! — крикнула Мю папе вслед. — А то вдруг сегодняшний вечер у него уже занят!

Но рыбак исчез. Наверное, прятался в лесу — сидел себе там тихонько и думал: ну вот, сегодня у меня день рождения.

Стол был готов. На нём красовались три свечки. С потолка свисали рябиновые и можжевеловые ветки, Мю наломала большую лохматую охапку шиповника.

— Ты чего притих? — спросила она.

— Думаю, — ответил Муми-тролль. Он обкладывал маленькими белыми камушками торт.

— Как тебе удалось её оттаять? — с любопытством спросила Мю. — Я ходила утром на берег.

Песок совсем не замёрз.

— Откуда я знаю, — сказал Муми-тролль, покраснев. — Ты ведь никому не расскажешь?

— Ха. Думаешь, я такое трепло? Меня не настолько интересуют чужие тайны, чтобы их выбалтывать. К тому же всё тайное рано или поздно становится явным. Уж поверь мне, на этом острове хватает тайн. И я знаю их все!

Мю засмеялась противным смехом и убежала.

Папа, запыхавшись, поднялся по лестнице с охапкой дров.

— Твоя мама совершенно не умеет пользоваться топором, — сказал он. — А вот пилит неплохо. Придётся, видимо, расширить лесопилку, чтобы мы могли работать одновременно.

Он свалил дрова у печи и спросил:

— Что, если я подарю рыбаку свою чёрную шляпу? Мне что-то разонравились цилиндры.

— Подари, — ответил Муми-тролль. — У тебя ведь есть шляпа смотрителя маяка.

Папа кивнул и полез в башню за обёрточной бумагой. Он приподнял с газовых баллонов пустой ящик и вдруг остановился. На стене было стихотворение, которого папа раньше не заметил. Знакомым почерком, похожим на сорочьи следы.

Сегодня третье октября,
День моего рождения,
Но гость, не ждите, не придёт,
И лишь зюйд-вест ревмя ревёт
Средь вечного дождения.

«А ведь это сегодня, — с изумлением понял папа. — У смотрителя маяка тоже день рождения третьего октября… Очень, очень странно».

Он прихватил немного бумаги и полез по приставной лестнице.

Остальные всё ещё обсуждали, как заманить рыбака на маяк.

— Ни за что не придёт, — заявила Мю. — Он боится маяка. Всегда делает большой круг, чтобы даже мимо не проходить.

— Может, пообещать ему что-нибудь? — предложил Муми-тролль. — Что у нас есть красивого? Или давайте ему споём?

— Иди ты лесом, — отмахнулась Мю. — Тогда он точно сбежит.

Мама встала и решительно пошла к двери.

— Нет уж, знаете что, — сказала она, — я сейчас пойду и приглашу этого бедного отшельника к нам так, как было принято в старые добрые времена. Пусть только Мю вытащит его из чащи.

Когда они подошли, рыбак сидел на краю леса с анютиными глазками в волосах. Он тут же встал и выжидательно посмотрел на них.

— Примите мои поздравления, — и мама сделала реверанс.

Рыбак серьёзно кивнул.

— Вы первая, кто вспомнил о моём дне рождения, — проговорил он. — Какая честь.

— Мы хотим пригласить вас к нам на небольшое торжество, — продолжала мама.

— В маяк? — Рыбак сморщился. — Я не хочу.

— Послушайте, — спокойно сказала мама. — Вам не обязательно даже смотреть на маяк. Закройте глаза и дайте мне лапу. Мю, беги поставь на огонь кофе и зажги свечи.

Рыбак крепко зажмурился и протянул руку. Мама приняла её и осторожно повела рыбака через вереск к маяку.

— Здесь высокая ступенька, — предупредила она.

— Я знаю, — ответил рыбак.

Услышав скрип двери, рыбак съёжился и не захотел идти дальше.

— У нас есть торт, мы там всё украсили, — сказала мама. — И приготовили подарки.

Она перевела рыбака через порог, и они стали

медленно подниматься по лестнице. Зюйд-вест ревел над башней и иногда взвывал где-то в разбитом окне. Мама почувствовала, что рука у рыбака дрожит, и сказала:

— Это не опасно. Это только так кажется. Скоро уже придём.

Она распахнула дверь в комнату и воскликнула:

— Вот теперь смотрите!

Рыбак открыл глаза. Свечи горели, хотя ещё не стемнело. Праздничный стол был великолепен: белая скатерть, зелёные ветки по углам. Семейство стояло вокруг в ожидании.

Рыбак посмотрел на торт.

— У нас только три свечки, — проговорила мама извиняющимся тоном. — Сколько же вам лет?

— Не помню, — пробормотал рыбак. Взгляд его скользил испуганно от окна к окну и наверх, к люку в потолке.

— С днём рождения! — сказал папа. — Садитесь, будьте добры.

Но рыбак не сел, а, наоборот, подвинулся поближе к двери.

— Да сядь уже, как все! — вдруг истерически хихикнула Мю.

Рыбак так испугался, что подошёл к столу и

уселся, и не успел он опомниться, как мама уже разлила кофе, а кто-то развернул шляпу и надел на его лохматую голову.

Рыбак сидел тихо, пытаясь разглядеть шляпу из-под полей. Кофе он не хотел.



— Может, немножко морской травы? — предложила Мю и вручила ему подарок, завёрнутый в красную бумагу.

— Можешь съесть её сама, — вежливо ответил рыбак, и все покатились со смеху, что рыбаку удалось сказать что-то настолько уместное.

Кофепитие сразу утратило всю свою торжественность, рыбака оставили в покое и принялись

болтать о шторме и острове, который наконец помирился с морем и заснул. Рыбак решился попробовать кофе и скривился. Потом бросил в чашку восемь кусков сахару и тогда выпил всё одним глотком.

Потом он развернул свёрток Муми-тролля. Там были подарки, которые забыла на песке морская лошадка: кусочки стекла, камушки и четыре медных грузила. Рыбак посмотрел на грузила долгим взглядом и сказал: «Ха». Потом он открыл последний подарок, достал оттуда ракушку, на которой было написано: «Сувенир с Западного побережья», и сказал «ха» два раза.

— Она была самая красивая, — объяснила мама. — Море вынесло её на песок.

— Да? — сказал рыбак и посмотрел на нижний ящик комода.

Он встал и медленно подошёл к комоду. Семейство наблюдало за ним с интересом и удивлением: он даже не поблагодарил за подарки.

Наступали сумерки, только маленькое закатное пятно подрагивало на ветвях яблони. Свечи всё горели.

Рыбак заметил на комоде птичье гнездо.

— Оно должно быть в трубе над заслонкой, — сурово сказал он. — Оно лежало там много лет.

— Мы собирались повесить его за окном, — оправдывалась мама. — Просто пока не дошли руки сделать для него полочку.

Рыбак стоял перед комодом и смотрел в зеркало. Он осмотрел папину шляпу и долго вглядывался в собственную растерянную физиономию. Потом взгляд его скользнул к разложенному на картонке пазлу. Он взял кусочек и вставил его на место и начал быстро вставлять их один за другим. Семейство вышло из-за стола и столпилось за его спиной.

Картина была готова. На ней были птицы и маяк. Птицы летели прямо на свет. Рыбак повернулся и посмотрел на папу.

— Я вспомнил, — сказал он. — Это не та шляпа.

Он снял свою шляпу и протянул её папе. В воцарившейся тишине джентльмены обменялись шляпами.

Смотритель маяка вернулся.

Он застегнул свою вельветовую курточку и подтянул штаны. Потом поглядел на чашку и спросил:

— Можно ещё немножко кофе?

Мама метнулась к печке.

Они снова уселись за стол, но разговор не клеился. Смотритель маяка ел торт, а семейство

робко наблюдало.

— Я тут немножко порисовала, — сказала мама застенчиво.

— Я заметил, — сказал смотритель маяка. — Сухопутный пейзаж. Но для разнообразия даже приятно. И нарисовано хорошо. А что будет на другой половине стены?

— Я собиралась нарисовать там карту, — ответила мама. — Карту острова и рифов. И отметить на ней все мели и, может быть, глубину моря. Мой муж — большой специалист по измерению глубин.



Смотритель маяка уважительно кивнул. Папа просиял, но всё ещё не знал, что сказать.

Мю, страшно довольная, переводила блестящие глаза с одного на другого и сидела с таким видом,

будто вот-вот ляпнет что-нибудь неприличное, — но пока молчала.

Две свечки догорели и закапали торт. На улице стемнело, шторм всё носился над островом. Но в комнате воцарился покой — редкий гость на семейных торжествах.

Муми-тролль вдруг вспомнил про Морру — теперь уже без ощущения неисполненного долга. Они ещё увидятся, само собой. Но это перестало быть таким уж обязательным. Почему-то Муми-тролль знал: Морра больше не боится, что он её бросит.

Наконец папа заговорил.

— Слушай-ка, — сказал он. — У меня на твоём мысу остался ящик виски. Как думаешь, ветер стихнет?

— Ну, — отозвался смотритель, — уж если подул зюйд-вест, это может длиться неделями, сам знаешь. Думаю, с ящиком ничего не случится.

— Чуть попозже пойду принюхаюсь к погоде, — сказал папа, зажигая трубку. — Как, по-твоему, можно оставить лодку как есть?

— Можно. Сейчас новолуние, навряд ли вода ещё поднимется.

Догорела и третья свеча, и теперь только отблеск пламени на полу освещал комнату.

— Я постирала простыни, — сказала мама. — Хотя они и так были чистые. Кровать на прежнем месте.

— Спасибо, спасибо, — кивнул смотритель маяка, поднимаясь из-за стола. — Но, пожалуй, сегодня я переночую наверху, в башне.

Они пожелали друг другу спокойной ночи.

— Пойдём сходим на мыс? — предложил папа.

Муми-тролль кивнул.

Когда папа с Муми-троллем вышли на скалу, на юго-востоке уже проступил тонкий серпик луны. Начинался новый месяц, и новая луна готовилась освещать всё более тёмные осенние дни.

Они спустились в вереск.

— Пап, знаешь, — сказал Муми-тролль, — мне надо кое-что сделать на берегу. Кое-кого повидать.

— Ах вот как, — сказал папа. — Что ж, тогда до завтра.

— Пока, — сказал Муми-тролль.

Папа продолжил свой путь, уже почти забыв про ящик виски. Мыс там, мыс тут — какая разница, когда он у тебя не единственный?

Папа подошёл к воде и остановился у кромки прибоя. Там волна за волной катилось его море — шумное, горделивое, спокойное и бурное. Папа

выбросил из головы все мысли и просто почувствовал себя живым: целиком и полностью, от кончика хвоста до ушей.

Оглянувшись на свой остров, папа увидел белый свет, свет долетал над морем до пустого горизонта и возвращался оттуда длинными мерными волнами.

Маяк горел снова.

